

Министерство образования и науки Российской Федерации

Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«НИЖЕГОРОДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
им. Н.А. Добролюбова»

ВЕСТНИК
Нижегородского государственного
лингвистического университета
им. Н.А. Добролюбова

Выпуск 17

Нижний Новгород

2012

*Печатается по решению редакционно-издательского совета
ФГБОУ ВПО «НГЛУ»*

УДК 81'1:008+82(091)+378.14+1(091)

Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н.А. Добролюбова. Выпуск 17. – Нижний Новгород: ФГБОУ ВПО НГЛУ, 2012. – 267 с.

ISSN 2072-3490

Главный редактор

Б.А. Жигалев

Редакционная коллегия:

Е.С. Гриценко (*зам. главного редактора*), Е.В. Плисов (*отв. секретарь*),
В.М. Бухаров, М.А. Викулина, М.А. Грачев, Е.Н. Дмитриева, В.Г. Зусман,
В.И. Карасик (Волгоград), З.И. Кирнозе, Л.П. Крысин (Москва),
Е.В. Курбакова, М.М. Лебедева (Москва), Л.А. Львов,
М.И. Никола (Москва), О.Г. Оберемко, Е.Р. Поршнева, М.С. Ретунская,
Е.П. Савруцкая, Т.Н. Синеокова, В.В. Сдобников, О.Н. Сенюткина,
В.М. Строгеецкий, А.А. Сергунин (Санкт-Петербург), С.В. Устинкин,
Э.Д. Фролова (Санкт-Петербург), А.Н. Шамов, Л.Е. Шапошников,
Д. Боксэ (США), Д. Марке (Бельгия), Д. Мийе-Жерар (Франция),
У. Реннер-Хенке (Германия), М. Руэп (Германия), К. Флидль (Австрия),
С. Фрилз (США)

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере
массовых коммуникаций, связи и охраны культурного наследия.
Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-32158 от 07.06.2008г.

Журнал включен в Перечень ведущих рецензируемых
научных журналов и изданий ВАК РФ с 19.02.2010 г.

ISSN 2072-3490

© ФГБОУ ВПО «НГЛУ», 2012

Ministry of Education and Science of the Russian Federation

NIZHNY NOVGOROD LINGUISTICS UNIVERSITY

VESTNIK
of Nizhny Novgorod Linguistics University

Issue 17

Nizhny Novgorod

2012

**Vestnik of Nizhny Novgorod Linguistics University. Issue 17. –
Nizhny Novgorod: Nizhny Novgorod Linguistics University, 2012.
– 267 p.**

ISSN 2072-3490

Editor-in-Chief

B. Zhigalev

Editorial Board:

E. Gritsenko (*Deputy Editor-in-Chief*), E. Plisov (*Executive Secretary*),
V. Bukharov, M. Vikulina, M. Grachev, E. Dmitryeva, V. Zusman,
V. Karasik (Volgograd), Z. Kirnoze, L. Krysin (Moscow), E. Kurbakova,
M. Lebedeva (Moscow), L. Lvov, M. Nikola (Moscow), O. Oberemko,
E. Porshneva, M. Retunskaya, E. Savrutskaya, T. Sineokova, V. Sdobnikov,
O. Senyutkina, V. Strogetsy, A. Sergunin (St-Petersburg), S. Ustinkin,
E. Frolova (St-Petersburg), A. Shamov, L. Shaposhnikov, D. Boxer (USA),
D. Markey (Belgium), D. Millet-Gérard (France), U. Renner-Henke (Germany),
M. Ruep (Germany), K. Fliedl (Austria), S. Freels (USA)

ISSN 2072-3490

© ФГБОУ ВПО «НГЛУ», 2012

СОДЕРЖАНИЕ

ЯЗЫК И КУЛЬТУРА

Е.В. Баева (*Киров*)

Особенности употребления глагола в немецких диалектах (на примере немецких диалектов Кировской области) 11

В.М. Бухаров (*Нижний Новгород*)

Кластер в полицентрическом языке 21

С.Н. Гасанова (*Махачкала*)

Выражение временных отношений в агульском языке (на материале глагольных словосочетаний) 29

О.В. Голубева (*Тамбов*)

Структурная и содержательная специфика антропонимически репрезентированного знания 38

Ю.Н. Зинцова (*Нижний Новгород*)

Структурирование лексики со значением «жидкость» в немецком языке 50

И.И. Зубова (*Минск, Беларусь*)

Формализация логико-семантической структуры текста англоязычного афоризма 57

Е.В. Наумова (*Нижний Новгород*)

Функционирование логоэпистем в художественном тексте (на материале рассказа Д. Рубиной «Все тот же сон!») 68

М.С. Ретунская (*Нижний Новгород*)

Аксиологический потенциал английских фразеологических словосочетаний 76

М.В. Сергеева, В.В. Денисова (*Нижний Новгород*)

Конструирование глобализации в текстах Национального корпуса русского языка 82

Е.В. Соловьева, В.М. Бухаров (*Нижний Новгород*)

Речевой акт возмущения и его функционально-прагматический потенциал в современном немецком языке (на примере текстов дебатов в Бундестаге) 91

А.В. Соснин, М.С. Ретунская (*Нижний Новгород*)
Роль «женской» метафоры в концептуализации Лондона (на материале художественного текста) 100

Л.В. Хенниг (*Нижний Новгород*)
Высказывания с прямыми и косвенными способами выражения адресантности в тексте любовного письма 111

Е.А. Цыганкова (*Воронеж*)
Когнитивная модель концепта «Architektur» (архитектура) 123

ПРОБЛЕМЫ ПЕРЕВОДА И ПЕРЕВОДОВЕДЕНИЯ

А.Л. Бурак (*Гейнсвил, США*)
Тренды, бренды и «культы личностей» в англо-русском и русско-английском художественном и кинопереводе 134

М.Ю. Соколова (*Нижний Новгород*)
Особенности переводов псалмов Джона Мильтона 149

ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ТЕКСТ НА ПЕРЕСЕЧЕНИИ КУЛЬТУР

К.А. Ковалев (*Нижний Новгород*)
Традиции и новаторство в творчестве Коринны Бий 159

Е.А. Полякова (*Нижний Новгород*)
Становление личности Энн Бронте как художника 167

А.П. Склизкова (*Владимир*)
Мистериальный путь героя в драме-сказке Г. Гауптмана «Потонувший колокол» 178

МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ И ОБУЧЕНИЕ ИНОСТРАННЫМ ЯЗЫКАМ. АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ОБРАЗОВАНИЯ

А.М. Брагова (*Нижний Новгород*)
Лингвистическая интерференция и способы ее преодоления при чтении и переводе латинских текстов 188

Н.Э. Горохова (<i>Санкт-Петербург</i>) Электронный учебник по английскому языку для магистрантов в контексте современной образовательной парадигмы	198
Е.И. Перфильева, А.В. Ерофеева (<i>Нижний Новгород</i>) Теория и практика педагогического диалога в образовательном процессе вуза.....	207
Н.А. Скурихин (<i>Нижний Новгород</i>) Коммуникативный стиль и стратегии его формирования при обучении английскому языку студентов неязыковых специальностей	223
С.А. Фатуева (<i>Нижний Новгород</i>) Формирование лексико-грамматических навыков иноязычной речи с применением информационно-коммуникационных технологий (программа бакалавриата)	230
АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ФИЛОСОФИИ, ИСТОРИИ И СОЦИАЛЬНОЙ КОММУНИКАЦИИ	
А.В. Ворохобов (<i>Нижний Новгород</i>) Проблема референта протестантского герменевтического дискурса: метод «гуманистической» теологии	237
П.А. Ерофеева (<i>Нижний Новгород</i>) Оценка политической состоятельности неправительственных организаций как методологическая проблема	245
В.Н. Топтунов (<i>Нижний Новгород</i>) Проблемы получения и распространения информации в ходе военных действий в классической Греции	257
ХРОНИКА	
Добролюбовские чтения в НГЛУ	265

CONTENTS

LANGUAGE AND CULTURE

Evgenia Baeva (<i>Kirov</i>) Peculiarities of Using Verbs in German Dialects (German Dialects of Kirov Region).....	11
Valeriy Bukharov (<i>Nizhny Novgorod</i>) Clusters in Polycentric Languages	21
Salminat Gasanova (<i>Makhachkala</i>) Expression of Temporal Relations in Verb Phrases in the Agul Language	29
Olga Golubeva (<i>Tambov</i>) Structural and Conceptual Characteristics of Anthroponymic Content	38
Julya Zintsova (<i>Nizhny Novgorod</i>) Structuring the Vocabulary Denoting Liquids in the German Language	50
Irina Zubova (<i>Minsk, Belarus</i>) Formalizing the Logical and Semantic Structure of English Aphorisms	57
Elena Naumova (<i>Nizhny Novgorod</i>) Functions of Logoepistemes in a Text of Fiction (“Все тот же сон!” by D. Rubina).....	68
Marina Retunskaya (<i>Nizhny Novgorod</i>) Axiological Potential of English Phraseological Word-Combinations	76
Marina Sergeyeva, Vera Denisova (<i>Nizhny Novgorod</i>) Constructing Globalization in the Texts of the Russian National Corpus	82
Ekaterina Solovyeva, Valeriy Bukharov (<i>Nizhny Novgorod</i>) The Speech Act of Indignation and its Functional and Pragmatic Potential in Modern German (Based on Texts of Bundestag Debate)	91

Alexey Sosnin, Marina Retunskaya (<i>Nizhny Novgorod</i>) Conceptualizing London as a Feminine Entity	100
---	-----

Larisa Hennig (<i>Nizhny Novgorod</i>) The Sender's Explicit and Implicit Utterances in the Text of a Love Letter	111
--	-----

Yelena Tsygankova (<i>Voronezh</i>) A Cognitive Model of the Concept "Architecture"	123
---	-----

CRITICAL ISSUES IN TRANSLATION THEORY AND PRACTICE

Aleksandr Burak (<i>Gainesville, USA</i>) Trends, Brands, and "Cults of Personality" in English-to-Russian and Russian-to-English Literary and Film Translation	134
--	-----

Marina Sokolova (<i>Nizhny Novgorod</i>) Psalms in John Milton's Translation	149
--	-----

CROSS-CULTURAL ASPECTS OF LITERARY DISCOURSE

Kirill Kovalev (<i>Nizhny Novgorod</i>) Traditions and Innovation in Corinna Bille's Work	159
---	-----

Elena Polyakova (<i>Nizhny Novgorod</i>) Anne Brontë: Emergence of an Artist	167
--	-----

Alla Sklizkova (<i>Vladimir</i>) The Hero's Mysterious Way in G. Hauptmann's Dramatic Fairy- Tale "Sunken Bell"	178
--	-----

CROSS CULTURAL COMMUNICATION AND FOREIGN LANGUAGE TEACHING. TOPICAL ISSUES IN EDUCATION

Arina Bragova (<i>Nizhny Novgorod</i>) Overcoming Language Interference in Reading and Translating Latin Texts	188
---	-----

Natalia Gorokhova (<i>Sankt-Petersburg</i>) English E-Textbooks for Students in Master’s Degree Programs in the Context of the Modern Educational Paradigm	198
Evgeniya Perfilyeva, Alla Erofeeva (<i>Nizhny Novgorod</i>) Theory and Practice of Educational Dialogue in University Level Teaching	207
Nikolay Skurikhin (<i>Nizhny Novgorod</i>) Strategies for Building Effective Communication Styles in Teaching English to Non-Language Students	223
Svetlana Fatuyeva (<i>Nizhny Novgorod</i>) Building Vocabulary and Grammar Skills in Independent Computer-Based Language Learning	230
CURRENT ISSUES IN PHILOSOPHY, HISTORY AND SOCIAL COMMUNICATION	
Aleksandr Vorokhobov (<i>Nizhny Novgorod</i>) The Problem of the Referent in Protestant Hermeneutical Discourse: The Method of “Humanistic” Theology	237
Polina Erofeeva (<i>Nizhny Novgorod</i>) Methodological Issues in Evaluating Political Capability of NGOs	245
Vadim Toptunov (<i>Nizhny Novgorod</i>) Obtaining and Disseminating Information in Wartime in Ancient Greece	257
CHRONICLE	
Annual N. A. Dobrolubov Conference at LUNN	265

ЯЗЫК И КУЛЬТУРА

УДК 811.112.2'28

ОСОБЕННОСТИ УПОТРЕБЛЕНИЯ ГЛАГОЛА В НЕМЕЦКИХ ДИАЛЕКТАХ

(на примере немецких диалектов Кировской области)

Е.В. Баева

Вятский государственный гуманитарный университет, Киров

В статье рассматриваются морфологические характеристики немецкого диалектного глагола, особенности образования и употребления его личных форм. Особое внимание уделяется формам диалектных глаголов, которые имеют типичные отклонения от нормы, проводится их анализ.

Ключевые слова: немецкие говоры, немецкий диалектный глагол, образование и употребление глагола, сравнительный анализ.

Peculiarities of Using Verbs in German Dialects (German Dialects of Kirov Region)

Evgenia Baeva

This article looks at morphology of verbs used in German dialects as well as formation and usage of their finite forms, with a special emphasis on vernacular verbs with typical deviations from the norm.

Key words: German dialects, vernacular verbs in German dialects, finite forms and usage, comparative analysis.

Языковая ситуация в местах компактного проживания российских немцев с недавнего времени снова стала привлекать ученых-лингвистов. При этом изучение диалектов важно не только для понимания диахронических процессов, ведущих к образованию общенационального языка, но и для дальнейшего учета и архивации языкового материала, который принадлежит прошлому, исследования проблем языкового сознания и культурного своеобразия носителей языка. Изучение немецких говоров, контактирующих с другими говорами и языками, является для современного языкознания проблемой межъязыковых контактов.

Исследования немецких диалектов на территории России сводятся к изучению фонетических явлений, морфологических особенностей, синтаксических характеристик. Для таких ученых как

С.А. Миронов, Г.Г. Едиг, Е.А. Григорьева, В.А. Дятлова, Н.А. Фролова, О.В. Байкова особенности диалектов на разных языковых уровнях стали центральными в их исследованиях.

Данная статья посвящена немецкому диалектному глаголу, исследование которого заключается в описании основных временных форм глагола, а также категории залога и наклонения. Был проведен анализ теоретической литературы по вопросу образования и употребления форм немецкого диалектного глагола. Представленный практический материал собран во время экспедиций в диалектные районы Кировской области. Целью данной статьи является попытка проанализировать немецкий диалектный глагол, выявить особенности образования и употребления его основных форм, причины отклонения от нормы при образовании и употреблении этих форм от норм литературного немецкого языка.

Морфологические характеристики глагола в диалектах российских немцев отличает особый способ образования форм. В диалектной речи российских немцев просматривается отклонение употреблении временных форм глагола.

В данной статье рассматриваются формы глаголов, которые имеют типичные отклонения от нормы и чаще всего употребляются в речи российских немцев. Анализ этих форм показывает, какие особенности языковой вариативности существуют в речи современных немцев на территории России, в том числе, на территории Кировской области. Автором статьи была предпринята попытка выяснить, обусловлено ли отклонение от нормы глагола диалектно или же это отклонение является ослаблением языковой компетенции российских немцев.

Личные формы диалектного глагола имеют, в зависимости от диалекта, различные личные окончания. Для большинства диалектов типично отсутствие личного окончания у форм 1-го и 3-го лица единственного и множественного числа в настоящем времени [1. С. 112]. Это явление присутствует и у информантов, проживающих на территории Кировской области. Например: *Er **arbeit** hier gut. Seine Frau **arbeit** auf dem Postamt. Die Schwester **arbeit** im Laden mit ihrem Mann.*

В данном примере отчетливо видно отсутствие личного окончания у глагола *arbeiten*. В ходе исследования в одном из диалектных районов Кировской области было выявлено большое

количество примеров усечения формы глагола, когда информант опускает личное окончание глагола по причине снижения языковой компетенции. Информанты объяснили это тем, что очень мало общаются на родном языке, немецком, вследствие чего забывают правила грамматики своего языка.

Начальная форма глагола в большинстве случаев характеризуется редуцированным согласным в конце слова [2. С. 87]. Некоторые глаголы имеют усеченную форму *han* или *hun* для глагола *haben*, или *gen* для глагола *gehen* [2. С. 87]. Усечение и стяжение гласных также характерно для образования форм причастия II [3. С. 23], [2. С. 87], что показано в примерах ниже. В диалектной системе глаголов отсутствует форма причастия I [3. С. 22]. Например: *Hier in diesem Poselok **hab** ich alles gesehen, was ich nie **gesehn** habe, in mein Leben. Ich **hab** Urlaub **genemmt**, dass ich zu meine Mama **fahrn** muss.*

Одной из характерных особенностей немецкого диалектного глагола является переход сильных глаголов в группу слабых. Это происходит вследствие ослабления претеритума. Снижение диалектной компетенции также привело к образованию формы причастия сильных глаголов по образцу слабых [4. С. 130]. Например: *Ja, ich weit, wann es des **gebt** (Ja, ich weiß, wann es das gibt).*

В данном примере отчетливо видно, что форма 3-го лица единственного числа образована не по правилам: вместо формы *gibt* образована форма *gebt*, без изменения корневого гласного.

Менее аргументирован переход слабых глаголов в группу сильных, но все же в некоторых диалектах это происходит. Особенностью сильных глаголов с корневой гласной а- и е- является образование формы 2-го и 3-го лица единственного числа: в этих формах отсутствует умлаут [2. С. 100], [1. С. 12]. Например: *Er kann noch jetzt fahren, aber meine Frau **fahrt** nie.*

Проведя анализ теоретической литературы по вопросу языковой вариативности речи российских немцев, выяснили, что образование причастия II сильных глаголов происходит по схеме образования причастия II слабых глаголов. Как отмечает Н. А. Фролова, в диалекте немцев Поволжья наблюдается отклонение от стандартного языка при образовании причастия II: от многих сильных глаголов образуются как сильные, так и слабые формы причастия II [1. С. 104]. Например: *Sie wollt doch alles wisse, (haben mehr) alles auf Russisch **gespracht**. ... un hän se ihn scheen **getrefft**.*

Генрих Классен в своем исследовании нижненемецких диалектов Советского Союза пришел к выводу, что $\frac{1}{3}$ часть всех глаголов в диалекте являются слабыми [6. С. 89]. Н. А. Наумова, чьи работы посвящены исследованию языка поздних переселенцев из Тюрингии, видит причину этого явления в недостаточных знаниях немецкого языка. Виктор Жирмунский в своем труде «*Deutsche Mundarten*» («Немецкие диалекты») отмечает, что переход сильных глаголов в группы слабых и наоборот происходило еще на ранних ступенях истории немецкого языка. Особенно интенсивным этот процесс был в средневерхнемецком периоде. Хотя и в современных диалектах, так же как и в стандартном языке, этот процесс идет до сих пор. Наиболее распространена группа слабых глаголов [7. С. 503]. Согласно грамматике Дудена, в современном литературном немецком языке наблюдается тенденция, когда сильные глаголы все чаще спрягаются как слабые [8. С. 114]. При образовании форм пассивного залога для прошедшего времени наряду с формой причастия II *worden* используется форма *geworden*. Чаще всего употребляются формы презенс пассив и плюсквамперфект пассив [1. С. 110], а категория залога немецкого диалектного глагола в целом характеризуется отсутствием трехчленного пассива с предлогом *von* [5. С. 8].

Категория наклонения в диалектах российских немцев представлена изъявительным, сослагательным и повелительным наклонениями. В использовании и образовании форм сослагательного и повелительного наклонения в диалектах имеются определенные расхождения с литературным немецким языком. Так, например, формы конъюнктива презенс встречаются только в устойчивых словосочетаниях [2. С. 113]. При передаче прямой речи используются формы изъявительного наклонения. Претеритум конъюнктив образуется только при помощи вспомогательного глагола и модальных глаголов. Эти формы характеризуются как стабильные [2. С. 144], [9. С. 5]. При передаче ирреального действия в немецком предложении часто употребляется заимствованная из русского языка частица «бы» [5. С. 11], [1. С. 106]. Нереальное желание выражается конструкцией с глаголом *tun* в претеритум конъюнктив и начальной формой основного глагола [1. С. 105]. Конъюнктив плюсквамперфект употребляется, как правило, с модальными глаголами. Примеров кондиционалиса выявлено не было. Повелительное наклонение в диалектах встречается в формах 2-го лица единственного и

множественного числа. Вежливая форма повелительного наклонения совпадает с формой 2-го лица множественного числа [2. С. 115]. Во многих диалектах российских немцев встречается форма *khomt vel*□, соответствующая русской форме *давайте* [2. С. 116], [1. С. 105].

Как в русском языке, так и в немецком содержится определенное количество возвратных глаголов. В немецком языке это такие глаголы, которые употребляются с частицей *sich* [10. С. 75], которая согласуется с подлежащим в роде, числе и падеже. Различают настоящие возвратные глаголы и ложные возвратные глаголы. У ложных возвратных глаголов частица *sich* выступает как член предложения (как дополнение). При этом частица *sich* является самостоятельным с точки зрения содержания единством. Посредством этой частицы устанавливается возвратность по отношению к подлежащему. Другие глаголы требуют после себя обязательного возвратного местоимения как компонента, анафорическая связь с подлежащим при этом не указывается. В грамматике Дудена такие глаголы называются настоящими возвратными глаголами [10. С. 77].

В русском языке возвратность глаголов выражается глагольной флексией *-ся*, которая всегда присоединена к глаголу. Во первом и во втором лице множественного числа *-ся* имеет форму *-сь*. В некоторых случаях возвратность глагола выражается в русском языке при помощи местоимения *себя*, которое во всех падежах и числах имеет одну и ту же форму. Здесь можно провести параллель с немецкими настоящими и ложными возвратными глаголами [11. С. 202].

По мнению Э. Киршенбаума, немецкие возвратные глаголы совпадают (но не всегда) с русскими возвратными глаголами. Самое главное отличие между двумя языками заключается в расхождении признаков систематического характера. В обоих языках есть глаголы, которые в одном языке являются возвратными, а в другом нет, так и наоборот [11. С. 64]. Контактный русский язык влияет на употребление несклоняемой формы возвратного местоимения *sich* только тогда, когда возвратность в русском языке обнаруживается не только благодаря возвратному глаголу на *-ся*, но и за счет конструкции с возвратным местоимением *себя*, например, в глаголе *spüren* – *чувствовать себя*: *No wann das har/hören schon die andere Leute, spüre ich sich nicht gut.*

В этом примере информант использует глагол *spüren*, а не глагол *sich fühlen*. Следует отметить, что во внутренних немецких диалектах стандартный глагол *sich fühlen* менее употребительный. Оба глагола переводятся на русский *чувствовать себя*. Возвратность у глагола *чувствовать* выражается несклоняемой частицей *себя*. Вследствие этого информант использовал частицу *sich* с невозвратным глаголом *spüren*.

Хотя, как отмечают некоторые исследователи, употребление частицы *sich* может быть не только следствием влияния русского языка, но обусловлено и диалектно.

Проанализировав теоретический материал, приходим к выводу, что в исследованиях немецких диалектов российских немцев возвратные глаголы рассматриваются лишь поверхностно. Чаще всего речь идет о возвратном употреблении глаголов, которые в стандартном литературном немецком языке используются не в возвратном значении. Это явление исследовали такие ученые как Н.Г. Беренд (1998), Р.А. Бони (1982), Э. Кресс (1995), К. Риль (2004). При этом все ученые считают, что частое употребление невозвратных глаголов в возвратном значении обусловлено влиянием русского языка. В ряде работ проанализированы заимствованные из русского языка возвратные глаголы, интегрированные в немецкое предложение. В одной из своих статей Р. Бланкенхорн описывает случай, когда русская частица *-ся* русского возвратного глагола в немецком предложении выражается частицей *sich* [12. С. 22]. В своей диссертации Р.А. Бони рассматривает данное явление как разновидность «явной интерференции» с «двойной маркированностью», при которой возвратность маркируется как с помощью русской возвратной частицы *-ся*, так и при помощи немецкого возвратного местоимения *sich* [13. С. 98].

В диалектах среднего Урала встречаются случаи употребления как склоняемой формы возвратного местоимения *sich*, так и несклоняемой. И хотя чаще встречаются примеры употребления склоняемой формы, несклоняемая форма также представляет большой интерес для исследователей. К. Риль видит в «генерализации возвратного местоимения *sich* влияние группы славянских языков, в которых существует только одно несклоняемое местоимение для всех лиц – *себя* [14. С. 92].

Отклонения в употреблении возвратных глаголов проявляются и на синтаксическом уровне, а именно, в порядке слов:

[...] *nachher haben sie verheiratet sich mit Russen.*

[...] *haben wir gebeten sich so.*

В первом примере возвратное местоимение *sich* стоит сразу же после причастия II основного глагола, что объясняется интерференцией русского языка, в котором частица *-ся* всегда присоединена к основе глагола. Во втором примере причастие II слабого глагола *beten* образовано по модели образования причастий сильных глаголов.

Следует еще раз отметить, что употребление возвратной частицы *sich* в ее невозвратном значении может быть следствием языковой интерференции со стороны русского языка, может быть обусловлено диалектно, а может являться следствием потери языковой компетенции носителя немецкого языка, проживающего на территории России. Влияние русского языка очевидно тогда, когда есть четкая параллель с русской несклоняемой частицей *себя*. Порядок слов в предложении с возвратным глаголом часто строится по модели построения русского предложения, в котором возвратность обозначается частицей *-ся*, которая присоединяется к основе глагола. Частица *sich* может быть вынесена за рамку и следовать после причастия II.

Как отмечают многие исследователи, состояние диалектных временных форм отличается от литературного языка. Во многих диалектах существует 4-5 временных форм [2. С. 86], [3. С. 19]. Самая употребляемая форма – презенс, в том числе и в немецких диалектах, присутствующих на территории Кировской области. При этом презенс употребляется, чтобы показать действие не только в настоящем, но и в прошедшем времени. При образовании презенса часто используется конструкция с глаголом *tun* и начальной формой основного глагола [2. С. 117]. Группа прошедших времен представлена в немецких диалектах перфектом. Претеритум, а также плюсквамперфект, не употребляются [5. С. 7]. Особой формой прошедшего времени является двойной перфект, который образуется при помощи вспомогательных глаголов *sein* и *haben* в претеритуме и причастием II основного глагола. При этом двойной перфект берет на себя функции плюсквамперфекта литературного немецкого языка. Он обозначает предшествование в прошедшем времени и законченность

действия [3. С. 101]. При образовании перфекта имеются некоторые различия с литературным немецким языком в вопросе выбора вспомогательного глагола, [2. С. 117], [1. С. 108]. Например: *Der Vater hat gestorben, in die 30 oder 32 Jahren, in Schitomir noch. Der ist mit uns nicht gefahren nach die Ukraine in Dnepropetrowsakja oblast.*

Данный пример демонстрирует употребление вспомогательного глагола *haben* там, где необходимо использовать глагол *sein*. Однако во втором предложении данного примера выбор вспомогательного глагола сделан правильно, по нормам грамматики литературного немецкого языка, что говорит о том, что отклонение от нормы при выборе вспомогательного глагола данного конкретного информанта может быть обусловлено диалектно.

В некоторых диалектах отсутствует футурум [2. С. 86], в некоторых он заменяется презенсом [1. С. 106]. Конструкции с глаголом *werden* имеет модальное значение: *Ich werde sagen, dass kein Nutzen ist mir zum Beispiel, mehr nach Deutschland fahren, ich bin schon sehr alt.*

В данном примере глагол *werden* использован в модальном значении, и может быть заменен без каких-либо семантических потерь на модальные глаголы *wollen* или *möchten*.

Таким образом, система диалектного глагола, в общем и целом, сохранила свой флексивно-аналитический характер. Но, тем не менее, тенденция к унификации глагольных форм и аналитических конструкций не наблюдается [2. С. 124]. Исследования немецкого диалектного глагола показывают, что для большинства диалектов типично отсутствие личных окончаний у форм 1-го и 3-го лица единственного и множественного числа, усеченная форма глагола *haben*. Одной из характерных особенностей сильных глаголов является их переход в группу слабых, и наоборот, что подтверждают многочисленные примеры. Ослабление форм сильных глаголов наблюдается также при образовании формы причастия II: сильные глаголы образуют форму причастия II по схеме образования причастия II слабых глаголов, что объясняется исследователями как снижение языковой компетенции информантов. Следует отметить, что причиной отклонения от нормы в употреблении и образовании некоторых форм глагола является влияние контактного русского языка: так, в речи российских немцев были выявлены примеры употребления невозвратных глаголов в возвратном значении. Следует

особо подчеркнуть, что на выбор образовательных или употребительных форм глагола информантами влияют не только уровень их образованности, но и среда, в которой они находятся, продолжительность их пребывания в этой среде и степень контактирования, в том числе, и с носителями их родного языка.

Библиографический список

1. Фролова Н.А. Специфика развития островных говоров в условиях немецко-русского билингвизма: На материале говоров деревни Гебель Камышинского района Волгоградской области: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Саратов: СГУ, 1999. 17 с.

2. Дятлова В.А. Тенденции развития морфологического строя контактирующих верхненемецких диалектов в условиях иноязычного окружения: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Л., 1989. 16 с.

3. Беренд Н. Морфологические особенности и семантический потенциал глагольных категорий в южно-немецком языковом ареале: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Омск, 1980. 17 с.

4. Naumowa N. Russlanddeutsche Spätaussiedler in Thüringen: eine empirische Untersuchung zu ihrer sprachlichen Integration. Frankfurt a .d. Oder, 1999.

5. Гринева Н. Морфология имени существительного и глагола в нижненемецком говоре села Кусак Алтайского края: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Л., 1979. 21 с.

6. Klassen H. Zum Verhältnis von niederdeutscher Mundart und deutscher Hochsprache in der Sowjetunion // Kugler H. (Hg.) Kulturelle Identität der deutschsprachigen Minderheiten in Russland/UdSSR. (=Dokumentation des Kasseler Ost-West-Kongress 1990, Bd. 2). Kassel, 1992. S. 75-95.

7. Žirmunskij V. Deutsche Mundartkunde. Vergleichende Laut- und Formenlehre der deutschen Mundarten. (Veröffentlichungen des Instituts für Deutsche Sprache und Literatur 25). Berlin, 1962.

8. Duden. Das große Wörterbuch der deutschen Sprache. In zehn Bänden. 3., völlig neu bearb. u. erw. Aufl. Mannheim, Leipzig, Wien, Zürich, 1999.

9. Кузьмина А.И. Говор деревни Камыши и особенности процесса его сложения и развития: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Томск, 1961. 14 с.

10. Duden-Grammatik. Der Duden in 12 Bänden. Bd. 4: Grammatik der deutschen Gegenwartssprache. 6., neu bearb. Aufl. Mannheim, Leipzig, Wien, Zürich, 1998.
11. Kirschbaum E.-G. Grammatik der russischen Sprache. Berlin, 2001.
12. Blankenhorn R. Zum russisch-deutschen Sprachkontakt. Kontaktbedingter Wandel und Sprachmischung in russlanddeutschen Dialekten in Sibirien // Böttger K., Giger M., Wiemer B. (Hg.) Beiträge der Europäischen Slavistischen Linguistik (POLYSLAV) 3. (=Welt der Slaven 8). München, 2000. S.31-40.
13. Бони Р.А. Интерферирующее влияние русского языка на верхненемецкие говоры сибирского языкового ареала (на лексико-грамматическом уровне): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Одесса, 1982. 18 с.
14. Riehl C. M. Sprachkontaktforschung: Eine Einführung. Tübingen, 2004.

Сведения об авторе

Баева Евгения Васильевна
ассистент кафедры лингвистики и перевода
Вятского государственного гуманитарного университета
E-mail: evgenia.baeva@mail.ru

УДК 81'28:81'27

КЛАСТЕР В ПОЛИЦЕНТРИЧЕСКОМ ЯЗЫКЕ

В. М. Бухаров

*Нижегородский государственный лингвистический университет
им. Н.А. Добролюбова, Нижний Новгород*

В статье рассматриваются теоретические вопросы вариативности и идентичности в языке и их современная специфика. Описывается сетевой принцип организации системы языка и кластер как базовая единица языкового корпуса. Предлагаются методические принципы исследования кластеров в полицентрических языках.

Ключевые слова: языковые вариации, корпус, кластер, зависимые и независимые переменные.

Clusters in Polycentric Languages

Valeriy Bukharov

The article deals with theoretical issues of language variation and identity and their implications for the contemporary situation. The author describes the network principle of language organization and the cluster as the basic unit of the linguistic corpus, proposing methodological principles of cluster research in polycentric languages.

Key words: language variation, corpus, cluster, independent and dependent variables.

Рассмотрение любых трактовок языка неизбежно приводит к проблеме вариантности и идентичности в языке, к вопросу о механизме, обеспечивающем успех коммуникации, то есть донесение до партнера информационного намерения. Актуальность этих вопросов возросла вместе с развитием каналов коммуникации, которые позволяли подключаться все большему числу коммуникантов (k_1, k_2, \dots, k_n) к процессу общения. Этот процесс можно представить следующим образом.

- Начальная стадия развития общества – преимущественно устная коммуникация по схеме: «один \diamond один / немногие» ($k_1 \diamond k_2, k_1 \diamond k_2 / (k_2 \dots \sim k_n)$).

- Становление и развитие образовательных и религиозных учреждений ведет к усилению типа коммуникации «один \diamond многие»: ($k_1 \diamond k_2 \dots \sim k_n$).

- Возникновение книгопечатания и последовавший за этим выпуск массовых печатных изданий расширяет структурно состав,

как адресатов, так и адресантов: «один / многие \diamond один / многие»
 $(k_1 \dots \sim k_n) \diamond (k_2 \dots \sim k_n)$.

- И, наконец, в эпоху развитой IT-коммуникации число коммуникантов возрастает практически до бесконечности: $(\infty k \diamond \infty k)$.

Чем выше число коммуникантов, тем выше требования к устройству языка. Это означает, что язык, обслуживающий одновременно (∞k) -коммуникантов должен быть максимально упорядочен, однозначен и однороден, чтобы быть адекватным для данного типа коммуникации. Это, казалось бы естественное условие, вступает в противоречие с базовыми принципами функционирования и развития живого языка, т.е. соответствующая антиномия В. Гумбольдта сохраняет свою актуальность. Более того, лингвистические исследования последних десятилетий свидетельствуют о росте значимости таких параметров разграничения форм языка, которые либо не существовали ранее, либо в силу различных обстоятельств не были релевантными. Например, сфера IT-коммуникации, определяемая новыми каналами передачи информации, или гендерные языковые вариации, которые отражают перераспределение социальных ролей мужчин и женщин в современном обществе.

Влияние IT-технологий особенно сильно сказывается в молодежных социальных группах. Причем группы, определяемые по этому признаку, резко расширяют свои границы в сторону снижения возраста их членов. Активными участниками сетевой коммуникации являются подростки и дети в возрасте от 7-8 лет, и тенденция эта постоянно усиливается. Сейчас можно говорить о том, что уже четырех- или пятилетние дети получают доступ к интерактивным СМИ и с успехом ими пользуются. Все это сопровождается в индустриально развитых обществах повышением уровня образования и, соответственно, стиранием либо смещением границ социальных групп, сформированных по этому признаку. Интересные наблюдения в сфере современной коммуникации содержатся в работе Р.К. Потаповой и В.В. Потапова, посвященной коммуникативному речеведению в немецком и русском языках [1].

Традиционно в лингвистике выделяется несколько типов вариаций. В основе любого языка лежат диатопические вариации (D-

территориальные диалекты и / или говоры), которые формируются в процессе развития и становления народностей и национальностей и, соответственно, крупных социальных объединений – национальных государств. В случае формирования в языковом ареале нескольких государств возникает языковая ситуация, которую определяют как полицентрический язык (см., например, работы А.И. Домашнева). Языковые центры могут находиться в непосредственном контакте, как в немецком языке, который является средством общения в различных государствах: Германия, Австрия, Швейцария, Вадуц, Люксембург. Дистантное расположение языковых центров можно наблюдать на примере английского, испанского, французского и ряда других языков.

Второй уровень языкового членения – диастратный – связан с социальным расслоением общества на малые и большие группы. Диастратные формы языка (S) характеризуются определенными экстралингвистическими параметрами: возраст, образование, пол, род деятельности, состояние здоровья и другие, определяемые исследователем в зависимости от его целеустановки. Различные комбинации одних и тех же параметров могут образовывать границы различных (S). Например, возраст (a – age) может делить информантов на ряд групп (a₁ – детский, a₂ – подростковый, a₃ – юношеский, ..., a_n – старческий). По признаку образования (e – edu) можно выделить такие группы, как (e₁ – начальное, e₂ – незаконченное среднее, e₃ – среднее, e₄ – первый уровень высшего образования, e₅ – второй уровень, e₆ – академическая ученая степень и др.). Комбинации этих групп могут быть источником возникновения разнородных языковых вариаций, например, таких как комбинации (a₃ # +e₂ / +e₃) или (a_n # +e₃ / -e₄, ..., -e₆), т.е. группа юношей с незаконченным средним или средним образованием или группа пожилых людей со средним образованием (знак «+») без высшего (знак «-»). Группа (a_n) может делиться по параметру (e) на подгруппы с положительным значением (e₄) и др. Кроме того все эти группы можно дополнительно разделить по признаку гендера.

Третий уровень языкового варьирования является диафазным (Ph) или стилистическим. Механизмы этой вариации позволяют оформлять реализации языковых средств в соответствии с ситуацией общения. Диафазность – это смещение реализации от привычной или

нейтральной, то есть, как это нередко называют – отклонение от нормы.

Взаимодействие между описанными уровнями языкового варьирования осуществляется только в одном направлении: топические единицы проникают в те или иные диастратные группы и служат, соответственно, дополнительным признаком их дифференциации. Диастратные типы реализации вместе с диатопиями участвуют, в свою очередь, в формировании стилей речи. Количество иноуровневых единиц (естественно, в относительных значениях) в той или иной сфере языка может иметь дифференциальное значение для определения параметров и дефиниции группы.

Исходя из описанной стратификации языка видно, что наиболее релевантное значение для описания языковых вариаций имеет диастратный уровень, поскольку он делится на группы или субстраты по функциональному признаку. Нижние страты этого уровня базируются на диалектных формах языка и характерны для различного числа коммуникантов в зависимости от принадлежности последних к той или иной социальной группе. Верхние страты участвуют в формировании языкового стандарта. Каждая группа уровня (S) обладает при этом полным набором фазовых вариаций. Все это объясняет причину сложностей с попытками описания уровня (S) как единого страта, как это видно, например, в ситуации с разговорным немецким языком. В германистике существует свыше 100 определений разговорной формы немецкого языка (Umgangssprache, Alltagsrede, etc.), которая традиционно относится к уровню (S). Попытки свести разговорный язык только к ситуации общения (степени официальности) или к той или иной социальной группе по уровню образования, возрасту, полу и т.д. оказываются несостоятельными в связи с многофакторными различиями этих групп. Более того, они вступают в противоречие с появлением в последние десятилетия IT-мультигрупп, перспективы развития которых и их значение для судьбы языков пока абсолютно открыты.

Таким образом, каждая типовая реализация языка должна рассматриваться в системе нескольких координат, которые связаны между собой отношением «если – то». Другими словами, если исследователь хочет дать характеристику какому-либо объекту – корпусу текстов – ему необходимо, сначала определить, что является источником существования искомого корпуса. Так, например,

лингвистический анализ, выполненный на материале только художественной литературы вряд ли можно считать репрезентативным для языка в целом, поскольку в литературном произведении пересекаются в различной мере многие, но не все, языковые вариации. При этом, даже если предположить, что в произведении присутствует большинство вариаций, это не дает основания для генерализации полученных данных и характеризует, скорее, авторский стиль, чем язык, то есть является проблемой и объектом литературоведения.

Отношение «если – то» находит свое выражение в математике и статистике в виде переменных величин и их взаимодействия. В экспериментальных исследованиях, а в основе практически всех лингвистических исследований лежат в том или ином виде эксперимент (наблюдение, конструирование и т.д.) и его анализ, принято различать два типа параметров характерных для наблюдаемого объекта: независимые и зависимые переменные (*iv* – independent variable, *dv* – dependent variable). Независимая переменная выбирается экспериментатором и он может ею намеренно манипулировать, чтобы установить ее влияние на зависимую переменную. Последняя может изменять свое значение пропорционально изменениям *iv*. Принято считать, что если одно значение полностью определяется другим или серией значений, оно является функцией, т.е. *dv* этого значения / значений, и записывается как: $f(x)$ или $f(x, y, z, \dots)$.

Примером могут служить замеры усложнения синтаксической структуры (*dv*) в разных по возрасту, образованию и т.д. группах (s_i) коммуникантов (*iv*): $f(s_i)$ или, например, варианты лексико-семантической структуры высказывания (*iv*) и их прагматический эффект (*dv*) в какой-то одной группе и наоборот. Статус переменных может при этом изменяться в зависимости от целеустановки, заданной экспериментатором. Данный подход к отбору и анализу материала стал уже традиционным в фонетических исследованиях, которые проще всего поддаются математической обработке, но он актуален и при изучении всех других уровней языка.

Таким образом, подводя предварительные итоги рассмотрения проблемы изучения полицентрических языков, можно сформулировать их следующим образом:

- В основе полицентрических языков лежат разные, иногда пересекающиеся группы диалектов, образующие национальные варианты.

- Диатопические различия вариантов языка не являются достаточными для их характеристики. Каждый вариант представляет собой относительно самостоятельную сеть диастратных параметров, определяющих выбор и функционирование языковых средств, что находит отражение на строении фазовых (стилистических) вариаций.

- Различия в строении диастратных и диафазных вариаций тесно связаны с региональными историческими и культурными обычаями и традициями, что позволяет говорить о, своего рода, центрах второго уровня, которые не выходят за пределы национального государства, то есть о сетевой природе языка. Примером могут служить, в частности, диастратные вариации любого уровня в Баварии и Нижней Саксонии, отдельные вариации немецкого языка в Австрии и Швейцарии и др.

- Отбор эмпирического материала должен учитывать всю сложность сетевой организации языка как в части языкового корпуса, так и в отборе информантов.

В связи с изложенным возникает вопрос, как же реально обеспечить валидность исследуемого материала, которая позволила бы сделать научно-значимые выводы? Перспективным путем исследования функционирования отдельных вариантов и вариаций в языковой сети, получившим интенсивное развитие в последние годы, является корпусная лингвистика. Под корпусом (С – corpus) понимается обычно собрание оцифрованных аутентичных письменных или устных (произнесенных) текстов в одном или нескольких языках. Устный корпус представлен, как правило, оцифрованными записями речи информантов, которые транскрибируются различными системами звуко-фонемной транскрипции, нередко с использованием специальных символов для передачи просодических и интонационных параметров. Таким образом, речевой / языковой корпус это, по сути, электронный банк конечного числа высказываний, которые можно использовать как эмпирический материал для исследования (подробнее о «языковом корпусе» и «корпусной лингвистике» см., например, [2. S. 17 ff.]).

Идеальный корпус является репрезентативным для употребления языка в речи в целом или какой-либо специфической

ситуации. Он должен быть связан с членением исследуемого языка на языковые вариации. Статус и состояние корпуса зависят от целеустановки вопросов и теоретических основ метода исследования. Так, например, одни и те же данные получают различную интерпретацию в рамках структурализма или порождающего синтаксиса. Другими словами, единицы корпуса, предназначенного для исследования должны быть однородными. Данному требованию отвечает широко распространенное в естественных и ряде социальных наук, например, в социологии, понятие *кластера* (или *сиботаксис*, *рой* и др.).

Наиболее простое содержание значения кластера заключается в определениях типа *A group of the same or similar elements gathered or occurring closely together*. Например: *cluster of fingers* или последовательность звуков или звукосочетаний в слове [3]. Кластер как научное понятие представляет собой системное объединение однородных единиц, которое представляет собой самостоятельную (под)систему с определенными свойствами, под которой можно понимать, например, группу диалектов, обладающих сходными свойствами [4]. То же самое можно говорить и о других, описанных выше вариациях языка.

Важной проблемой является оценка репрезентативности кластера как части языкового корпуса. Как и любая другая оценка в экспериментальных и / или эмпирических исследованиях она может быть только количественной. Описательные оценки – *больше, меньше, типично, редко* и т.п. – носят нередко спекулятивный характер и зависят в первую очередь от случайных параметров, заданных исследователем корпусу, поскольку при исследовании языкового материала мы имеем дело с группами переменных (*iv, dv*), которые подлежат структурированию. С этой задачей справляется факторный анализ, целью которого является сокращение числа переменных и определение взаимосвязей между ними, т.е. классификация [5]. С этой целью определяются корреляции между группами переменных и устанавливается принадлежность к искомому кластеру тех переменных, которые имеют более высокий уровень взаимной положительной корреляции. Этим самым обеспечивается объективность в установлении состава корпуса кластера и, соответственно, выводов, полученных из его анализа.

Библиографический список

1. Potapova R.K., Potapov V.V. Kommunikative Sprechfähigkeit. Russland und Deutschland im Vergleich. Köln, Weimar, Wien: Böhlau Verlag, 2011.
2. Kompendium Korpuslinguistik / Hg. I. Kratochvilova, N. R. Wolf. Germanistische Bibliothek, Bd. 38, Heidelberg: Universitätsverlag Winter, 2010.
3. Cluster // Электронный ресурс Интернет: <http://www.thefreedictionary.com/cluster> (on 24.02.2012).
4. Комлев Н.Г. Словарь иностранных слов. Москва: ЭКСМО-Пресс, 2006.
5. Факторный анализ // Электронный ресурс Интернет: <http://www.statsoft.ru/home/textbook/modules/stfacan.html> (on 24.02.2012).

Сведения об авторе

Бухаров Валерий Михайлович
доктор филологических наук,
профессор кафедры немецкой филологии
НГЛУ им. Н.А. Добролюбова
E-mail: bucharov@lunn.ru

УДК 811.351.31'366.58

ВЫРАЖЕНИЕ ВРЕМЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ В АГУЛЬСКОМ ЯЗЫКЕ

(на материале глагольных словосочетаний)

С.Н. Гасанова

Дагестанский государственный университет, Махачкала

В статье рассматриваются глагольные словосочетания с временными отношениями в агульском языке. Выявлены лексемы с временной семантикой, функционирующие в качестве зависимых компонентов словосочетаний, анализируются также устойчивые единицы фразеологизированного характера с темпоральной семантикой.

Ключевые слова: глагольные словосочетания, временные отношения, фразеологические единицы, языковая картина мира.

Expression of Temporal Relations in Verb Phrases in the Agul Language Salminat Gasanova

The paper looks at verbal phrases expressing temporal relations in the Agul language, identifying words with temporal meanings, which function as dependent components in these phrases, and analyzing idiomatic expressions with temporal semantics.

Key words: verbal phrases, temporal relations, phraseological units, linguistic picture of the world.

Временные отношения наряду с пространственными являются показателями одной из форм существования объективной реальности материальных субстанций. М.В. Симулик отмечает: «Вне этих двух факторов не может протекать жизнь ни естественного, ни общественного мира. Поэтому закономерно, что пространство и время были осмыслены и отражены в сознании человека раньше других объективных реальностей, были облечены в языковое выражение на самых ранних стадиях развития языка как непосредственной деятельности мысли» [1. С. 40]

Идеи, что каждый носитель того или иного языка находится в кругу родного языка и что язык народа – это его дух, восходят еще к В. фон Гумбольдту.

Эти вопросы и сегодня активно обсуждаются на материале различных языков. «Уникальность каждой культуры и ментальности этноса обеспечивается прежде всего через язык. Вхождение новых поколений в мир «отцов», социокультурная адаптация молодых к

этнокультурной среде старших происходит прежде всего благодаря языку» [2. С. 225].

В настоящей статье анализируются особенности выражения временных отношений в агульском языке*. Анализ проводится как на материале свободных глагольных словосочетаний, так и устойчивых единиц, к которым в широком смысле относят и пословицы.

Глагольные словосочетания агульского языка с временными отношениями не исследованы. Выражение действия на временной оси по отношению к моменту речи отражается, в первую очередь, в категории вида, в различных временных формах глагола, которыми очень богат агульский язык. З.К. Тарланов выделяет в нем до 16 форм времен глагола [3. С. 114.]. С категорией вида и глагольным словообразованием связывает реализацию временных представлений в русском языке, например, Е.В. Перетрухина, отмечая при этом их возможности для передачи этнолингвистически значимых смыслов, концептуальный сплав, который с трудом переводится на другие языки [4. С. 2]. В данной статье основное внимание уделяется глагольным словосочетаниям, зависимым компонентом которых выступают лексемы с временными отношениями. Грамматические средства выражения временных отношений в статье не рассматриваются.

Действие, связанное со временем, может быть описано по множеству параметров: начало–конец (фазисные глаголы), завершенность – незавершенность, кратность и т.д.

Наиболее удобной моделью описания временных отношений представляется расположение действия, выраженного глаголом, на временной оси. При этом конкретизация действия определяется относительно ориентира. М.Е. Алексеев и О.Г. Горбачева отмечают, что время может быть локализовано в следующих условных частях: время до (начала), сам ориентир и время после ориентира [5. С. 11].

Анализируя словосочетания в агульском языке с этой точки зрения, мы, вслед за Е.С. Яковлевой, исходили из того, что «...временные интервалы мыслятся носителями языка не в виде безликового отрезка числовой оси той или иной длительности, а как

* Агульский язык – один из малочисленных (около 30 тыс. носителей, письменность создана в 1992 г.) языков нахско-дагестанской ветви иберийско-кавказской языковой семьи.

нечто семантизированное: время проходит под знаком тех или иных событий, и движение времени – это череда событий» [6. С. 74].

Вместе с тем надо отметить, что временные отношения в агульском языке очень тесно связаны с пространственными отношениями, вследствие чего темпоральную семантику в словосочетаниях могут приобретать совсем «неожиданные» слова, как, например, *к1ил* «голова», употребляющееся в агульском языке и в значении начала какого-либо действия: *к1ил ккиянас* «начать» (букв. «голову подложить»), и в значении конечной точки действия или предмета: *к1ен-к1ил джик1ес* «найти концы» (букв. «дно-голову; низ-верх найти»). Временные отношения реализуются также в словосочетаниях, где в зависимой позиции выступает фразеологизм темпоральной семантики: *к1ил к1илиъ ат1асттенгьен вес* «Идти, пока не достигнешь конца, предела» (букв. «голова в голову пока не ударится идти»).

Циклические модели времени отражают циклы человеческой жизни, времен года, сельскохозяйственных работ, дней месяца, недели и т.д.

Лексическими средствами выражения циклического времени в агульском языке являются:

а) названия времен года (*г1ул* «лето», *1урд* «зима», *хьид* «весна», *цул* «осень»);

б) названия месяцев (*ваз* «месяц»). Счет времени агулы вели по луне и солнцу: месяц – это промежуток времени от одного новолуния – *ц1ае ваз* (букв. «новый месяц») до другого полнолуния, полная луна считалась серединой месяца. Месяц приравнивался к тридцати дням. Порядковый день месяца определялся приблизительно по форме и размерам луны. «С этой целью на Луну агулы смотрели через шелковый головной платок: считалось, что в этом случае Луна «слоится» на дни, т.е. каждый видимый «слой» равнозначен одному дню» [7. С. 191];

в) названия дней недели (употребляются в основном названия, заимствованные из русского языка). Реже используются названия, заимствованные из арабского языка: *итни* «понедельник», *талат/саласа* «вторник», *арбя1* «среда», *химис* «четверг», *джум1а* «пятница», *киш* «суббота», *эльх1ад* «воскресенье».

В повседневном быту агулы, как и другие народы Дагестана, пользовались счетом на определенное число дней вперед и назад»:

яг1а «сегодня», *багагь* «завтра», *хъаягь// сае ягь* «послезавтра», *хъатхъаягь* «четвертый день», *удигь ягь* «позавчера», *накъ* «вчера»; *гилас удигь ягь* «за день до этого»; *хъатхъаягъан къабахъ хъае ягь* «после четвертого дня» и т.д., прибавляя к очередному дню слово *ягь* или количество дней. Таким образом, у агулов зафиксирован счет на 5 дней вперед и на 3 дня назад, что в науке принято считать древнейшей неделей, имевшей разное количество дней у разных народов;

г) название частей суток: *ягь* «день», *1уьц* «ночь». Лексеме *сутки* русского языка в агульском языке соответствует словосочетание *ягъна 1уьц* «день и ночь».

Начало суток – рассвет в агульском языке обозначается словом *ахс*. В синхронном состоянии языка данное слово не употребляется, обладает связанным значением; сохранилось только в составе устойчивых сочетаний: *ахсар йирх1угуна* «с рассветом» (букв. «когда рассвет ударит»), *ахсар иц1ангуна* «с проблесками света, рано утром» (букв. «когда рассвет дают»), а также в комитативной форме *ахсарифай* «с рассветом»; в этом же значении используют и комитатив слова *ккекк* «петух» *ккеккерифай* «рано утром» (букв. «с петухами»).

Предрассветное время в агульском языке выражается также рядом глагольных словосочетаний: *зав куругуна* (букв. «небо, когда покрасится//запачкается»); *рагь аличигуна* «когда солнце сверху// из-за гор «прольется»); *парзарис рагь киркъугуна* «когда солнце коснется гребня гор». Глаголы с формантом –*гуна* функционируют в придаточных предложениях времени в качестве сказуемого, выступая одновременно и связующим (с главной частью) элементом. *Г1уьбехъ//г1уьбехъин гагь* «вечер», *абкъанин гагь// вахтт* «обед» - примерно с 12 до 14 часов. Кроме этих базовых есть названия отрезков времени, связанные с отправлением намаза: *табаканан вахтт* «время после полуденного намаза; *г1уьбехъ* «вечер»; *муч1//,муч1инан вахтт* «поздний вечер, наступление темноты (букв. «темень// темное время»). Это же время обозначается также фразеологической единицей – *муч1 фадаркагуна* «с сумерками» (букв. «когда темнота проходит рядом// в контакте»); *ахунан гагь// вахтт* «поздняя ночь» (букв. «время сна»); *сур1уьц* - полночь < *сур* «половина», *1уьц* «ночь» ;

д) названия единиц измерения времени: *хляфтта* «неделя», *ваз* «месяц», *ис* «год», *селэт* «час», *минут(а)* «минута», *секунд* «секунда», *вахтт* «время», *ягъар-манзилар* «времена», *исар-исукъубар* «продолжительное время», *луймур* «жизнь», *замана* «время»;

е) существительные, а также аналитические конструкции, называющие возрастные периоды человеческой жизни: *луссеф* «старость», *чиг вахтт // чигди* «молость, недозрелость», *джигьилвел* «молодость», *наши вахтт* «период ранней молодости, подростковый возраст», *шиникквди ами* «в возрасте ребенка (букв. «пока в возрасте ребенка»); *бизихъ хъами* «грудной возраст» (букв. «пока за грудью находится»);

ё) деепричастными оборотами: *лэкьулди ацлугуна* «взрослый, состоявшийся» (букв. «когда умом наполнится»);

ж) причастиями в сочетании со словом *вахтт*: *алгъархъе вахтт* «пожилой возраст», *яшар хъеф* «пожилой» (букв. «года наступивший»).

Компонентами глагольных словосочетаний могут выступать также наречия: *цац* «в прошлом году», *ттиъ* «в этом году», *гъемишанди* «всегда», *хупнай// хабди* «потом», *багагъ* «завтра», *дахи* «рано», *къанди* «позже», *гъал* «теперь», *мус* «когда» и т.д.

Семантика стержневого компонента-глагола в таких словосочетаниях может быть самой различной. В качестве зависимого компонента выступают как отмеченные выше группы слов, так и другие разряды слов. Если отсчитывать временные отрезки, исходя от ориентира, то можно выделить следующие группы глагольных словосочетаний:

1. Глагольные словосочетания, обозначающие временную локализацию действия «до ориентира».

Данную семантику выражают глагольные словосочетания с зависимым:

а) существительным, наречием в форме дательного падежа с послелогом *-дегъен// -ттегъен*: *луйшас ямагар хъучихъас* «К ночи// до ночи еде успеть приготовить»; *Глулисттегъен гъурзар акъас* «до лета остановить»;

б) глаголом с послелогом *-гунас// -гуна* «до// во время какого-либо события, действия» *-ттегъен// дегъен*, а также аффиксами направительных падежей *-тти/-ди*: Чин *гъайшагунас вес кканди уйи*

гебирис «Пока (мы) не встали уйти хотели они». *Угьал угьастти ахьадивуна кканде IуькIер* «Надо успеть собрать сено до дождя»; *Язна хьаттгьаренгуна, ишан кихьас верегуна, хьае мирасра хьай ве ге рушан хулади* «Когда приглашают будущего зятя к себе в дом или идут сватать, обычно близкие родственники сопровождают родителей»; *Шувас гьая рушас кIиркI кьацIра аргвай давуи шувас гьасттегьен* «Девушка, которая замуж выходила, парня до замужества// до свадьбы вообще не видела»;

в) наречиями: *Милас удигьайра ес хьундава гифас экзаменанар* «До этого раза он тоже не мог сдавать экзамены»; *вереф гьурагьалдиь ами хьасе* «Станет ли нормальным человеком (ребенок) или нет можно определить сразу, в раннем возрасте» (букв. «Получится толк или нет, бывает заметно, когда она/ он еще в яйце находится, т.е. пока не вылупился»).

В составе пословиц, фразеологических выражений можно встретить редко употребляемые формы наречий: *тIулди (ами) датIилкIуф кIурди тIилкIас верефттава* «Если прутик не скрутить прутиком (пока он был прутом), то его не скрутишь, когда он превратится в дерево»: воспитывать нужно с детства, когда ребенок поддается воспитанию. Ср. русские параллели: *Не научил сына, поколе поперек лавочки укладывался, а как вовсю вытянулся – не научишь* [8. С. 102].

2. Словосочетания, локализирующие временные отношения как происходящие «после ориентира».

Данную семантику в агульском языке передают в основном глаголы с послелогом *-хаб* «потом, после», наречие/послелог с кратной частицей *-гелай*, существительные в лативе и элативе, называющие конкретные временные отрезки; в качестве зависимого компонента могут употребляться также пространственные, указательные местоимения в лативе, указательные местоимения в послеложной функции в сочетании с существительными в направительных падежах; сочетания числительных с существительными, обозначающими временные отрезки:

Дарсар ккиркIухаб библиотекайиди ушуне студентар «После занятий студенты пошли в библиотеку»; *XIуни узунa ккиркIухабдала кичайдава зун урч* «Я теленка подпускаю к корове после того, как подою ее»; *Руша разивел егуна, учин гьилихь хьефра фай дадна-баб, хьара сасра багунтара хьай ве ушан хулади* «После того, как

девушка даёт согласие, родители и несколько близких родственников идут в дом девушки»; Авала, гашин вахттари, сусас гъаре шейъэр гледжизди адавай, тифас-мифас гъайи, цлаклинар ккирклухаб тин агъай хъабра гъайи. Сусав илгванди дадан хулаъас ахъатуф «Раньше в голодные времена, из-за бедности подарки для невесты у кого-нибудь одалживали на время, после свадьбы все это забиралось назад. У невесты оставалось только то, что из отцовского дома получала в приданое»; Хуптай сус хулади ачафайдегуна, хунчабур гъайи сусан бабарис. Къабахъ ягъа, сус хъаттфайшу мирасттин хулади, бегерис агъай, гъайи хла хунчабур «Потом, когда невесту приведут в дом жениха, приносили подарки подружкам невесты. На следующий день невесту с женихом приглашала родня жениха, туда тоже родственники приносили большие хунча (хунча – это большой металлический поднос, используемый в свадебной церемонии, куда клали всякие яства»).

Къабахъгелай командировкайиди ушугуна, магъмидегъен сачак хъая ухътан ягълукъ файдине зас ми «После этого раза, когда он в командировку поехал, он привез мне платок с большими кистями»; къабахъгелай ушугуна «на следующий раз, когда пошли»: зависимый компонент словосочетания выражен пространственным наречием къабахъ «позади, после» с частицей кратного значения -гелай «раз».

Конструкции, выражающие действия, происходящие после какого-либо события, могут передавать и значение мгновенности, одновременности действия: арчал гъаттивугъилди, ккелар адъахъуна, ушуне чиптин бабарилди «Как только убрали перегородку, ягнята ринулись навстречу к овцам// своим мамам». В применении к событиям жизни человека кратковременность, быстротечность передает также лексема селэ́т в сочетании с указательным местоимением: гъеге селэ́тиъ акъас «в этот час сделать». От данного слова (селэ́т «час») образуется наречие селэ́тти, которое имеет несколько значений, ср.: селэ́тти уджуна адахъасе гунивар «момента́льно, испечет и вытащит хлеб»; и селэ́тти гъавес шиниккварихъди «заглянуть к детям» (букв. «на короткое время пойти»); семантику одновременности, мгновенности передает также частица суман с базовой сравнительной семантикой: тилифан аде суман, гъагъархъуна ушуне дад «как только позвонили, отец вскочил и ушел».

Для выражения эмоционально-экспрессивного отношения к быстротечности времени используется также лексема *ягъ* «день»: *са ягъра дахъеф суман алттве Луьмур* «быстротечность жизни человека» (букв. «как будто и один день не прошел, прошла жизнь»). В причитаниях и плачах очень часто покойника называют гостем одного дня – «*са ягъан гIалашуй*», подчеркивая быстротечную бренность жизни.

Проанализированный материал позволяет сделать вывод о том, что слова с семантикой кратковременности имеют дополнительное специфическое осмысление, связанное с образным, эмоционально-оценочным компонентом. Наиболее продуктивными способами выражения временных отношений являются глагольные словосочетания таких типов, как «имя существительное в направительных падежах + глагол» и «глагол + наречие». Проведенный анализ глагольных словосочетаний позволяет отметить специфику языковой картины мира агулов, запечатлевших в устойчивых выражениях или в соответствующих по семантике лексемах представления о временной локализации действия.

Библиографический список

1. Симулик М.В. Локальные глагольно-именные словосочетания в русском и венгерском языках // Вопросы русского и сопоставительного языкознания. Ужгород, 1969. С. 31-34.
2. Морзавченков Г.А. Язык как фактор этнокультурной идентичности // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н.А. Добролюбова. Вып.15. Нижний Новгород: ГОУ ВПО НГЛУ, 2011. С. 222-228.
3. Тарланов З.К. Агулы: их язык и история. Петрозаводск: Издательство Петрозаводского университета, 1994. 287 с.
4. Перетрухина Е.В. Модели времени в русской грамматике // Электронный ресурс Интернет: <http://www.portal-slovo.ru>
5. Алексеев М.Е., Горбачева О.Г. К типологии временных отношений // Выражение временных отношений в языках Дагестана. Махачкала: Дагестанский научный центр АН СССР. Институт истории, языка и литературы, 1991. С.11-16.
6. Яковлева Е.С. Фрагмент русской языковой картины времени // Вопросы языкознания. М.: Наука, 1994. №5. С. 73-89.

7. Булатова А.Г., Исламмагомедов А.И., Мазанаев Ш.А. Агулы в XIX – нач. XX вв. Историко-этнографическое исследование. Махачкала: Эпоха, 2008. 291 с.

8. Тарланов З.К. Агульские песни и пословицы. Петрозаводск: Петрозаводский гос. университет, 2003. 131 с.

Сведения об авторе

Гасанова Салминат Нурадиновна
кандидат филологических наук,
доцент кафедры теоретической и прикладной лингвистики
Дагестанского государственного университета
E-mail: gsalminat@yandex.ru

УДК 81'373.23

СТРУКТУРНАЯ И СОДЕРЖАТЕЛЬНАЯ СПЕЦИФИКА АНТРОПОНИМИЧЕСКИ РЕПРЕЗЕНТИРОВАННОГО ЗНАНИЯ*

О.В. Голубева

Тамбовский государственный университета им. Г.Р. Державина, Тамбов

Статья посвящена исследованию структуры антропонимически репрезентированного концепта, представляющего интегративный когнитивно-матричный формат знания с ядерной концептуальной областью «Человек», а также изучению эволюционирования репрезентируемого антропонимом концептуального содержания, обусловленного пространственно-временными критериями.

Ключевые слова: антропонимически репрезентированный концепт, когнитивная матрица, эволюционирование концептуального содержания, интерпретирующая функция.

Structural and Conceptual Characteristics of Anthroponymic Content Olga Golubeva

The paper studies the structure of the anthroponymic concept, regarded as a cognitive matrix built around the nuclear concept of “Human Being,” and looks at the evolution of its conceptual content in time and space.

Key words: anthroponymic concept, cognitive matrix, evolution of conceptual content, interpretative function.

Являясь непосредственным участником процессов познания, индивид взаимодействует со средой, т.е. членит мир вокруг себя, выделяя и именуя наиболее важные сущности, т.к. «в акте номинации получают название только те реальные или фиктивные объекты, на которые направлена деятельность человека» [9. С. 37]. Логично предположить, что самой значимой сущностью человек считал и считает себя, а значит, и своё имя. Отсюда наиболее ярким проявлением антропоцентризма в языке является имя человека или антропоним, репрезентирующий концептуальное содержание, которое «входит интегральной составной частью в когнитивное сознание нации, являясь компонентом общего когнитивного сознания народа» [13. С. 49]. В настоящем исследовании под антропонимами

* Научно-исследовательская работа выполнена в рамках аналитической ведомственной целевой программы «Развитие научного потенциала высшей школы (2009-2011 годы)», проект № 2.1.3/9318 «Исследование познавательных процессов средствами языка»

понимаются «собственные именованья людей: имена личные, патронимы (отчества или иные именованья по отцу), фамилии, родовые имена, прозвища, псевдонимы (индивидуальные и групповые), криптонимы (скрытые имена). Изучаются антропонимы литературных произведений, имена в фольклоре, мифах, сказках» [20. С. 36-37].

По словам А. Вежбицкой, антропонимы «несут важные прагматические знания, в которых отражён характер человеческих взаимоотношений» [5. С. 192]. А.В. Суперанская отмечает, что имена собственные в целом и антропонимы, в частности, обладают большой информативностью: «в них сконцентрированы как языковые, речевые, так и фоновые знания, особенности их восприятия с точки зрения психологии [15. С. 322]. Необходимость изучать имя человека с когнитивных позиций, исследовать взаимосвязь языковых форм с определёнными структурами знания, способы их систематизации и хранения отмечают многие современные учёные. М.В. Голомидова считает, «концепт имени» имеет сложную структуру, где вербальное воплощение отображает лишь её поверхностную часть, тогда как огромный массив знаний хранится в глубинных концептуальных областях его комплексной семантики [7. С. 34]. Структурирование «вербализованного концепта позволяет реконструировать путь выбора и/или создания имени нового концепта, определяющую его отнесённость к тому или иному домену знания, включению в него неких оценочных и когнитивных характеристик и т.п.» [10. С. 17].

Как известно, «любое знание, получаемое человеком, есть результат концептуализации и категоризации окружающего мира» [1. С. 91], и «каждый уровень когнитивной деятельности задаёт определённую концептуально-категориальную конфигурацию знаний, которая в едином речемыслительном процессе включается в общую систему передачи конкретного смысла» [11. С. 45]. Отсюда, выделяя объект осмысления, человек как генератор процесса познания осуществляет когнитивную деятельность и репрезентацию ее итогов в языке последовательно, преобразуя неязыковое знание в языковое и переосмысляя усвоенное ранее. Обработка эмпирической информации в сознании познающего мир индивида включает не только фиксацию результатов работы органов чувств, но и первичную систематизацию полученных данных, а именно, определение концептуальной базы (когнитивного контекста), в рамках которого

проходит осмысление с последующим обобщением полученных знаний в системе лексических категорий. Понятийное осмысление знаний о фрагменте действительности предполагает формирование системных языковых знаний, реализуемых в грамматической системе языка. Этап вторичного осмысления отражает результаты лингвокреативных, интерпретационных усилий индивида, репрезентируемых в системе модусных категорий [2].

В роли основных контекстов осмысления выступают концептуальные области-универсалии, например, «Человек», «Время», «Пространство», составляющие основу любой концептуальной системы, так как «пространство, наряду со временем, является основным атрибутом материи, основной формой бытия» [6. С. 670], фиксируемого в сознании человека. В тех случаях, когда необходимо подключение большого массива знаний для раскрытия концептуального содержания, репрезентируемого единицей языка, целесообразно говорить о системности осмысления «конкретного элемента (ядра) в разных когнитивных контекстах», т.е. о многоаспектной когнитивной структуре или частной когнитивной матрице, «в состав которой входят разноплановые и индивидуальные когнитивные контексты, в рамках которых происходит осмысление языковых единиц» [2. С. 63-65]. Таким сосредоточением интегративного знания становится антропонимически репрезентированное концептуальное содержание или сумма знания, передаваемого антропонимом. Базовым (по терминологии Ж. Фоконье родовым («generic space»)) [17. С. 109]) пространством для осмысления знаний, репрезентируемых именем человека, представляется одноименная концептуальная область, через которую, как сквозь призму, проходят результаты миропонимания, воплощенные в имени.

Сама цель создания антропонима – выделение индивида в коллективе – обуславливает теснейшую связь родовой области с наиболее выделенными аспектами видения мира, что открывается с применением когнитивно-матричного анализа, в ходе которого концептуальные характеристики ядерной концептуальной области «Человек» (род деятельности, визуальный облик человека (позитив/негатив) и т.д. [16. С. 20]), предполагающие включение способов осмысления фрагмента мира, проецируются на иные компонентные области когнитивной матрицы. Данные контексты, где

происходит осмысление знаний об индивиде, репрезентированных в антропониме, и могут быть определены с помощью анализа этимологии антропонимикона конкретного языка. Так, исследование английского свода имён [21] на примере 3681 единицы позволило выявить наиболее значимые универсалии как контексты осмысления окружающей действительности в имени человека. Среди них можно назвать такое сложно-структурированное концептуальное образование, как «Время», изучение которого предполагает вычленение различных схем, имеющих собственный набор характеристик, например, наличие внутренних и внешних границ, объем, содержание для образной схемы «Контейнер» [3. С. 36]. Использование схем «источник-цель», «линейный порядок» позволяет охарактеризовать данный феномен как «Пространство», «Движение» с выделением таких признаков, как протяженность, цикличность, периодичность, последовательность. Применение метафорических схем для концептуализации дает возможность определить «Время» как «Ценность», «Высшую силу» [12. С. 21]. Так, имя «Aldous» (Germanic element «ald» «old» [21]) репрезентирует осмысление концептуальной характеристики «Внешний облик» ядерной области «Человек» в контексте «Время» как возраст человека. В рамках настоящей статьи мы не ставим своей целью представление всех итогов концептуального анализа вышеназванных концептуальных структур, нами будут упомянуты только те концептуальные характеристики, которые послужили основанием для создания антропонима. Результаты исследования представлены в таблице (в скобках указано количество исследованных примеров).

Таблица 1. Когнитивные контексты осмысления знания о мире, репрезентированного в антропониме

Концептуальные области	Концептуальные характеристики	Примеры
Человек (894)	гендерная принадлежность (82)	Andrew, Charles, Collene
	внешний облик (221)	Algernon, Barry, Gwen
	свойства характера (214) род деятельности (158)	Abigail, Agatha, John George, Eustace, Harper
	этническая характеристика (78)	Barbara, Bret, Dana
	отношения родства (141)	Anderson, Thomas
	деятельность (247)	Alexander, Blair, Hilda,

		Vincent, Victoria
Общество (747)	общественные отношения (371)	Adelaide, Albert, Brendan
	пространство (109)	Adrian, Brand
	технологии (20)	Alfa, Rebecca, Byron
Культура (214)	этические и эстетические ценности (214)	Grace, Gwyneth, Alethea, Amy
Природа (472)	органическая природа (292)	Arthur, Brannen, Rachel
	неорганическая природа (152)	Helen, Dillon, Diamond
	физические явления (28)	Abner, Storm, Rainbow
Время (133)	система измерения (60)	Summer, Sunday, April
	(время года, возраст и т.д.)	Aldous, Vere, Vaughn
	момент рождения (73)	Jacob, Nona, Quentin
Религия (461)	мифология (175)	Diana, Dion, Denis
	христианство и иудаизм (286)	Michael, Elizabeth
Цвет (68)	цвета и оттенки (68)	Blaine, Blanche, Candida, Flann, Lloyd, Laila, Jet
Пространство (494)	место	Denholm, Winthrop, Dayton
Неясность концептуальной области (198)	имена с затемнённой этимологией (96) производные двусоставные имена (102)	Wilburn, Vergil, Thelma, Terence Shahice, Shelena, Tanisha, Wilda, Marianna

Концептуальные характеристики, входящие в состав концептуальных областей «Человек» и «Общество», отражают наиболее выделенные знания о взаимоотношениях индивида в коллективе и ложатся в основу представлений о мире, которые репрезентированы в английском антропонимиконе. Концептуальные области «Религия», «Культура», репрезентированные в своде имён, представляют собой аксиологическую ориентированность сознания человека, отраженную в интерпретации морально-этических норм и эстетических представлений в светской и религиозной жизни общества. Концептуальные области «Природа», «Пространство», «Время», «Цвет», передаваемые при помощи имён в английском языке, дают понятие о наиболее значимых для человека сущностях реального мира, что отражено в их репрезентации. Определённые

затруднения в причислении к тому или иному контексту вызывает знание об именах с неясной этимологией и производных именах. Последние передают сведения не об изначальном фрагменте мира, положенного в основу наречения, а являются переосмыслением, возникшем в процессе развития языкового и неязыкового знания и отражающем лингвокреативные способности человека. Следовательно, анализ этимологии имени дает представление о производящей концептуальной основе в формировании концептуального содержания, передаваемого антропонимом, и позволяет считать антропоним изначальной единицей вторичной репрезентации знаний о мире.

Однако антропонимически репрезентированное концептуальное содержание, сформировавшееся в процессе познавательной деятельности индивида, подверглось значительному переосмыслению в ходе многовекового функционирования антропонима. Знания об источнике происхождения утратили значимость при характеристике многочисленных носителей, что сделало антропоним неполноценной с точки зрения лексического значения единицей языка. Антропонимически репрезентированное концептуальное содержание предстаёт гештальтной оперативной единицей именованного, назначение которой – идентифицировать человека в обществе. Отсутствие лексического значения стало восполняться знанием о личности конкретного носителя, точнее, об идеальном или стереотипном представлении о нем, сложившемся в индивидуальном или коллективном сознании. Имя значимого для индивида или сообщества людей человека приобретает черты прецедентности, понимаемой как «известность в определённой сфере, гештальтность восприятия, воспроизводимость содержания, стандартность формы, жёсткая ассоциативность» [2. С. 67], что позволяет соотнести антропонимически репрезентированное содержание с понятием. Такое знание об антропониме или «энциклопедическое значение» [4] представляется своеобразной компенсацией лексической ущербности благодаря выделению в рамках характеристик концептуальной области «Человек» наиболее значимых. Так, имя «Merlin» представляется как форма кельтского имени «Myrddin», означающего «крепость у моря», т.е. осмысление характеристики «гендерная принадлежность» в контексте «Пространство», а именно «женщина, живущая в крепости у моря». Ещё одним примером может стать

шотландская фамилия «Монгое», которая происходит от кельтского «устье реки Роу» (река находится в Северной Ирландии, её название предположительно возникло во времена набегов викингов в VIII-IX вв. и означало «красная»). Этимология вышеназванных имен не имеет никакого отношения к знанию, репрезентируемому антропонимическим комплексом «Marilyn Монгое», псевдонимом знаменитой американской актрисы. Данное имя стало для современного человека заместителем понятий «Красота», «Сексуальность», «Успех», так как именно такое представление сложилось в коллективном сознании, в первую очередь, англоговорящего сообщества о прецедентном феномене, в знании о котором данные признаки стали определяющими.

Следовательно, спецификация наиболее значимого признака приводит к различным результатам. Выделение знаний, репрезентированных именем, в индивидуальной концептосфере имеет значимость только для одного индивида, что отражается в соответствующих предпочтениях при выборе антропонима в акте именования. Если подобная выделенность приобретает коллективный характер, т.е. закрепляется в коллективной концептосфере, антропоним превращается в «векторный синоним» [14. С. 26] понятия и обретает черты прецедентности. Результаты познавательной деятельности, фиксируемые релевантной языковой формой, также имеют временную отнесенность, т.к. ценностные приоритеты общества в различные периоды времени могут различаться, что влечет выделение отличных друг от друга признаков, положенных в основу прецедентности. Например, антропоним «Elizabeth I» имплицировал в англоязычном сообществе близость с понятиями «Могущество», «Власть», «Непорочность», и репрезентировал коллективное представление об идеальном правителе. Адаптированная к современным реалиям авторская интерпретация знания о королеве Елизавете в сиквеле «Elizabeth: The Golden Age» позволила сформировать доминантные признаки, которые выделены благодаря сближению с абстрактными понятиями «Человечность», «Милосердие», «Терпимость»: Elizabeth is depicted as being a tolerant queen, which is debatable [22]. Подобное представление о великом монархе характерно сегодня, но не в Средневековье. Отсюда антропонимически репрезентированное концептуальное содержание формируется как конфигурация знания о мире и конкретном человеке

в ходе этапов познавательной деятельности и обусловлено пространственно-временной спецификой.

Включение в концептосферу индивида знаний о новом референте, репрезентированных его именем, открывает новый цикл осмысления в индивидуальном концептуальном пространстве в заданный период времени. Сведения, полученные о конкретном референте на этапе обработки эмпирической информации, категоризации в рамках характеристик концептуальной области «Человек», дополняются личной оценкой и обобщаются в индивидуальное представление о носителе, репрезентируемое определенным именем (антропонимическим комплексом). Обретение антропонимом прецедентности напрямую связано с количеством индивидуальных интерпретаций, которым оно подвергается в новом цикле осмысления, и закреплением релевантного признака в сознании языкового коллектива. Если популярность одних имен возрастает, т.е. зафиксированная в коллективной концептосфере понятийная отнесенность антропонимически репрезентированного содержания проецируется на большое число новых референтов, то при абсолютизации негативной оценки имя практически выпадает из антропонимикона. Примером может быть антропоним «Adolf», который «has fallen out of use since the Second World War» [там же]. В целом антропоцентрическая природа оценки позволяет говорить о человеке не только как об оцениваемом субъекте, но и в качестве объекта оценки, что даёт возможность рассматривать и его имя как член категории оценочных слов, объединяющих языковые средства на основе общности их концептуальной (интерпретирующей) функции [2. С. 33]. Приведенные выше примеры подтверждают, что, обретая прецедентность, имя несет и обобщенную в рамках коллективного сознания оценку. Например, имя «Jack» интерпретируется как «an ordinary fellow, a workman» [19. С. 697], что отражено также в пословицах (Every Jack must have his Jill [18. С. 93]).

Огромный интерпретационный потенциал антропонима обеспечивается не только отсутствием закрепленного в словаре значения, но и разнонаправленностью самой интерпретирующей функции. Переосмыслению может подвергнуться денотативный аспект концептуального содержания, языковое знание, передаваемое данной единицей языка, а также собственно содержательная часть антропонимически репрезентированного концепта или «история»

имени, т.е. обобщенные знания о значимых для индивида или общества носителях (см подробнее [8]). Результатами этих процессов являются создаваемое в индивидуальном сознании представление о человеке, передаваемое соответствующим именем (антропонимическим комплексом); многочисленные отступления от грамматических норм в акте коммуникации (например, деонимизация антропонима, переход в иной ономастический разряд), использование средств словообразования, что ведет к появлению не только новых форм имени или новых имен, но и новых понятий (например, «darwinism»). Содержательная направленность интерпретирующей функции ведет к появлению новых смыслов, репрезентируемых псевдонимами, прозвищами, а также переосмыслению прежней оценки. Следовательно, антропоним предстает как единица вторичной репрезентации результатов познания мира в момент своего возникновения и результат интерпретационной деятельности индивида в ходе познавательной деятельности, т.е. как модусная метарепрезентация знаний. Данный подход позволяет говорить об антропонимическом способе репрезентации оценки и выделить группу антропонимических средств оценки в категории оценочных слов.

Вышеназванные направления интерпретирующей функции проявились и в научных подходах в изучении антропонима. Так, в рамках теории референции антропоним рассматривался как идентифицирующий знак конкретного референта, имплицитный смысл имени через референцию (П. Стросон, Г. Фреге и др.), через выполнение или соответствие определенным условиям (У. Куайн), прямое указание на референт (жёсткая десигнация) (С. Крипке, К. Доннелан, Х. Патнэм). В отечественной лингвистике антропоним рассматривался, прежде всего, как единица языка, семантика которой характеризуется значительным своеобразием (А.В. Суперанская, В.Д. Бондалетов, В.И. Болотов, Н.В. Подольская, Л.Д. Чеснокова и др.). Современный подход в рамках когнитивно-дискурсивной парадигмы знания позволяет исследовать сложную концептуальную структуру, передаваемую антропонимом, где аккумулируются как знания о мире и конкретном человеке через осмысление характеристик одноименной концептуальной области в различных когнитивных контекстах, так и объективированная во времени и коллективном сознании «история» данного имени. В настоящий

момент динамично развиваются теории, где антропоним изучается с позиций когнитивной лингвистики как результат отражения процессов интерпретации в языке (Н.В. Васильева, О.К. Ирисханова, М.В. Голомидова, И.С. Карабулатова, А.С. Щербак), как воплощённый в культуре знак: теории прецедентности и интертекстуальности (Ю.Н. Караулов, Г.Г. Слышкин, В.В. Красных, Д.Б. Гудков), межкультурной коммуникации (В.Г. Костомаров, Н.Д. Бурвикова), когнитивной метафоры (Дж. Лакофф, М. Джонсон). Различные аспекты концептуального содержания, воплощенного в имени, становятся определенной интерпретационной базой в новом цикле осмысления.

Итак, исследовав специфику структуры и содержания антропонимически репрезентированного концепта, можно с уверенностью утверждать, что антропоним репрезентирует многоаспектное знание, осмысление которого возможно только в рамках различных когнитивных контекстов, что позволяет определить формат представления данной концептуальной структуры как когнитивно-матричный. Содержательное наполнение данного феномена не остается неизменным – оно эволюционирует в ходе познавательной деятельности, обретая прецедентность в коллективной концептосфере и вновь становясь источником интерпретации, свидетельства разнонаправленности которой зафиксированы в языковой форме.

Библиографический список

1. Болдырев Н.Н. Проблемы исследования языкового знания // Когнитивные исследования языка. Концептуальный анализ языка: Сб. науч. тр. М: Ин-т языкознания РАН; Тамбов: Изд. дом ТГУ, 2009. Вып. I. С. 91-101.
2. Болдырев Н.Н. Концептуальная основа языка // Когнитивные исследования языка. Концептуализация мира в языке: Коллектив. моногр. М: Ин-т языкознания РАН; Тамбов: Изд. дом ТГУ, 2009. Вып. IV. С. 25-77.
3. Болдырев Н.Н. Проблемы концептуального анализа // Международный конгресс по когнитивной лингвистике: Сб. мат-лов. Тамбов: Издательский дом ТГУ, 2010. С. 34-38.
4. Болотов В.И. К вопросу о значении имени собственного // Восточнославянская ономастика: Сб. статей. М.: Наука, 1972. С. 333-335.

5. Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание. М.: Русские словари, 1997. 413 с.
6. Гак В.Г. Пространство времени // Логический анализ языка: Язык и время. М.: Индрик, 1997. С. 122-130.
7. Голомидова М.В. Искусственная номинация в ономастике: Автореф. дис. ... докт. филол. наук. Екатеринбург, 1998. 57 с.
8. Голубева О.В. Роль интерпретирующей функции в развитии антропонимически репрезентированного концептуального содержания // Вопросы когнитивной лингвистики. 2010. № 4. С. 58-68.
9. Кубрякова Е.С. Номинативный аспект речевой деятельности. М.: Наука, 1986. 156 с.
10. Кубрякова Е.С. Основные направления концептуального анализа: вместо введения // Когнитивные исследования языка. Концептуальный анализ языка: Сб. науч. тр. М: Ин-т языкознания РАН; Тамбов: Изд. дом ТГУ, 2009. Вып. I. С. 11-21.
11. Магировская О.В. Субъект познания: координатная представленность и универсальность языковой репрезентации // Взаимодействие мыслительных и языковых структур: собрание научной школы: Мат-лы Всерос. науч. конф. 28 мая 2010. Тамбов: Издательский дом ТГУ, 2010. Вып.1. С. 44-48.
12. Нильсен Е.А. Структура понятийной составляющей концепта ВРЕМЯ в современном английском языке // Вопросы когнитивной лингвистики. 2010. № 3. С. 20-27.
13. Попова З.Д., Стернин И.А. Когнитивная лингвистика. М.: АСТ: Восток-Запад, 2007. 314 с.
14. Степанов Ю.С. О термине «концепт» // Когнитивные исследования языка. Концептуальный анализ языка: Сб. науч. тр. М: Ин-т языкознания РАН; Тамбов: Издательский дом ТГУ, 2009. Вып. I. С. 22-28.
15. Суперанская А.В. Общая теория имен собственных. М.: Наука, 1973. 366 с.
16. Щербак А.С. Когнитивные основы региональной ономастики: Автореф. дис. ... докт. филол. наук. Тамбов, 2008. 45 с.
17. Fauconnier G. Methods and generalizations // Cognitive Linguistics: Foundations, Scope, and Methodology / Ed. by Th.Janssen, G.Redecer. Berlin, NY, 1999. P. 95-127.
18. Kuskovskaya S.F. English Proverbs and Sayings. Minsk: Vysheishaya Shkola Publishers, 1987.
19. Хорнби А.С. Учебный словарь современного английского языка. М.: АСТ, 2001.
20. Языкознание. Большой энциклопедический словарь / Гл. ред. В.Н. Ярцева. М.: Большая Российская энциклопедия, 1998.

21. Behind the Name: the Etymology and History of First Names // Электронный ресурс Интернет: <http://www.behindthename.com> (дата обращения 18.08.2011).

22. Электронный ресурс Интернет: <http://www.wikipedia.org.ru> (дата обращения 18.08.2011).

Сведения об авторе

Голубева Ольга Васильевна
кандидат филологических наук,
доцент кафедры английского языка и перевода
Тамбовского государственного
университета им. Г.Р. Державина
E-mail: 2008golubeva@rambler.ru

УДК 811.112.2'37

СТРУКТУРИРОВАНИЕ ЛЕКСИКИ СО ЗНАЧЕНИЕМ «ЖИДКОСТЬ» В НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКЕ

Ю. Н. Зинцова

*Нижегородский государственный лингвистический университет
им. Н.А. Добролюбова, Нижний Новгород*

В статье представлены результаты исследования семантической структуры лексических единиц в немецком языке на примере лексем и лексико-семантических вариантов, обозначающих жидкость. Анализируется семный состав конкретных имен существительных, в частности, денотативный аспект лексического значения, осуществляется распределение их по тематическим группам, описываются парадигматические отношения между лексемами и лексико-семантическими вариантами.

Ключевые слова: системность языка, лексико-семантический вариант, лексическое значение, семантическая структура, лексико-семантическая парадигматика.

Structuring the Vocabulary Denoting Liquids in the German Language Julya Zintsova

The article presents the results of research into the semantic structure of German words denoting liquids, with a special emphasis on the denotative aspect of their lexical meaning. It categorizes the vocabulary into theme groups and describes paradigmatic relations between specific lexemes and their lexico-semantic variants.

Key words: language systems, lexico-semantic variant, lexical meaning, semantic structure, lexico-semantic paradigmatics.

Вопрос системности языка является одним из основных в лингвистике. Можно утверждать, что системность является фундаментальной характеристикой языка. Повышенный интерес лингвистов к содержательной стороне языка свидетельствует об актуальности проводимых в данном направлении исследований в отечественной и зарубежной лингвистике (Л.М. Васильев, А.И. Кузнецова, Н.М. Минина, В.В. Морковкин, Д.Н. Шмелев, П. Айзенберг, Г. Гросс, Р.П. Лутцайер, А.Н. Шрамм). Особое внимание при описании содержательной стороны языка уделяется изучению лексики с позиций системного подхода.

Значение лексической единицы может определяться через саму систему языка: термины специальных лингвистических единиц, абстрактные семантические понятия (лексическая семантика). С

другой стороны, семантическая информация, закрепленная за лексическими единицами, у которых денотативное значение «преобладает» над сигнификативным, является неотъемлемой частью широких пластов неязыковых знаний и включает в предмет своего изучения внеязыковую соотнесенность слова (когнитивная семантика) [1. С. 83]. Когнитивный подход к изучению семантики обращает особое внимание на денотативную соотнесенность значения слова, детально рассматривая признаки денотатов, закрепленные в его значении в совокупности с абстрактными семантическими компонентами, что значительно расширяет возможности семантического анализа. Это особенно значимо при описании семантических моделей лексем, которые содержат перцептивные характеристики изучаемых объектов, к числу которых относятся обозначения жидкостей [2. С. 58]. Соотнесение данных подходов к изучению семантических структур лексем, обозначающих жидкость в немецком языке, их систематизации и структурирования, является основной задачей проводимого в настоящей работе анализа.

Лексическая семантика сформировала структурный подход к изучению значений слов, она выявляет и описывает структурно-семантическую организацию различных семантических множеств, представляя языковое значение дискретным и предлагая методику компонентного анализа, где лексическое значение рассматривается как комплекс минимальных семантических компонентов – интегральных и дифференциальных семантических признаков, сем [3. С. 5]. На основе выявления интегральных и дифференциальных признаков лексических единиц (ЛЕ) со значением «жидкость» осуществляется распределение изучаемых лексем и лексико-семантических вариантов (ЛСВ) (всего 2194 ЛЕ и ЛСВ) по группам:

Тематические группы	Кол-во лексем ЛСВ	%-ное соотн-е
1. Гидратационные жидкости	40	1,8
2. Воды геологического характера	36	1,6
3. Природная жидкость	89	4,1
4. Вода, напитки: безалкогольные / алкогольные	1012	46,1
5. Пищевые жидкости	192	8,8
6. Технические жидкости	96	4,5
7. Используемая в хозяйственных нуждах жидкость	62	2,8
8. Жидкие медицинские препараты	144	6,6

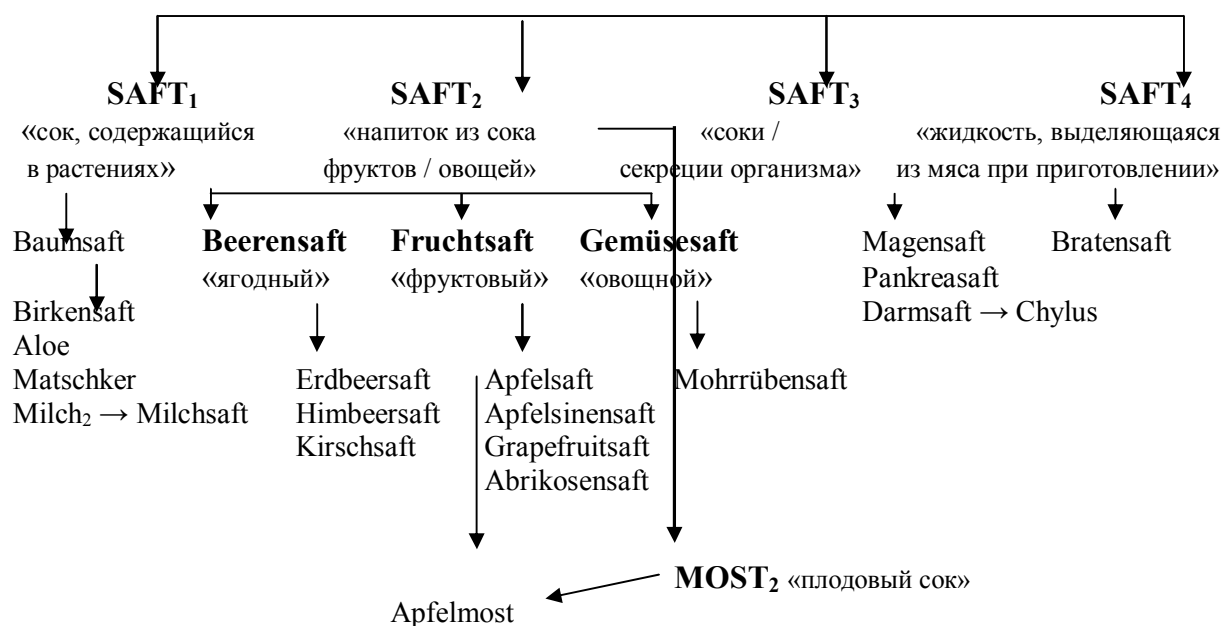
9. Химические жидкости	419	19,1
10. Жидкости представителей фауны	63	2,9
11. Жидкость, содержащаяся в растениях	41	1,7
Всего	2194	100

Принимая во внимание то, что языковое значение конкретных имен организуется в мышлении человека с помощью общекогнитивных механизмов категоризации и поэтому демонстрирует особенности организации, свойственные для неязыковых категорий, мы можем утверждать, что набор способов структурирования системных единиц значительно расширяется. В частности, организация семантической информации возможна по принципу «семейного сходства» [4] и прототипических эффектов [5]. Особенностью принципа «семейного сходства» является то, что некие сущности составляют одну категорию не только потому, что у них есть некие общие признаки, а также потому, что они имеют сходства друг с другом в разных отношениях, т.е. ни один из трех признаков может не присутствовать сразу у всех членов данной категории. При рассмотрении значительных различий между денотатами отдельного слова выделяется довольно большое число значений у исследуемой единицы (явление полисемии), поскольку один форматив (слово) может иметь два или несколько ЛСВ.

Лексема Saft в немецком языке, например, имеет четыре лексико-семантических варианта: 1) сок, содержащийся в растениях, 2) напиток из сока фруктов и овощей, 3) сок / секреция организма и 4) жидкость, выделяющаяся из мяса при приготовлении [6; 7; 8]. ЛСВ полисемантического слова Saft создают определенные семантические модели, при помощи которых отдельные значения лексемы Saft дают такую репрезентацию значений «сок», которая, с одной стороны, достаточно абстрактна, чтобы охватить все особенности употребления слова Saft, и, с другой, достаточно конкретна, чтобы данное значение можно было отличить от значений других лексических единиц, обозначающих жидкость.

Полисемия предопределяет тематическую стратификацию ЛСВ и способствует распределению их по соответствующим тематическим группам. ЛСВ лексемы Saft включаются в четыре тематические группы: 1) жидкости, содержащиеся в растениях, 2) напитки, 3) жидкости представителей фауны, 4) жидкости, содержащиеся в органах и тканях. В данные тематические группы включаются другие

лексемы и ЛСВ, которые характеризуются отношениями лексической парадигматики. Рассматривая некоторые ЛСВ в качестве гиперонимов для обусловленных полисемией лексемы Saft тематических групп, получаем в итоге также разветвленную сеть деривационных отношений между производными словами, являющимися обозначениями жидкости:

Полисемия предопределяет так называемую «семантическую пластичность» лексики [2. С. 60] и выполняет, таким образом, функцию экономии языковых средств, а также подтверждает тот факт, что лексические единицы постоянно находятся в динамическом состоянии, отражая изменения в окружающей действительности, когда новые явления и понятия получают новые значения, которые могут выражаться одним и тем же словом.

Все значения полисемантического слова при выявлении сходства между ними организуются в одну языковую категорию. Языковая категория представляется, таким образом, в виде «цепочек значений» или «радиальных» структур [9]. «Цепочечная» структура представляет собой совокупность значений полисемантического слова, в которой каждое из значений связано наличием общего признака не со всеми остальными значениями, а лишь с некоторыми из них. В такой структуре выделяется «прототип» или «центральный член категории» [5], из которого посредством различных трансформаций развиваются остальные, нецентральные или

периферийные члены категории. Нецентральные члены также могут трансформироваться, давая начало новым членам категории, располагающимся еще дальше от прототипа. Так, обозначения химических жидкостей подразделяются на два тематических ряда: 1) «жидкие кислоты», включающие, во-первых, разновидности кислот (Oxysäure, Wasserstoffsäure), во-вторых, растворы / химические реактивы, имеющие кислотную основу (Ammoniakwasser, Alkalilösung); 2) «спирты», которые служат основой эфирам, а также жидким медицинским препаратам на спиртовой основе (Ameisenspiritus, Polyalkohol).

Система каждого языка включает национально детерминированный набор смыслов, которые могут быть выражены на данном языке, что позволяет выявить национальную специфику исследуемых языковых единиц. Так, наличие двух лексем для обозначения фруктового сока в немецком языке (Saft₂ – Most₂) является релевантным для носителей немецкого языка. Если мы рассмотрим состав компонентов значения Saft и Most в немецком языке, то обнаружим, что они отличаются только одной денотативной семьей – «frisch – haltbar», которая предопределяет оппозиционные отношения между анализируемыми лексемами при выражении значения Flüssigkeit → Saft → Fruchtsaft → gewonnen. При этом лексема Saft может обозначать и свежавыжатый фруктовый сок, и фруктовый сок, подлежащий хранению, а лексема Most – только свежавыжатый сок.

Таким образом, при объединении нескольких подходов к изучению лексического значения появляется возможность более полного и разностороннего структурирования исследуемых лексических единиц. С одной стороны, связь между словами отражает систему отношений, существующих между элементами, выступающими в качестве обозначаемого. Систематизация лексических единиц реализуется, с другой стороны, и на семантическом уровне между лексическими значениями, и за счет связей и отношений, существующих между лексическими значениями. Эти отношения, не имея непосредственного выражения, будучи скрытыми от непосредственного наблюдения, тем не менее, организуют, систематизируют определенным образом слова, вследствие чего лексика приобретает системность семантическую [10]. Следовательно, языковые единицы и отношения между ними,

образуя устойчивую систему обозначений определенных фрагментов картины мира и демонстрируя национальную специфику представлений различных форм и свойств этих объектов в языковом мышлении его носителей, формируют определенную область их существования – лексико-семантическое пространство, результаты изучения которого могут являться основой для дальнейшего исследования семантики лексических единиц на материале немецкого или других языков.

Библиографический список

1. Кобозева И.М. Лингвистическая семантика: Учебник. М: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. 352 с.
2. Васильев Л.М. Теория семантических полей // Вопросы языкознания. 1971. №5. С. 106-111.
3. Пекар В.И. Семантика предлогов вертикальной соположенности в когнитивном аспекте (на материале английских предлогов *above* и *over* и русского предлога *над*): Дис. ... канд. филол. наук. Уфа, 2000. 176 с.
4. Wittgenstein L. The Philosophical Investigations. New York: Macmillan, 1953.
5. Rosch E. Cognitive reference points // Cognitive Psychology. 1975. № 7. Pp. 532-547.
6. Большой немецко-русский словарь / Под ред. О.И. Москальской. М.: Русский язык, 1980. Т. 1-2.
7. Duden Deutsches Universalwörterbuch. Mannheim, Wien, Zürich: Dudenverlag, 1989. 1816 S.
8. Klappenbach R., Steinitz W. Wörterbuch der deutschen Gegenwartssprache. In 6 Bd. Berlin: Akademie-Verlag, 1980. 4580 S.
9. Brugman C., Lakoff G. Cognitive Topology and Lexical Networks / S. Small et al (eds.). Lexical Ambiguity Resolution: Perspectives from Psycholinguistics, Neuropsychology, and Artificial Intelligence. San Mateo, CA: Morgan Kaufmann, 1988.
10. Новиков А.П. Тезаурус как отображение семантического пространства языка // Электронный ресурс Интернет: http://www.philippovich.ru/Library/Books/Semantics_IT/before.htm

Сведения об авторе

Зинцова Юлия Николаевна
кандидат филологических наук
доцент кафедры немецкой филологии
НГЛУ им. Н.А. Добролюбова
E-mail: zintsova@mail.ru

УДК 811.111'42:82-84

ФОРМАЛИЗАЦИЯ ЛОГИКО-СЕМАНТИЧЕСКОЙ СТРУКТУРЫ ТЕКСТА АНГЛОЯЗЫЧНОГО АФОРИЗМА

И.И. Зубова

*Минский государственный лингвистический университет,
Минск, Беларусь*

Данная статья посвящена проблеме выявления логико-семантической организации текста малого объема – афоризма. В центре внимания автора находятся афоризмы-определения, относительно легко поддающиеся формализации вследствие четко выраженной двухкомпонентной структуры. В статье приводится один из подходов к построению лингвистической базы данных и алгоритма поиска в ней формализованного представления текста афоризма-определения. Это – первый шаг на пути к разработке системы порождения подобных текстов с помощью компьютера.

Ключевые слова: логико-семантическая структура, афоризм, формализация.

Formalizing the Logical and Semantic Structure of English Aphorisms

Irina Zubova

The article seeks to identify and formalize the logical and semantic structure of English aphorisms, looking more specifically at aphoristic definitions as more conducive to formalization due to their clear cut two-component structure. It proposes a possible approach to building a linguistic database which would allow for a search based on a formalized representation of an aphorism, and presents this as a first step to creating a computer-based aphorism generating system.

Key words: logical and semantic structure, aphorism, formalization.

Интерес к жанру афоризма, зародившийся ещё в античности, в наши дни проявился в многочисленных попытках ученых определить границы этого понятия и его основные лингвистические особенности. Афоризм изучался с разных точек зрения: как литературный текст, как прецедентный текст, как единица фразеологического состава языка, в рамках лингвострановедческой теории, функционально-семантической типологии высказывания, структурной паремиологии. С развитием современных информационных технологий возникает необходимость моделирования на компьютере процесса порождения текстов, разных по объёму и стилю. Удобнее всего это делать на материале текста малого объёма, под которым будем понимать любой конечный отрезок речи, представляющий собой некоторое единство с точки зрения содержания, передаваемый со вторичными коммуникативными целями, имеющий соответствующую этим целям

внутреннюю организацию, состоящий из одного или нескольких взаимосвязанных предложений. В соответствии с этим определением текстом малого объёма можно считать и текст афоризма – краткого, лаконичного высказывания, содержащего обобщённую мысль о каком-то объекте или явлении окружающего мира.

Согласно наиболее распространённым взглядам исследователей афоризмов, данные тексты в основном представляют собой одночастные, двухчастные и трехчастные модели, где каждая часть является единицей смыслового членения высказывания [1. С. 7]. Одночастные афоризмы можно рассматривать либо как реляционные или атрибутивные суждения, либо как побудительные структуры. Грамматически им соответствуют односоставные или двусоставные предложения, например: *A fanatic is one who can't change his mind and won't change the subject (Winston Churchill)*. В двухчастных афоризмах компоненты могут соотноситься по принципу противопоставления или сопоставления. С точки зрения грамматики такие афоризмы создаются путем использования синтаксического параллелизма, то есть соположения частей высказывания, например: *Envy is ignorance. Imitation is suicide (Ralph Waldo Emerson)*. В трёхчастных афоризмах компоненты расположены градационно, либо как равноправные синтагмы, либо как предикативные части бессоюзного или сложносочинённого предложения. Трёхчастные афоризмы также могут быть сложноподчинёнными предложениями с соподчинением предикативных частей, например: *Advice is like kissing. It costs nothing and it's a pleasant thing to do (George Bernard Shaw)*.

В соответствии с данной классификацией анализу было подвергнуто 469 афоризмов, созданных такими известными личностями, как У. Шекспир, Б. Шоу, М. Твен, У. Черчилль и др., а также афоризмов, созданных известными людьми на других языках и переведённых на английский язык. Тексты были взяты со следующих веб-сайтов: www.jokes-quotes.com, www.about.com, www.marcel.ru, www.meirionnydd.force9.co.uk, www.littlecalamity.tripod.com, www.wtr.ru. Среди всех исследованных афоризмов односоставными оказались 284 фразы, двухсоставными – 96 фраз и трёхсоставными – 89 единиц. Среди односоставных афоризмов встретилось 166 афоризмов-определений. Они и были изучены далее с целью формализации их логико-семантической структуры.

В основе структурной модели афоризма-определения лежит логическая операция отождествления предмета с самим собой на основе соотнесения представления о его свойствах с системой понятий, которая позволяет постичь данный предмет. Афористические определения отличаются от словарных тем, что они не направлены на точную идентификацию предмета и не дают о нём полного, исчерпывающего представления. В афоризме-определении выражено индивидуальное представление о предмете, здесь используется воображение его автора, при создании образа предмета допускаются логические неточности. Однако такие афоризмы не лишены некоторых закономерностей. Они проявляются при выборе второго имени предмета, которое занимает позицию предиката и создаёт образ предмета [2. С. 60-66]. В качестве второго имени могут выступать следующие единицы:

1. Номинации с конкретной семантикой. В лингвистическом плане значения конкретных имён более разнообразны и описательны. В экстралингвистическом плане они представляют мир, воспринимаемый индивидуально. Чаще всего это бытовые понятия, которые облегчают восприятие философской мысли. Вместе с тем ассоциации, на основе которых создаётся образ, более непредсказуемы, чем в пословицах или неафористических определениях, например: *Faith is the bird that feels the light when the dawn is still dark (Rabindranath Tagor)*.

2. “Ключевые метафоры” – универсальные образы, имеющие лишь один вариант интерпретации. К ним можно отнести такие слова, как *gold, weapon, key, door, gate, mirror, bridge, fortress, treasure* и др., например: *Poetry is a way of taking life by the throat (Robert Frost)*.

3. Номинации лиц в метафорическом значении. Сюда относятся такие слова, как *mother, child, sister, teacher, humorist, flatterer* и т.д., например: *Necessity is the mother of taking chances (Mark Twain)*.

4. Множество абстрактных номинаций, представляющих физические и духовные качества человека. Эти номинации используются в переносном значении и обозначают чувства, поступки, отношения людей (*conscience, insult, violence, lust* и др.), например: *Friendship is love without his wings (Lord Byron)*.

5. Модели с превосходной степенью прилагательного или номинациями типа *the greatest*. Эти афоризмы-определения основаны на выявлении необычного и уникального в том, что считалось

тривиальным, например: *Politics is perhaps the only profession for which no preparation is thought necessary (Robert Louis Stevenson).*

6. Модели с аналитической формой превосходной степени прилагательного. Если данная форма прилагательного находится в части определения, содержащей рему, то модель имеет характеризующее значение, а если форма прилагательного употреблена в тематической части, то идентифицирующее, например: *Perseverance is the most overrated of traits, if it is unaccompanied by talent (Sidney Harris).*

7. Модели, основанные на гиперболизации с ироническим оттенком. Часто они связаны с представлением о различных сферах человеческой деятельности как искусства, например: *Courage is the art of being the only one who knows you're scared to death (Earl Wilson).*

8. Модели, построенные на приёме парадоксальности. В отличие от парадоксов такие афоризмы в значительной мере являются истинными, например: *Education is a progressive discovery of our own ignorance (Will Durant).*

9. Номинации, входящие в один логико-понятийный ряд с определяемым понятием. Это классический способ построения определения, например: *A cult is a religion with no political power (Tom Wolfe).*

Употребительность второго имени предмета в исследованном массиве афоризмов представлена в табл. 1:

Таблица 1.

№ п/п	Тип второго имени	Относительная частота употребления
1.	Ключевые метафоры	0,27
2.	Номинации лиц в метафорическом значении	0,21
3.	Модели, основанные на гиперболизации с ироническим оттенком	0,12
4.	Множество абстрактных номинаций, представляющих физические и духовные качества человека	0,11
5.	Модели, построенные на приёме парадоксальности	0,09
6.	Номинации, входящие в один логико-понятийный ряд с определяемым понятием	0,08
7.	Модели с превосходной степенью прилагательного или номинациями <i>the greatest, the only, the first, the last</i>	0,05
8.	Номинации с конкретной семантикой	0,05
9.	Модели с аналитической формой превосходной степени прилагательных	0,02

Как было отмечено выше, тексты афоризмов-определений имеют двухкомпонентную структуру, в одной части которой содержится определяемое слово, а в другой – само определение, характеристика, создающая образ предмета. С точки зрения синтаксиса, афоризм-определение содержит в первой части подлежащее (субъект), которое соединяется со сказуемым (предикатом) во второй части с помощью глагола-связки, например: *The poet is the priest of the invisible (Stevens Wallace)*. В результате анализа массива отобранных для исследования афоризмов были выделены определяемые слова, наиболее частотные из которых представлены в табл.2:

Таблица 2.

№ п/п	Определяемое слово	Абсолютная частота употребления	№ п/п	Определяемое слово	Абсолютная частота употребления
1.	experience	7	17.	education	3
2.	faith	7	18.	expert	3
3.	genius	6	19.	god	3
4.	hatred	6	20.	hope	3
5.	life	6	21.	creativity	2
6.	love	6	22.	critic	2
7.	freedom	5	23.	cynicism	2
8.	poetry	5	24.	death	2
9.	beauty	4	25.	diplomat	2
10.	democracy	4	26.	economist	2
11.	friend	4	27.	mistake	2
12.	friendship	4	28.	philosophy	2
13.	smile	4	29.	poet	2
14.	time	4	30.	politics	2
15.	ability	3	31.	thing	2
16.	conservative	3	32.	truth	2

Знания об определённом фрагменте действительности можно формально представить различными способами. Одним из них является метод отражения фрагмента реального мира в виде тезауруса. Согласно наиболее распространённому определению, тезаурус – это словарь, содержащий лексические единицы с явным указанием семантических отношений между ними [3. С. 148]. Информационно-поисковый тезаурус состоит из словаря терминов с указанными между ними смысловыми связями. Он представляет собой упорядоченный систематически и по алфавиту перечень

дескрипторов (терминов, являющихся основными) и недескрипторов (вспомогательных терминов). Тезаурус может использоваться не только для информационного поиска, но и в области лингвистических исследований [4. С. 3]. Таким образом, для формального описания логико-семантической структуры текстов афоризмов-определений был использован тезаурусный подход.

Рассмотрим принцип построения тезауруса на примере слова **LIFE**. В исследованном массиве афоризмов данное слово имеет 6 развёрнутых характеристик: 1) *a long lesson in humility*; 2) *a sexually-transmitted disease*; 3) *a succession of lessons which must be lived to be understood*; 4) *a tale told by an idiot – full of sound and fury, signifying nothing*; 5) *one fool thing after another where as love is two fool things after each other*; 6) *one long process of getting tired*.

Из приведённых характеристик видно, что словами, раскрывающими суть понятия **LIFE**, являются дескрипторы *lesson, disease, succession of lessons, tale, one thing, one process*. Остальные слова (недескрипторы) определённым образом описывают и уточняют их. Тогда в словаре-тезаурусе слово **LIFE** может быть представлено в следующем виде: **LIFE** {[LESSON (long, in humility)] [DISEASE (sexually-transmitted)] [SUCCESSION OF LESSONS (must be lived to be understood)] [TALE (told by an idiot, full of sound and fury, signifying nothing)] [ONE THING (fool, after another, love is two fool things)] [ONE PROCESS (long, getting tired)]}.

Аналогичным образом были изучены все наиболее частотные определяемые слова, приведённые в табл.2. Полученные в ходе анализа структурно-семантической организации текстов англоязычных афоризмов-определений результаты составили лингвистическую базу данных (ЛБД) системы поиска формализованного представления нужного афоризма в памяти компьютера.

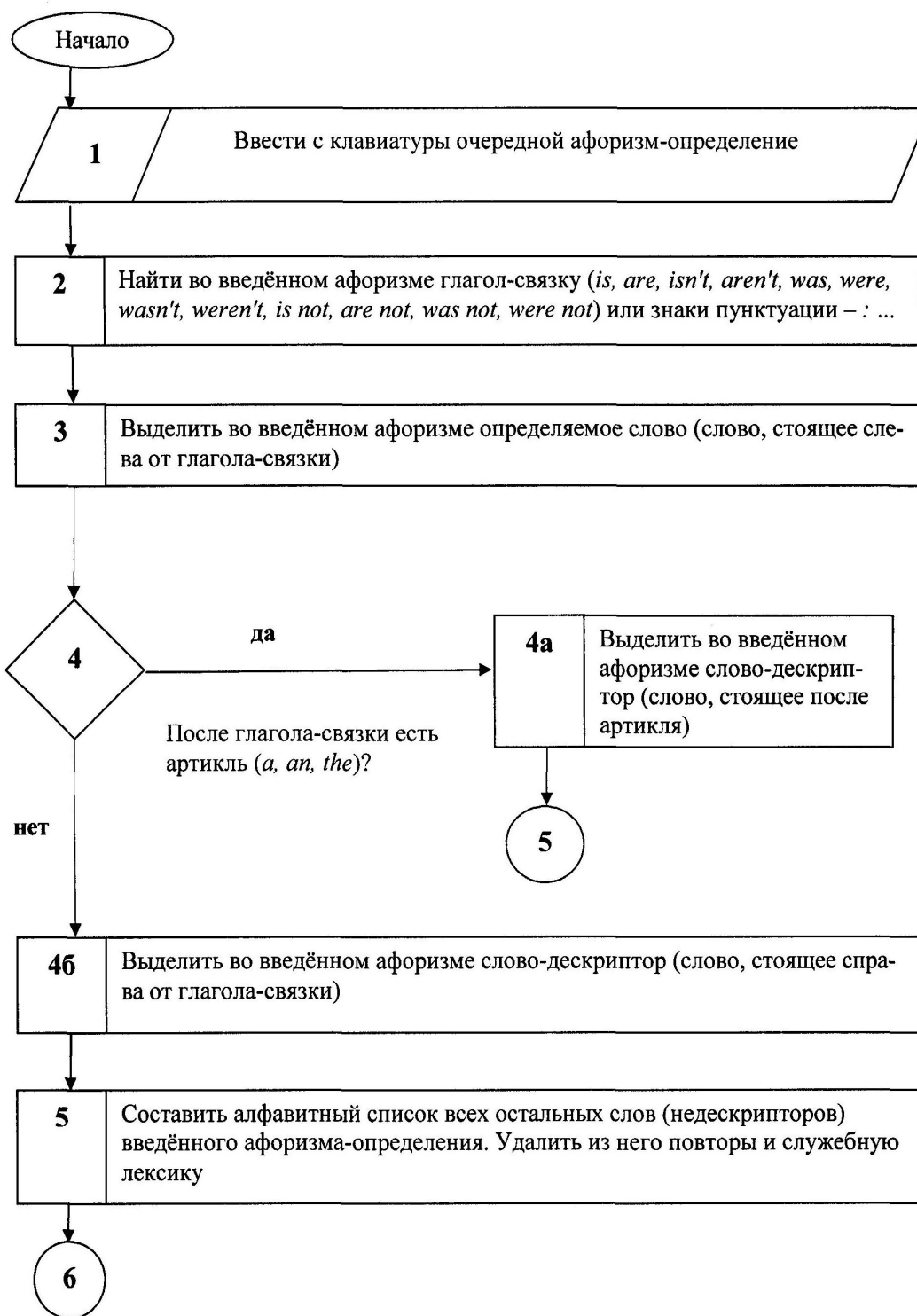
Следующий этап данного исследования связан с проверкой возможности компьютера найти в большом числе формализованных представлений афоризмов именно те определения, которые содержат заданное определяемое слово и один из относящихся к нему дескрипторов. В полном виде алгоритм поиска формализованного представления текста приведён на рис.1. Его основной особенностью является то, что компьютер может не только определять наличие в лингвистической базе данных введённого с клавиатуры афоризма-

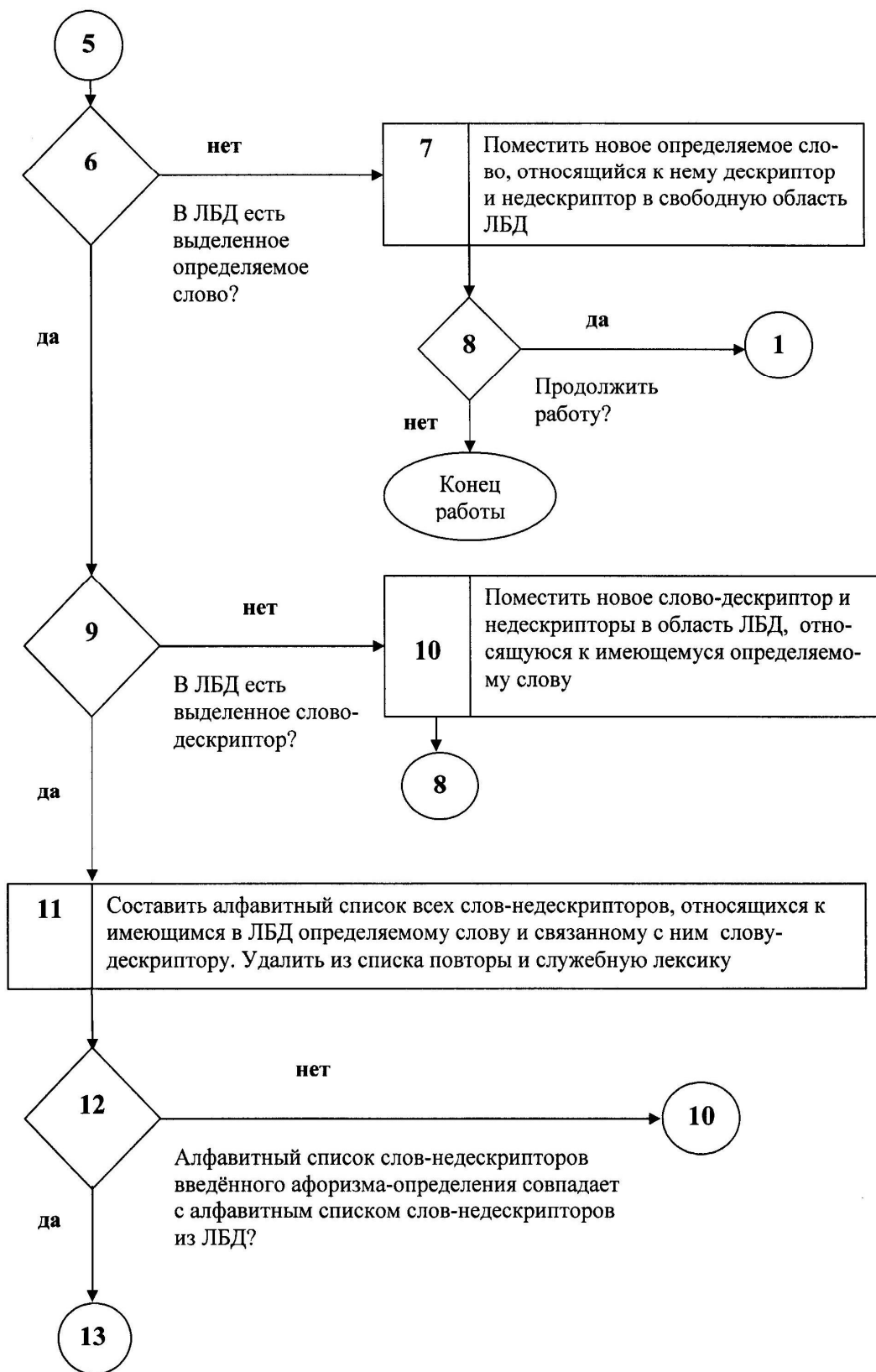
определения, но и пополнять базу данных новыми афоризмами. В этом случае он может либо сохранить в ЛБД новое определяемое слово, а также относящиеся к нему слова-дескрипторы и слова-недескрипторы (блок 7), либо дополнить имеющуюся в базе данных информацию об уже существующем определяемом слове (блок 10).

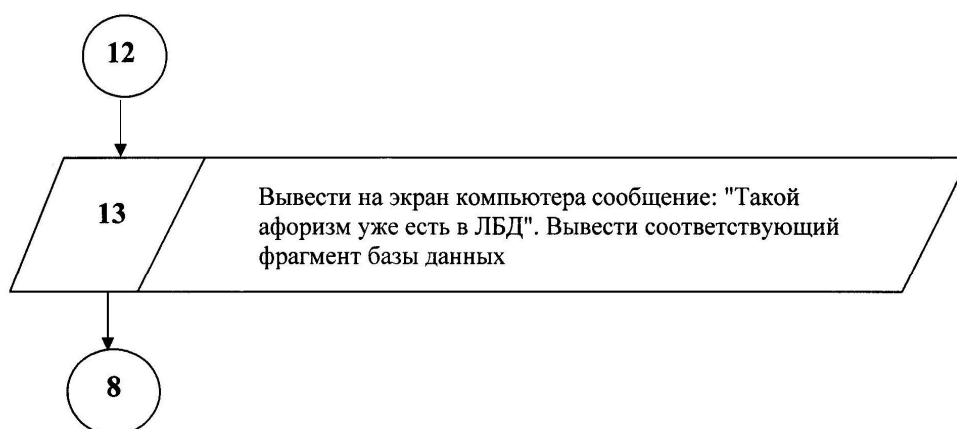
Рассмотрим работу алгоритма поиска формализованного представления текста афоризма-определения в лингвистической базе данных на нескольких примерах. Предположим, что проводящий эксперимент пользователь хочет определить, имеется ли в ЛБД афоризм *Necessity is the mother of taking chances*. После ввода этого афоризма с клавиатуры компьютер выделяет в нём глагол-связку *is*. Затем он находит слева от глагола-связки определяемое слово *necessity*. Далее компьютер ищет после глагола-связки артикль (в данном случае это артикль *the*), а затем выделяет слово-дескриптор *mother*. После этого компьютер составляет алфавитный список всех остальных слов введённого афоризма (*chances, of, taking*) и удаляет из него служебную лексику. Таким образом будет создан список слов-недескрипторов *chances* и *taking*. Далее компьютер обращается к лингвистической базе данных и ищет в ней определяемое слово *necessity*. Так как этого слова в ЛБД нет, то он помещает определяемое слово *necessity*, относящееся к нему слово-дескриптор *mother* и слова-недескрипторы *chances, taking*, в свободную область базы данных.

Рассмотрим пример, когда определяемое слово в базе данных есть, а относящихся к нему слова-дескриптора и слов-недескрипторов нет. Предположим, что пользователь вводит в память компьютера афоризм *God is a comedian playing to an audience too afraid to laugh*. Выделив стоящее перед глаголом-связкой *is* определяемое слово *god* и найдя справа от глагола артикль *a*, компьютер выделяет дескриптор *comedian*. После этого составляется алфавитный список всех слов-недескрипторов (*afraid, audience, laugh, playing, too*). Далее компьютер устанавливает, что определяемое слово *god* уже есть в ЛБД. Он начинает поиск в базе данных относящегося к нему слова-дескриптора *comedian*. Не обнаружив данного дескриптора, компьютер помещает новый дескриптор *comedian* и слова-недескрипторы *afraid, audience, laugh, playing, too* в область ЛБД, относящуюся к определяемому слову *god*.

**Рис.1. Принципиальный алгоритм поиска
формализованного представления текста афоризма-определения
в лингвистической базе данных**

Рассмотрим ещё один пример. Предположим, пользователь вводит с клавиатуры афоризм *Genius is the ability to reduce the complicated to the simple*. Компьютер выделяет стоящее слева от глагола-связки *is* определяемое слово *genius*, находящееся после артикля *the* слово-деSCRIPTOR *ability*, и составляет алфавитный список всех оставшихся слов-недескрипторов (*complicated, reduce, simple*). Затем, найдя в ЛБД определяемое слово *genius* и дескриптор *ability*, компьютер обнаружит, что составленный список новых слов-недескрипторов не совпадает с имеющимся в базе данных лексическими единицами. Поэтому он помещает слово-деSCRIPTOR *ability* и слова-недескрипторы *complicated, reduce, simple* в область ЛБД, относящуюся к определяемому слову *genius*.

Можно заранее предположить, что компьютер допустит ряд ошибок, связанных с выделением определяемого слова и слова-деSCRIPTORа. Так, он может ошибиться в выборе определяемого слова, если оно не стоит сразу перед глаголом-связкой, например: *A lover without indiscretion is no lover at all*. В данном случае компьютер вместо определяемого слова *lover* ошибочно выделит слово *indiscretion*. Аналогичная ситуация возникает и с афоризмом *Beauty with-out grace is the hook without the bait*. Подобные ошибки возникают во фразах, имеющих структуру **определяемое слово + without + другие слова + глагол-связка**. Для того чтобы компьютер корректно работал с афоризмами такого типа, необходимо соответствующим образом оптимизировать алгоритм. Кроме того, компьютер может допустить ошибку при определении слова-деSCRIPTORа, если оно не стоит непосредственно справа от артикля. Наиболее типичен случай, когда дескриптору предшествует

относящееся к нему прилагательное, например: *A critic is a legless man who teaches running*. Чтобы избежать подобных ошибок, следует дополнительно разработать систему морфологического анализа, которая определяла бы часть речи каждого входящего в афоризм слова, опираясь на его формальные признаки. Перед словом-дескриптором могут быть указательные местоимения (например, *that, this, those, these*) или наречия. Поскольку их количество в языке ограничено, то подобные слова можно задать в виде конкретного списка и поместить в базу данных.

Предложенная модель поиска формализованного представления текста афоризма-определения в лингвистической базе данных – первый шаг на пути к разработке системы порождения подобных текстов с помощью компьютера.

Библиографический список

1. Калашникова Н.М. Афористичность как черта идиостиля В. Токаревой: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ростов-на-Дону, 2004.
2. Стратегии коммуникативного поведения: Материалы докладов международной научной конференции. Минск (Беларусь), 3-4 мая 2001 г. Минск: МГЛУ, 2001.
3. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. М.: Наука, 1987.
4. Шингарева Е.А. О двух направлениях представления семантики текста (тезаурус и фрейм) // НТИ. Серия 2. Информационные процессы и системы. №8. М., 1982. С. 1-7.

Сведения об авторе

Зубова Ирина Ивановна
доцент кафедры информатики и прикладной лингвистики
Минского государственного лингвистического
университета, Беларусь
E-mail: proscien@mslu.by

УДК 811.161.1'42:82-32

**ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ЛОГОЭПИСТЕМ В
ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ**
(на материале рассказа Д. Рубиной «Все тот же сон!»)

Е. В. Наумова

*Нижегородский государственный лингвистический университет
им. Н.А. Добролюбова, Нижний Новгород*

В статье рассмотрена проблема функционирования логоэпистем (фразеологических единиц в широком смысле) в художественном тексте. В результате анализа была установлена полифункциональность данных единиц. Для них присущи следующие функции: выражение авторской модальности в тексте, участие в развитии сюжета, выражение идейно-концептуального содержания.

Ключевые слова: художественный текст, функция, логоэпистема, авторская модальность, сюжет, идейно-концептуальное содержание.

Functions of Logoepistemes in a Text of Fiction

(“Все тот же сон!” by D. Rubina)

Elena Naumova

The article studies functions of logoepistemes (phraseological units in a broader sense) in a text of fiction, defining these units as polyfunctional and identifying their characteristic inherent functions. These include 1) expressing the author's modality in the text; 2) participating in the plot development; and 3) conveying ideological and conceptual content.

Key words: a text of fiction, function, logoepisteme, author's modality, plot, ideological content.

Большинство современных лингвистов считают, что художественный текст – это коммуникативная единица, единица речи (Г.А. Золотова, Н.Д. Бурвикова, Н.С. Болотнова, О.И. Москальская, А.М. Шахнарович и другие), а следовательно, любой текст не является самоцелью, он создается автором для передачи индивидуальных знаний о мире читателю. Автор стремится с помощью языковых знаков наиболее адекватно передать свои мысли, чувства, т.е. при создании художественного текста решает коммуникативную задачу. Вместе с тем одним из важнейших условий достижения взаимопонимания между автором художественного текста и читателем является использование общей когнитивной базы (совокупность знаний и представлений, которая носит не индивидуальный, а национально детерминированный характер).

Специфика современных русских текстов как публицистических, так и художественных состоит, по терминологии В.Г. Костомарова, Н.Д. Бурвиковой, в карнавализации [1. С. 3]. С учетом этой тенденции, наметившейся в последние 30 лет, можно утверждать, что во время чтения произведения адресату приходится «разгадывать словесные задачки». Создавая тексты, современные авторы все чаще ориентируются на осмысление и компиляцию уже существующих текстов, на эксплицитное / имплицитное использование фрагментов «чужого» текста разного объема (от слова до целого текста). Как отмечают многие исследователи, использование приема аллюзии достигло непривычно больших размеров.

Актуальность исследования «чужих» текстов в составе новых обусловлена современной лингвокультурологической парадигмой исследования языка. Дело в том, что подобное включение языковых единиц отражает сложный процесс взаимодействия языка и культуры. Для понимания языковой игры необходимо обладать определенными культурно-историческими сведениями. Интерпретация оригинальных текстов с включением фрагментов «чужого» текста может быть адекватна при условии, что эти эксплицитно / имплицитно используемые элементы «чужого» текста известны значительной части носителей языка, если эти элементы образуют ядро культурного пространства нации. В противном случае коммуникация не может быть успешна.

Элементы «чужого» текста, известные большинству представителей лингвокультурологической общности и нередко служащие источником языковой игры, в лингвистике получили разное терминологическое обозначение: интертекстема, прецедентный феномен, логоэпистема, лингвокультурема, сапиентема, презентема, фигура знания (см. подробнее о проблеме терминологии: Е.А. Попова [2. С.44], Н.Д. Бурвикова, В.Г. Костомаров [3. С.48], Д.Б. Гудков, В.В. Красных, И.В. Захаренко, Д.В. Богачева, Е.Н. Канаева [4. С. 106-107] и др.). В данной статье мы будем использовать термин логоэпистема, поскольку само название термина (от греч. *logos* - «слово» и *episteme* - «знание») отражает направленность осмысления явления на двух уровнях: на уровне языка и на уровне культуры. Логоэпистема представляет собой символ, «свертку» текста-первоисточника. Под логоэпистемой вслед

за Н.Д. Бурвиковой и В.Г. Костомаровым понимаем воспроизводимое сочетание слов, в которых знания о мире представлены имплицитно. Данный термин сами авторы называют «зонтиковым», так как «за ним обнаруживаются разноуровневые лингвострановедчески ценные единицы (слова-понятия, пословицы, поговорки, присловья, крылатые слова, фразеологизмы, афоризмы, «говорящие» имена и названия, строчки из песен и стихотворений, из произведений художественной литературы, штампы» [3. С. 48]. Другими словами, это фразеологическая единица в самом широком смысле этого слова, употребление которой апеллирует к фоновым знаниям в редуцированном виде. Независимо от формы выражения (слово, словосочетание, предложение) за логоэпистемой всегда стоит какой-то другой текст, прецедентная ситуация, символом которой она является.

Цель данной статьи – выявить базовые функции логоэпистем в художественном тексте (на материале рассказа «Все тот же сон!» Дины Рубиной). Для достижения поставленной цели были проведены следующие процедуры анализа: из художественного текста методом сплошной выборки вычленились логоэпистемы, на основе описательно-аналитического, классификационно-типологического методов определялась роль логоэпистем в структуре произведения.

Проведенный комплексный анализ логоэпистем в художественном произведении позволяет сделать вывод об их полифункциональности в структуре текста. К основным функциям можно отнести следующие:

1. Создание авторской модальности текста.

Героиня-рассказчица, от лица которой ведется повествование, вспоминает школьную постановку спектакля по трагедии А.С. Пушкина «Борис Годунов», оценивая прошлое с учетом накопленного жизненного опыта, позволяющего ей взглянуть на минувшие события иначе, чем в юности. Зрелость в осмыслении пережитого проявляется через иронию и самоиронию. Одним из языковых средств выражения иронии и самоиронии служит окказиональное использование логоэпистем, употребляемых при характеристике персонажей. Например, в предложении *С точными науками к тому времени я отношения выяснила* [5. С. 80] использована логоэпистема *выяснять отношения* – «объясняться, стараться понять друг друга» [6. С. 189], которая обычно

употребляется для характеристики отношений между людьми. В данном тексте изменение синтагматических отношений логоэпистемы приводит к изменению смысла: автор с самоиронией говорит об отсутствии у себя способностей к точным наукам. Другой пример окказионального использования логоэпистемы зафиксирован в следующем предложении: *Роль Пимена досталась моему однокласснику, шпане большого полета Сеньке Плоткину* [5. С. 81]. Логоэпистема *птица высокого полета* - “о человеке, занимающем важное положение (разг., ирон.)” [6. С. 552] трансформирована автором с помощью замены компонента *птица* словом *шпана*, “мелкий жулик, хулиган” [7. С. 900], и выражает авторскую иронию, показывает, что персонаж не просто мелкий хулиган, а человек, который в будущем, возможно, мог стать уголовником.

Подобного же рода модификация, выражающая авторскую модальность, содержится в следующем примере: *Ему, как и мне, нечего не оставалось делать, как сунуть голову в хомут **постылой роли*** [5. С. 82].

2. Развитие сюжета.

Это функция логоэпистем, которые обеспечивают последовательность элементов сюжета, отражают событийную сторону произведения. Например, неоднократно используемая в тексте логоэпистема (*Подай костыль, Григорий!*), движет сюжет рассказа. В прецедентном тексте А.С. Пушкина «Борис Годунов» эта реплика не влияет на идейно-художественное содержание трагедии. В рассказе Д. Рубиной эта логоэпистема становится ключевой фразой для персонажа в сцене первой читки «Бориса Годунова» (включенное в цитату слово *костыль* стало в переносном смысле опорой в постижении Сенькой создаваемого на сцене образа), является толчком к дальнейшему развитию сюжета. В следующем эпизоде эта фраза, повторяемая в течение дня Сенькой неоднократно с различной интонационной интерпретацией, является отражением внутренней работы подростка над характером пушкинского героя. Повторяется она и в кульминационном эпизоде – в представлении «Бориса Годунова» на школьной сцене. Забытый героиней за кулисами костыль не потребовался Сеньке, чтобы создать образ Пимена: никто и не заметил отсутствие костыля, настолько мастерски сыграл Сенька свою роль. Ему не потребовался костыль как реквизит для

воплощения образа, главное для Сеньки – не внешние атрибуты, а создание характера персонажа.

2. Формирование идейно-концептуального содержания.

Ключевые логоепистемы служат для вербализации в художественном произведении авторской концепции. В нашем случае одной из таких логоепистем является фамилия великого русского поэта А.С. Пушкина. Выбор произведения А.С. Пушкина «Борис Годунов» для постановки школьниками не случаен: цель учителя литературы – повлиять на подростков с помощью литературного шедевра. Образ Пушкина в рассказе Рубиной является нравственным идеалом, примером величайшей творческой личности, соприкосновение с которой пробуждает талант в подростке, круто меняет его жизнь, предопределяет будущее. Рубина раскрывает процесс рождения таланта через творческие муки. В порыве творческого вдохновения при создании образа Пимена Сенька стремится понять сущность творческого замысла автора драмы, законы искусства. В ходе работы над образом он начинает открывать мир искусства, совершенно иной, отличный от того, в котором жил раньше. Именно участие в школьном драмкружке открыло подростку высокую культуру, совершенно новые ценности и идеалы.

В рассказе у Сеньки было две судьбоносные встречи. Первая – с Пушкиным и его творчеством, послужившая толчком к эволюции личности Сеньки, а вторая – с профессиональным режиссером, случайно присутствовавшим на школьном спектакле. Важно отметить, что описание внешности режиссера, его имя и отчество опять служат отсылкой к личности Пушкина: «В дверях комнатки стоял человек - молодой, курчавый, небольшого роста.

- К тому же даму бить некрасиво, даже если она провалила ваш дебют. Ведь, по крайней мере, она четко подавала текст...

Курчавый человек сунул Сеньке крепкую маленькую руку и сказал:

- Александр Сергеевич.

Сенька отвалил челюсть и спросил:

- В каком смысле?

- В том смысле, что это мое имя-отчество. Такая вот неприятность. Я – руководитель молодежного театра-студии на базе университета» [5. С. 103]. Встреча с человеком, профессионально занимающимся театром, помогла сделать Сеньке окончательный

жизненный выбор – он сам стал профессиональным режиссером. Автор помогает понять важность и необходимость таких встреч для выхода творческого потенциала, рождения гения, как это описано в рассказе. Такие встречи можно назвать знаковыми, судьбоносными.

Еще одна логоэпистема, вынесенная в сильную позицию в тексте, находится в заглавии («Все тот же сон!»). Это реплика из «Бориса Годунова». Данный заголовок рассказа служит реминисценцией пушкинских мотивов сна. Если вспомнить произведения А.С. Пушкина, то тема сна встречается во многих из них, например, в «Капитанской дочке», в «Метели», в «Евгении Онегине», в «Борисе Годунове» и других. В толковом словаре слово *сон* имеет следующее значение «о чем-л. иллюзорном, призрачном, неправдоподобном» [6. С. 1234]. В «Борисе Годунове» повторяющийся сон Отрепьева был провидческим, предвосхитившим неожиданные жизненные коллизии - взлет и падение персонажа. В рассказе Рубиной данная фраза приобретает иной смысл: получает развитие одна из традиционных тем в искусстве – «жизнь как сон». Сон – это особое состояние души, особая действительность, когда дух живет собственным содержанием. Жизнь творческого человека похожа на сон, она отличается от жизни других людей, творческие люди имеют особое восприятие реальности, что, с одной стороны, отличает их от нетворческих людей, а с другой - роднит между собой творческих людей. Такое особое мировосприятие присуще обоим главным героям рассказа: они оба выбрали творческие профессии. Рассказчица стала писателем, а Сенька – режиссером. Творчество становится смыслом их жизни. И автор через размышления своего персонажа ставит вечный вопрос, который волнует и саму Рубину, о предназначении творческой личности. Сенька спрашивает героиню: «Вот ты да я - черт-те чем заняты - химерой, вымыслом. Иногда по ночам думаю: здоровый мужик - на что жизнь кладу? Нужно ли это кому-нибудь или только нам?» [5. С. 107].

Использование логоэпистем способствует смысловой компрессии и генерализации авторских идей, имплицитно выраженных в тексте произведения. Авторская переработка логоэпистем является связующим звеном между читаемым текстом и предтекстом (прецедентным текстом, прецедентным именем), обеспечивает адекватное декодирование концептуального смысла и способствует более точному пониманию содержания произведения.

Проведенное исследование функционирования логоэпистем в художественном тексте позволяет сделать следующие выводы:

1. Логоэпистемы занимают одно из центральных мест в образной системе художественного текста.

2. Логоэпистемы в художественном тексте являются полифункциональными, что обусловлено сложностью структурно-смысловой организации произведения и спецификой значения логоэпистем, которые в контексте приобретают дополнительные смыслы.

3. Логоэпистемы участвуют в создании таких свойств текста, как связность (они используются для создания категории образа автора и выражении авторской модальности) и последовательность текста (служат средством развития сюжета).

4. Логоэпистемы позволяют включить текст в общую культуру за счет интертекстуальности, когда идейное содержание частично формулируется посредством ссылки на иной факт культуры (текст, имя, событие и т.д.), но при этом в тексте формируется собственный смысл. Тем самым формируется целостность текста: все компоненты текста объединены авторской концепцией.

Проведенное исследование может быть продолжено в сравнительно-сопоставительном аспекте на материале других произведений Д. Рубиной для выявления особенностей идеостиля автора, на материале произведений других писателей-современников для выявления общих культурно-исторических и лингвистических особенностей создания художественных произведений.

Библиографический список

1. Бурвикова Н.Д., Костомаров В.Г. Логоэпистемная составляющая современного языкового вкуса // Филологические науки. 2008. № 2. С. 3-12.

2. Попова Е.А. Прецедентные тексты в обучении русскому языку // Русский язык в школе. 2007. № 3. С. 44-50.

3. Бурвикова Н.Д., Костомаров В.Г. Воспроизводимые сочетания слов как лингвокогнитивная и терминологическая проблема // Филологические науки. 2006. № 2. С. 45-64.

4. Гудков Д.Б., Красных В.В., Захаренко И.В., Богачева Д.В. Некоторые особенности функционирования прецедентных текстов // Вестник Московского ун-та. Серия 9. Филология. 1997. № 4. С. 106-117.

5. Дом за зеленой калиткой: Рассказы. М.: Эксмо, 2011. 176 с.
6. Большой толковый словарь русского языка / Гл. ред. С.А. Кузнецов. СПб.: Норинт, 2000. 1536 с.
7. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М.: Азбуковник. 2002. 944с.

Сведения об авторе

Наумова Елена Васильевна
кандидат филологических наук,
доцент кафедры стилистики русского языка и культуры речи
НГЛУ им. Н.А. Добролюбова
E-mail: evnaumova@lunn.ru

УДК 811.111'373:398.9

АКСИОЛОГИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ АНГЛИЙСКИХ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ СЛОВСОЧЕТАНИЙ

М.С. Ретунская

*Нижегородский государственный лингвистический университет
им. Н.А. Добролюбова, Нижний Новгород*

В статье рассматриваются аксиологические аспекты фразеологического фонда современного английского языка, освещаются вопросы типологизации фразеологизмов с различными типами оценки. Показано, что фразеологизмы как культурно значимые тропические «образцы» тесно связывают язык с мышлением и культурой, обладают значительным аксиологическим своеобразием.

Ключевые слова: фразеологизм, идиоматика, аксиология, экспрессивность, оценка, номинация.

Axiological Potential of English Phraseological Word Combinations

Marina Retunskaya

The article focuses on the axiological aspects of modern English phraseological units and describes the types of idioms possessing various evaluative components. It argues that phraseological units are closely connected with cultural and cognitive peculiarities of the language research results.

Key words: phraseological unit, idioms, axiology, expressiveness, evaluation, nomination.

Оценка в сфере фразеологии осложнена тем, что она имеет различные проявления в отдельных структурных типах. Она связана как с семантическими свойствами фразеологизмов, так и с их морфолого-синтаксическими особенностями.

Специфика номинации фразеологических единиц (далее ФЕ), тесная спаянность их компонентов, семантическая, морфологическая, синтаксическая и стилистическая устойчивость выделяют эти комплексы в особую группу. В словарных статьях «Англо-русского фразеологического словаря» под ред. А.В. Кунина фразеологизмы, выражающие оценку, нередко снабжены пометами «ирон.», «пренебр.», «шутл.», «груб.», «неодобр.», «жарг.», «фам.», «разг.». Лексикографические пометы могут служить в качестве одного из критериев отбора ФЕ, обладающих узуально-эмотивно-оценочными коннотациями.

Не подлежит сомнению, что фразеологический состав языка представляет собой наиболее самобытное его явление. Система

образов, закрепленных во фразеологических единицах языка, способствует кумуляции мировидения и связана с культурно-национальной спецификой. Фразеологизмы как культурно значимые тропеические образцы способны связать язык с мышлением и культурой в ее национально-временной специфике [1. С. 116]. А.А. Потебня убежден в том, что если раскрыть образный стержень языкового выражения, то можно восстановить воззрения народа в ту или иную эпоху [2]. Наличие во фразеологических метафорах живого образного сравнения сопровождается эмоционально-оценочным отношением, что способствует их максимальной экспрессивности: *as drunk as a boiled owl, a hog in armour, walking corpse*. Приведенные примеры являют собой фразеологические парадоксы, в которых нарушены стереотипы категоризации действительности (времени, пространства, меры формы, социальных ролей и т.д.), за счет чего они приобретают добавочную выразительность.

В подавляющем большинстве значений фразеологизмов присутствует оценка, ибо в их семантике уже содержится квалификация обозначаемого, которая в конечном счете означает оценивание. По мнению В.Н. Телия, среди фразеологических единиц выделяются ФЕ, не приспособленные к оценке, и ФЕ, выражающие оценку [3]. Безразлично-оценочными могут быть те ФЕ, номинативная функция которых заключена лишь в идентификации свойств обозначаемого. ФЕ с фиксированной рациональной оценкой указывают на какой-нибудь квалификативный признак денотата: *a Welsh mile* («коломенская верста», человек непомерно высокого роста).

Разумеется, при достаточной поддержке текста оценочный знак может быть сменен на противоположный. ФЕ с нефиксированной оценкой меняют ее в зависимости от эмпатии как отправителя, так и получателя оценки. Подобная «плавающая» оценка фразеологизма имеет место, если оценивается такое межличностное отношение, как поведение индивида.

С.С. Кузьмин подразделяет фразеологические эмоционально-оценочные единицы на отрицательные, положительные и двойственные, которые могут стать основой для игры слов, давая в положительном контексте юмористический эффект, а в отрицательном – элемент сарказма [4].

Во фразеологических парадоксах затруднительно выделить ввиду их двойственной природы безразлично-оценочные фразеологические единицы. В составе узуальных фразеологических парадоксов, закрепленных фиксированной в значении оценкой, есть и фразеологические парадоксы, имеющие в своем значении нефиксированную оценку.

Например, дерогаторной оценкой наделен фразеологизм *not to have a brain in one's head*; используя его, говорящий порицает нарушение некоего эталонного качества у объекта оценки. Ср. также: *to have more brain in one's little finger than one has in his whole body*. Аналогично выражается презрение и высокомерное отношение к изгоям социальной иерархии: *lady of the frying pan u knight of the elbow*. Одинаково плохо *to have one's head in the clouds*, и *build castles in the air*, и *after death the doctor*, и *put the cart before the horse*, и *eat the calf in the cow's belly*, и *burn the candle at both ends*. На фоне превалирующей отрицательной оценки *walking dictionary* и *old head on young shoulders* демонстрируют уважительное отношение к знанию и профессиональному опыту. В количественном отношении английские фразеологизмы с положительной оценкой почти втрое уступают фразеологизмам с отрицательной оценкой [4; 5].

По мнению В.Н. Телия, наиболее экспрессивные фразеологические единицы, особенно парадоксального характера, максимально зависят от контекста, обладая флуктуирующей оценкой. Даже элементарное *to have one's bread buttered on both sides* может выражать и одобрительное отношение к чьей-либо предприимчивости, и стремление без труда получить материальный достаток (усердие в работе оделяется само по себе ценностью в контексте англо-американской культуры). Аналогично двойственной оценкой обладают *to run with the hare and hunt with the hounds*, *to comb somebody with a three-legged stool*. Положительная или отрицательная оценочность складывается на основе знания неписанных, но узуальных норм ценностной картины мира, которая основана на обиходно-бытовом образе мира, сложившемся в данном языковом коллективе и на его жизненной философии.

Высказывания, содержащие *to sit on the thin edge of nothing*, *to be able to sleep on both ears*, *to milk the bull*, *to cook one's hare before it is caught*, *to get the key of the street* сообщают слушателю о переживаемом чувстве-отношении, это способ эксплицировать в речи

«поступок души». Иллокутивная сила высказываний идиоматического характера равна употреблению предикатов «презирать, пренебрегать, не одобрять, протестовать, унижать, осуждать, порицать и т.п.». Они несут в себе и «приговор, и протест, а приговор оглашается с целью оповестить об этом слушающих и вызвать у них то или иное чувство-отношение к тому или иному факту, чтобы изменить мнение или поведение адресата» [3. С. 210-213].

В отличие от лексики, способной выражать оценку предмета, явления, признака, действия в виде бесстрастного суждения о желательности или нежелательности явлений или в форме положительного или отрицательного отношения, оценочная фразеология в большинстве своем эмоционально окрашена благодаря образу в основе ФЕ [6].

Фразеологический словарь английского языка под ред. А.В. Кунина из общего количества словарных статей в 29500 выделяет 300 оценочных фразеологических единиц:

a bright spark – разг., ирон. яркая личность (о нудном, скучном, сером молодом человеке);

the great unwashed – презр. голытьба;

rat race – пренебр. жестокая конкуренция, бешеная погоня за богатством, успехом, карьерой;

a gay bird — разг., шутл. весельчак;

back-seat driver – разг., неодобр. 1) пассажир, дающий советы водителю, как вести машину; 2) непрошенный советчик, критикан.

В вышеприведенных примерах фигурируют двухкомпонентные фразеологизмы номинативного характера. Наибольшей эксплицитностью в выражении оценки обладают комплексы Adj + N и N + N антропоцентрического характера. В некоторых исследованиях по фразеологии (Авалиани, Эмирова) не отрицается традиционная зависимость значения некоторых видов фразеологизмов от значения составляющих их компонентов; кроме того, отмечается наличие микрокомпонентов значения, влияющих на глобальное значение этих единиц: *white elephant*, *dead head*, *small potato*, *poor stick*. Вышеприведенные антропоцентрические атрибутивные комплексы уже давно не являются свободными словосочетаниями. Оценочный потенциал их формируется как производное компонентов. Как показывает анализируемый материал,

у отдельных фразеологизмов существует ярко выраженная национально-культурная маркированность; они весьма специфичны как оценочное средство:

hot warrior – «ястреб», сторонник развязывания войны;

brown shirt – коричневорубашечник, нацист;

blue stocking – синий чулок, педантичная женщина.

Заметное место среди оценочных антропоцентрических фразеологизмов этого рода занимают иронические, выражающие негативную оценку предмета, номинации (одного из коммуникантов):

fine lady – ирон. дамочка, женщина, корчащая из себя аристократку;

bright spark – разг., ирон. яркая личность (о нудном, скучном, сером молодом человеке);

hot shot – ирон. излишне самоуверенный человек, зазнайка.

Наряду с образными фразеологизмами типа *slow coach* (пренебр. копуша, старомодный отсталый человек), *rotten egg* (презр. нравственно испорченный, разложившийся человек), образованными путем семантического переноса, среди исследуемых словосочетаний встречаются необычные, переносное значение которых уже не ощущается, своего рода клише и языковые штампы: *old chap*, *good citizen*, *sweet child*.

Наблюдаемые в настоящее время случаи ослабления экспрессивности и образности оценочных фразеологических единиц и превращения их в разговорные штампы побуждает носителей языка обновить образы аксиологических фразеологизмов, подвергая их различным структурно-семантическим преобразованиям. Речевая экспрессия, возникающая вследствие этих инноваций, обладает достаточно высокой интенсивностью, чтобы участвовать в формировании эмотивной оценки, гарантирующей превращение логической оценки в эмотивную.

Библиографический список

1. Ройзензон Л.И. Русская фразеология. Самарканд, 1977. 267 с.
2. Потебня А.А. Мысль и язык. М.: Наука, 1993. 205 с.
3. Телия В.Н. Русская фразеология: Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. 288 с.

4. Кузьмин С.С. Оценочность в английской фразеологии и контекст: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1980. 19 с.
5. Кунин А.В. Механизм окказиональной и фразеологической номинации и проблема оценки // Вопросы фразеологии. М.: Изд-во МГПИИЯ им. М. Тореза, 1980. Вып. 168. С. 158-183.
6. Берлизон С.Б. Ласкательная лексика и фразеология в современном английском языке // Вопросы романо-германского языкознания: Материалы межвуз. конференции. Челябинск, 1969. С. 14-17.

Сведения об авторе

Ретунская Марина Серафимовна
доктор филологических наук,
профессор кафедры английской филологии
НГЛУ им. Н.А. Добролюбова
E-mail: masere@yandex.ru

УДК 811.161.1'37

КОНСТРУИРОВАНИЕ ГЛОБАЛИЗАЦИИ В ТЕКСТАХ НАЦИОНАЛЬНОГО КОРПУСА РУССКОГО ЯЗЫКА*

М. В. Сергеева, В. В. Денисова

*Нижегородский государственный лингвистический университет
им. Н.А. Добролюбова, Нижний Новгород*

В статье рассматривается конструирование феномена глобализации в текстах Национального корпуса русского языка за период с 2005 по 2010 год. Анализ контекстов, содержащих прилагательное *глобальный*, позволяет выявить типичную лексическую сочетаемость данной леммы и наиболее значимые для конструирования глобализации тематические области. Корпусные данные демонстрируют, что слово *глобальный* обладает негативной семантической просодией в современном русскоязычном социуме.

Ключевые слова: глобализация, корпус текстов, частотность, сочетаемость, тематическая область, семантическая просодия.

Constructing Globalization in the Texts of the Russian National Corpus Marina Sergeyeva, Vera Denisova

The paper focuses on the construction of globalization in the texts of 2005–2010 from the Russian National Corpus. The context analysis of the Russian adjective “*global’niy*” (*global*) reveals its typical collocations and semantic spheres and demonstrates the negative semantic prosody of this word in the modern Russian speaking world.

Key words: globalization, text corpus, frequency, collocation, semantic sphere, semantic prosody.

Для получения комплексного представления о том, как современный русскоязычный социум воспринимает процесс глобализации, представляется перспективным привлечение данных корпусов. Задача данного исследования – анализ частотности, лексической сочетаемости и семантической просодии леммы *глобальный* в различных типах текстов, что даст возможность проследить, как феномен глобализации конструируется в современном русском языке.

Материалом исследования послужили фрагменты текстов различных жанров за период с 2005 по 2010 год, представленные в Национальном корпусе русского языка [1]. Постоянно обновляемый и

* Статья подготовлена в ходе выполнения НИР в рамках НОЦ междисциплинарных исследований языка и культуры ГОУ ВПО НГЛУ при поддержке ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009-2013 гг.

совершенствуемый корпус функционирует в Интернете с 2003 года и включает самые разнообразные тексты общим объёмом 140 миллионов словоупотреблений за период с 1701 по 2010 год. Национальный корпус в настоящее время включает ряд подкорпусов. В их числе – *основной корпус*, в который входят прозаические письменные тексты с XVIII до начала XXI века, *газетный корпус*, в котором представлены статьи из средств массовой информации 1990-2000 гг., *устный корпус*, включающий расшифровки аудиозаписей публичной и частной устной речи и транскрипты кинофильмов, и др.

Поиск текстовых фрагментов за указанный период в основном корпусе автоматически отразил 62 вхождения в 30 документах. Однако фактически число контекстов для слова *глобальный* в пользовательском подкорпусе с 2005 по 2010 год составило лишь 55 употреблений, так как часть примеров, зарегистрированных в корпусе как отдельные случаи, оказались повторами одного и того же текстового фрагмента. Для расширения базы данных к анализу был привлечён газетный корпус, однако поиск в нём за 2005-2010 годы отразил 4935 вхождений, поэтому пользовательский подкорпус был ограничен периодом с 2008 по 2010 год. В результате было найдено 124 вхождения в 92 документах, датируемых 2008 годом. Период с 2005 по 2010 год был также задан для поиска в устном корпусе; в результате, к анализируемой базе были подключены ещё 14 контекстов с прилагательным *глобальный* из десяти устных текстов, датируемых 2005 и 2006 годом (фрагментов телепередач и радиопрограмм, кинофильмов, публичных лекций и пр.). Таким образом, материалом для анализа послужили 193 контекста для лексемы *глобальный* из различных типов текстов последних лет.

Анализ сочетаемости данной лексики показал, что в подавляющем большинстве контекстов слово *глобальный* выступает в атрибутивной функции. В единичных случаях зафиксировано прилагательное как часть составного именного сказуемого, как в краткой (*насколько глобальны, долгосрочны эти задачи*), так и в полной форме (*это пришествие зимы на самом деле оказалось глобальным*), а также образованное от основы прилагательного наречие, выступающее в функции обстоятельства: *глобально не везло, глобально защитит*. Как прилагательное *глобальный*, так и наречие *глобально* встречаются в анализируемом материале в форме сравнительной степени: *на более глобальном уровне, более глобальный*

документ, мыслить глобальней. Зафиксировано также сложное прилагательное, где основа слова *глобальный* выступает в качестве первого компонента (*глобально-экономические причины*).

Иногда слово *глобальный* функционирует как один из однородных членов предложения вместе с другим прилагательным, выступающим в роли синонима-уточнителя: *эффект глобального, галактического масштаба; насколько глобальны, долгосрочны эти задачи.* Ряд контекстов также содержит также антонимические пары *глобальный – узкий* и т.п.: *не на глобальном, а на более узком конкретном рассмотрении проблемы; не видение чего-то глобального, дальше своего носа.*

Сочетаемость слова *глобальный* в проанализированном материале весьма многообразна. Наиболее типичным сочетанием, где прилагательное *глобальный* выполняет атрибутивную функцию, является коллокация *глобальное потепление*. Это словосочетание зарегистрировано в пятнадцати контекстах, одиннадцать из которых встречаются в текстах газетного корпуса, что говорит об особой значимости темы изменения климата в современных русских СМИ.

Вторым по количеству вхождений являются сочетания *глобальные (экономические, климатические) процессы, глобальное изменение* и *глобальная проблема*, каждое из которых встречается в девяти контекстах. Далее, по убывающей, следуют сочетания *глобальный мир* и *глобальный (финансовый, экономический) кризис* (по восемь вхождений); *глобальная система* (семь примеров); *глобальный масштаб* (пять случаев); *глобальные вопросы* (четыре примера); *глобальная цель, глобальный проект, глобальная сеть* и *глобальный координатор* (по три вхождения каждое). Дважды в анализируемом материале были зарегистрированы коллокации *глобальное существование (человечества), глобальный план, глобальные риски, глобальные последствия, глобальные потоки денег, глобальная коррекция, глобальный синдицированный кредит, Институт глобальных стратегий, глобальный (авиационный) альянс, глобальная война, «Быстрый глобальный удар»* и *что-то глобальное.*

Отметим, что некоторые из приведённых сочетаний демонстрируют полную или преимущественную принадлежность к определённой тематической области: так, сочетания *глобальный кризис* или *глобальные риски* встречаются, главным образом, в экономических контекстах, а сочетаемость *глобальные вопросы* и

глобальное изменение свойственна текстам, посвящённым изменению климата. В свою очередь, некоторые сочетания встречаются, как правило, в определённом текстовом жанре: например, *коллокации глобальные риски, глобальная навигационная (спутниковая) система, глобальная сеть, Институт глобальных стратегий* или *глобальный (авиационный) альянс* фиксируются только в дискурсе СМИ.

В единичных примерах зарегистрированы сочетания *глобальные задачи, глобальные события, глобальное лидерство, глобальный вывод, глобальный контекст, глобальный характер, глобальная угроза, глобальная безопасность, глобальная держава, глобальная конкуренция, глобальная катастрофа, глобальный беспредел, глобальный терроризм* и т.д. (всего 63 сочетания).

Контексты, в которых встречается слово *глобальный*, относятся к разнообразным семантическим сферам. Наибольшим лексическим многообразием отличаются следующие тематические области:

- **экономика, финансы, торговля и промышленность:** *часть глобальной экономики, глобальные экономические процессы, глобальный финансовый капитализм, глобальные потоки денег, глобальное хозяйство, глобальный ВВП, глобальная конкуренция, глобальные инвестиционные продукты* и пр.;

- **экономические проблемы, инфляция, экономический кризис:** *глобальный кризис ликвидности, кризис глобальной финансовой системы, глобальная экономическая неразбериха, глобальные причины инфляции* и т.п.;

- **проблемы изменения климата, природные и техногенные катастрофы:** *глобальное потепление, глобальный парниковый эффект, глобальное изменение климата, глобальные климатические процессы* и пр.;

- **война, террор, оборона, поддержание безопасности:** *глобальная война, глобальные потрясения, глобальные военно-политические, экономические и экологические фатально-гибельные последствия, глобальная система обороны* и др.;

- **проблемы и негативные явления:** *глобальная проблема, глобальная проблема современности, являющаяся глобальной проблемой коррупция, глобальные вызовы, глобальный дисбаланс;*

- **информация и технологии:** *глобальная информационная инфраструктура, глобальные общедоступные информационные сети, глобальные интернет-сообщества, глобальная навигационная*

спутниковая система, глобальная сеть и пр.;

- **политика, влияние, власть:** *глобальные изменения внутренней и внешней политики, влияние России на глобальные процессы, утрата глобальной роли, «глобальные праймериз»;*

- **сотрудничество, совместные усилия и мероприятия:** *переговоры о глобальном объединении, глобальные проекты и планы, глобальные соглашения;*

- **названия организаций:** *Институт глобальных стратегий, глобальный (авиационный) альянс Star Alliance.*

Как видим, для конструирования глобализации в СМИ (а именно к дискурсу СМИ относится большинство контекстов для слова *глобальный* из корпуса русского языка) наиболее значимыми являются тематические области, связанные с рыночной экономикой и экономическим кризисом, проблемами изменения климата и проблемами безопасности.

Анализ контекстов, содержащих слово *глобальный*, в корпусе русского языка позволяет сделать вывод, что данное слово обладает негативной семантической просодией [2], так как употребляется главным образом в негативных контекстах. Выводы о негативной семантической просодии делаются не только на основании сочетаемости с лексемами, у которых отрицательная оценка входит в денотативное значение, но и на базе контекстуальных коннотативных смыслов, поэтому на данном этапе исследования лексема *глобальный* рассматривается в более широких текстовых фрагментах.

Иногда негативная семантическая просодия выявляется уже на уровне словосочетания, т.е. прилагательное *глобальный* или наречие *глобально* выполняет функцию зависимого члена в словосочетании, ядром которого является негативно оценочная лексема: *глобальный кризис, глобальная катастрофа, глобальные потрясения, глобальное потепление, глобальный парниковый эффект, глобальные проблемы, глобальный дисбаланс, глобальная война, глобальный беспредел, глобальные диспропорции, глобальный терроризм, глобальная угроза, глобально не везло* и пр.

В ряде случаев лексема *глобальный* сочетается с оценочно нейтральными номинациями, однако более широкий контекст делает очевидным, что в данных высказываниях говорится о негативных явлениях. Например, коллокация *глобальная система* вне контекста не несёт в себе негативной информации, но в содержащих это

сочетание текстовых фрагментах часто выясняется, что речь идёт о неблагоприятных ситуациях: *кризис глобальной финансовой системы, глобальная система борьбы с чрезвычайными ситуациями* и т.п.

Аналогичным образом оценочно нейтральные сочетания, в том числе термины и названия организаций (*глобальный масштаб, глобальный характер, глобальная сеть, глобальная экономика, глобальный продукт, Глобальная навигационная система ГЛОНАСС, глобальные базы биометрических данных, Институт глобальных стратегий* и т.п.) **(а)**, и даже позитивно окрашенные сочетания (*глобальная благотворительность; глобальный экономический рост; что-то позитивное, глобальное* и пр.) **(б)** также часто употребляются в негативных контекстах. Приведём примеры:

(а) *глобальные военно-политические, экономические и экологические фатально-гибельные последствия; инфляция в глобальном масштабе; Этот глобальный мир крайне неспокоен; Тем не менее, глобальная сеть всё-таки принесла свои проблемы; И эта ситуация снижает российскую конкурентоспособность как глобальной державы; ... в глобальном хозяйстве сложилась ситуация, когда возможности рынков исчерпаны; ...уже к середине столетия до 50% прироста глобального продукта придётся расходовать на покрытие ущерба от возможных катастроф; ... создание глобальных баз биометрических данных [...] принесёт скорее больше минусов, чем плюсов; Увы, остальные глобальные пророчества Кейса не радуют;*

(б) *В разгаре глобальной благотворительности ему явно не до отдельно взятых новорожденных; ... экономика этих развитых стран ещё недостаточно сильна, чтобы заменить Соединённые Штаты в качестве держателя глобального экономического роста; Арест Ходорковского стал последней каплей на фоне тотальной импотенции власти сделать что-то позитивное, глобальное для народа.*

Как видно из приведённых контекстов, слово *глобальный* часто ассоциируется в сознании носителей русского языка с негативными явлениями и процессами: кризисом, проблемами, разнообразными негативными изменениями, нестабильностью, несправедливостью, несоответствием чему-либо, неудачами и бессилием.

Число контекстов, в которых лексема *глобальный* в корпусе русского языка демонстрирует негативную семантическую просодию

(всего 109 текстовых фрагментов), превосходит число нейтрально-оценочных контекстов (75 примеров).

Немаловажным также представляется тот факт, что в значительной части самих названий текстов, в которых фигурирует лексема *глобальный*, речь идёт о чём-то негативном. Это касается не только тех текстов, в которых слово *глобальный* выполняет атрибутивную функцию в словосочетаниях, где в качестве ядра выступает слово с явной негативной оценочностью (*кризис, катастрофа, потрясения, проблемы, война, терроризм, беспредел, угроза* и пр.), но и таких текстовых фрагментов, где лексема *глобальный* сочетается с оценочно нейтральными номинациями (*мир, процесс, характер, масштаб, стратегии, сеть, экономика, навигационная система* и т.п.). Приведём примеры таких заголовков:

Российскую экономику ждут серьёзные потрясения, – мнение эксперта; Вице-спикера Государственной думы [...] обвинили в рейдерстве; Инфляцию в России способен остановить экономический кризис; Коллеги по кризису; Откуда ждать кризиса; ГЛОНАСС не про нас?; APPLE iPhone не устоял перед вирусом?; Где «рванёт» завтра?; Обвальное падение акций на мировых фондовых рынках продолжается; Глобальное потепление разрушает берега Арктики; Конфликт цивилизаций (миф или реальность); Финансовый кризис и как нас это коснётся (форум); Признание в... Ненавижу блин! (форум); Кого мы вырастим? (грустные размышления) (форум) и т.п.

Что касается примеров, где речь идёт о позитивно оцениваемых событиях или явлениях, они немногочисленны (всего 9 контекстов из 193) и включают сочетания *глобальные процессы, глобальная повестка дня, глобальные инвестиционные продукты, глобальный экономический рост, глобальный масштаб, глобальная цель, мыслить глобальней* и *глобальное процветание*:

... влияние России на глобальные процессы растёт и будет расти; Россия берёт на себя всё больше ответственности за положение в мире, активно участвует не только в реализации, но и в формировании глобальной повестки дня; Что бы ни говорили, но он мыслитель глобального масштаба; Мыслите глобальней и Любовь не покажется вам бесперспективной; У меня есть глобальная цель / жить хорошо; ... время глобального процветания заставляет нас гордиться своей страной.

Итак, лексема *глобальный* в русском национальном корпусе, как

правило, ассоциируется с событиями, процессами и состояниями, воспринимаемыми как негативные, вызывающими тревогу, неуверенность, а также желание противодействовать им. При этом соотношение числа позитивных и негативных контекстов, содержащих лексему *глобальный*, в корпусе текстов показывает, что восприятие глобализационных процессов в разнообразных текстах корпуса крайне негативно: число негативных контекстов в проанализированных фрагментах (109) оказалось в 12 раз больше, чем контекстов позитивного содержания (9).

Проведённое исследование позволяет сделать следующие выводы:

1. По данным Национального корпуса русского языка феномен глобализации в последние годы наиболее релевантен для дискурса русских СМИ.

2. При всём многообразии сочетаемости лексемы *глобальный* в Национальном корпусе, наиболее типичным сочетанием в текстах последних лет является коллокация *глобальное потепление*. Следующими по значимости являются сочетания *глобальные (экономические, климатические) процессы*, *глобальное изменение* и *глобальная проблема*.

3. Наиболее значимыми для конструирования глобализации тематическими областями являются проблемы экономики и изменения климата, экономический кризис, а также проблемы безопасности.

4. В современном русскоязычном пространстве слово *глобальный* обладает негативной семантической просодией, т.е. употребляется главным образом в негативных контекстах. В результате, глобализация в современных текстах конструируется как явление, вызывающее тревогу и насторожённость. Негативная семантическая просодия слова *глобальный* часто распространяется на заголовки текстов, в которых присутствует данная лексема.

Библиографический список

1. Национальный корпус русского языка // Электронный ресурс Интернет: <http://ruscorpora.ru/>.
2. Partington A. 'Utterly content in each other's company': Semantic prosody and semantic preference // International Journal of Corpus Linguistics. №9:1, 2004. P. 131-156.

Сведения об авторах

Сергеева Марина Владимировна
кандидат филологических наук,
доцент кафедры английского языка переводческого факультета
НГЛУ им. Н.А. Добролюбова
E-mail: msergeyeva@mail.ru

Денисова Вера Владимировна
кандидат филологических наук,
доцент кафедры иностранных языков
факультета международных отношений, экономики и управления
НГЛУ им. Н.А. Добролюбова
E-mail: denisova@mail.ru

УДК 811.112.2'42:82-54

РЕЧЕВОЙ АКТ ВОЗМУЩЕНИЯ И ЕГО ФУНКЦИОНАЛЬНО-ПРАГМАТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ В СОВРЕМЕННОМ НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКЕ

(на примере текстов дебатов в Бундестаге)

Е. В. Соловьева, В. М. Бухаров

*Нижегородский государственный лингвистический университет
им. Н.А. Добролюбова, Нижний Новгород*

В статье освещается функционально-прагматический потенциал речевого акта возмущения в современном немецкоязычном политическом дискурсе. Устанавливается лингвистический статус речевого акта возмущения, определяются особенности его функционирования. Особое внимание уделяется выявлению перлокутивного эффекта речевого акта возмущения как средства языкового воздействия и самопрезентации политической личности.

Ключевые слова: возмущение, речевой акт, политический дискурс, самопрезентация, театральность.

**The Speech Act of Indignation and its Functional and Pragmatic Potential
in Modern German (Based on Texts of Bundestag Debate)**

Ekaterina Solovyeva, Valeriy Bukharov

The article presents an analysis of the functional and pragmatic potential of the speech act of indignation in modern German political discourse. It determines the linguistic status of the speech act of indignation and defines its functional characteristics. The primary purpose of the paper is to demonstrate the perlocutionary effect of the speech act of indignation as a means of speech influence and self-presentation of a politician.

Key words: indignation, speech act, political discourse, self-presentation, theatricality.

В современной лингвистике отмечается возрастающий интерес к изучению феномена возмущения в языке с точки зрения параметров речевой ситуации и акторечевой природы возмущения (Е.О. Чапаева, К.М. Шилихина, Л.В. Дмитриева, О.В. Абаева, О.А. Саенко и др.). В частности, Е.О. Чапаева определяет возмущение как «проявление психического состояния в речи, в коммуникативной ситуации, возникающее у говорящего в ответ на воздействие раздражителей, сопровождающееся агрессивным поведением, проявлением негативных эмоций, гнева, обиды» [1. С. 130]. Полагая, что возмущение является основным стимулятором конфликта, в котором оно выполняет дестабилизирующую функцию, исследователь

приходит к выводу о том, что коммуникативную ситуацию возмущения следует рассматривать, в целом, как особый вид конфликтной ситуации.

В отличие от Е.О. Чапаевой, изучающей психологические параметры речевой ситуации возмущения, М.К. Любимова фокусирует свое внимание на семантической стороне данного языкового явления. При этом возмущение описывается как один из множества интенциональных смыслов полного несогласия, как «выражение говорящим его отрицательного отношения относительно предмета разговора или выражение им неудовольствия в связи с неточностью, неправильностью слов, поступков его речевого партнера» [2. С. 135]. Таким образом, можно заключить, что М.К. Любимова рассматривает возмущение как подвид речевого акта несогласия.

Лингвисты О.А. Леонтович, И.И. Дубинина, К.М. Шилихина, Л.В. Дмитриева, О.В. Абаева и др., обращаясь к изучению акторечевой сущности возмущения, напротив, полагают, что последнее представляет собой отдельный, самостоятельный тип речевого акта. При этом уточняется, что речевые акты возмущения «являются реактивными актами, выражающими отрицательное отношение к действию или высказыванию собеседника, представляющими собой информативное, оценочное или императивное высказывание, имеющее в речи определенное воплощение» [3. С. 54]. Основными характеристиками данного типа речевого акта принято считать оценочность, реактивность, эмоциональность и регулируемую функциональную значимость.

Исходя из вышеизложенного, следует признать, что вопрос определения лингвистического статуса речевого акта возмущения до сих пор остается дискуссионным и требует своего разрешения, поскольку по данной проблеме среди исследователей наблюдаются очевидные расхождения во взглядах. Кроме того, в современной лингвистике не нашли достаточного освещения аспекты, связанные с описанием особенностей функционирования и языковых средств выражения возмущения в конкретных типах дискурса в разных языках.

Анализ теоретической литературы по исследуемой проблеме показывает, что на материале современного немецкого языка подобные исследования на данный момент отсутствуют. Тем самым,

основными задачами исследования плана содержания и плана выражения речевого акта возмущения в немецком языке признаются: выявление функционально-прагматического потенциала речевого акта возмущения, установление его лингвистического статуса, определение особенностей функционирования и описание языковых средств реализации данного типа речевого акта в немецкоязычном политическом дискурсе. В качестве практического материала исследования привлекаются тексты стенографических записей заседаний Бундестага за 2010-11 годы [4], где изучаемый тип речевого акта проявляет высокую частотность и особую специфику функционирования.

Сопоставление основных положений теории речевых актов с данными о феномене возмущения, имеющимися в современной лингвистической литературе, свидетельствует о том, что возмущение следует признать самостоятельным типом речевого акта, который имеет в качестве номинатора иллокутивной силы в современном немецком языке перформатив «*sich empören*», выступающий семантическим фокусом речевого акта при его реализации в дискурсе. В пользу данного положения можно привести аргументы, основанные на результатах анализа эмпирического материала.

Прежде всего, следует отметить, что эмотивная природа данного типа акта речи не дает оснований для соотнесения его только с семантикой несогласия и рассмотрения возмущения как подтипа речевого акта несогласия. Исходя из имеющегося в лингвистике определения несогласия как констатации неприемлемости или неправильности мнения собеседника, оценки этого мнения как несоответствующего действительности, выражения неадекватности позиций, взглядов коммуникантов [5. С. 174], можно заключить, что семантика несогласия представляет собой значения отрицания чужой позиции и установления ее неверности, то есть, по своей сути, несогласие – это факт более или менее нейтральной *констатации* неприемлемости мнения (позиции, действия и пр.) собеседника.

Семантическим ядром речевого акта возмущения является не констатация, а активное *выражение* собственной оценки, позиции собеседника. В отличие от относительно нейтрального несогласия, эмоциональная реакция возмущения свидетельствует о том, что задета личная сфера говорящего, так как действиями собеседника нарушены его мировоззренческие (моральные, нравственные)

установки. Поэтому возмущение предполагает более высокую степень активности, вовлеченности говорящего в коммуникативный процесс.

Сказанное позволяет сделать вывод о том, что, несмотря на наличие в семантическом ядре возмущения компонентов отчасти смежных с несогласием, речевые акты возмущения и несогласия следует считать близкими по семантике, но самостоятельными по статусу, вследствие чего возмущение необходимо признать самостоятельным типом речевого акта.

Как и любой другой речевой акт, возмущение проявляет разные характеристики в различных типах дискурса. Дискурсивные особенности неизбежно накладывают определенный отпечаток на функционирование речевого акта возмущения в данной сфере речевой коммуникации.

Как уже отмечалось, практическим материалом исследования являются тексты дебатов Бундестага, относящиеся к политическому дискурсу. В самом общем виде политический дискурс представляет собой политическое событие, в котором взаимодействуют политические деятели, пытающиеся воздействовать на мнение партнера и аудитории. К специфическим особенностям политического дискурса относятся оценочность, интенция борьбы за власть, диалогичность, эмоциональность, инсценированность [6. С. 11]. Перечисленные характеристики политического дискурса непосредственно влияют на функционально-прагматический потенциал речевого акта возмущения, связанный, прежде всего, с возможностью создания говорящим сильного перлокутивного эффекта посредством указанного типа речевого акта. Поскольку создание перлокутивного эффекта, понимаемого как воздействие на мысли и чувства слушающего (Н.Д. Арутюнова, И.П. Сусов и др.), является основной целью политика, речевой акт возмущения, функционирующий в современном немецком политическом дискурсе, часто приобретает, как свидетельствуют результаты анализа практического материала, гипертрофированный, театрализованный, и даже притворный характер, способствующий реализации функции самопрезентации говорящего.

С позиции речевой коммуникации, самопрезентация определяется как «эмоциональная “самоподача” оратора, косвенная демонстрация психических качеств его личности для формирования

определенного впечатления о нем самом и его целях» [7. С. 50]. В ходе проведенного исследования было установлено, что 87% всех выявленных в текстах политических дебатов речевых актов возмущения осознанно употребляются говорящими в качестве средства дискредитации оппонента и для эффективного самопозиционирования. Зачастую политические деятели используют при этом популистские высказывания, не относящиеся к обсуждаемой теме и не несущие в себе никакой конкретики. Очевидно, что это делается для интенсификации перлокутивного эффекта речевого акта, для придания речи большей театральности и с целью привлечения симпатий электората, например:

- *Auch bei Eichmann! Da bin ich auch gespannt! Haben wir nicht gemeinsam ein großes nationales Interesse daran, dass alles offengelegt wird, soweit irgend möglich?*

- *Ihr hart arbeitendes Geld? Die Menschen arbeiten, nicht das Geld! Bei Brüderle arbeitet das Geld!*

- *Interessant! Was wohl die Menschen mit Behinderung in Deutschland von dieser Aussage halten!*

Приведенные высказывания иллюстрируют типичные примеры попыток заигрывания немецких политиков с народными массами. В этих и подобных случаях первичная иллокутивная функция речевого акта возмущения (выражение эмоции, порожденной в результате возникновения несоответствия действий / слов собеседника личным представлениям говорящего) подменяется иной функцией, направленной на решение таких внеязыковых задач, как подрыв общественного доверия к собеседнику, стремление вызвать сомнение в его положительных качествах и создать неудобную для собеседника ситуацию, в которой существует угроза потерять лицо [8].

Как правило, эмоциональность речевого акта возмущения является при этом «визитной карточкой» речевой стратегии политика. Анализ фактического материала подтверждает, что большинство (около 80%) речевых актов возмущения в исследуемых текстах дебатов Бундестага имеют своей целью осуществление говорящим эмоционального воздействия на аудиторию и привлечение внимания не только к собственной позиции, но и к собственной личности.

Анализ статистических данных о функционировании речевых актов возмущения в современном немецком политическом дискурсе позволил выявить наиболее и наименее популярные темы дискуссий,

в рамках которых говорящие употребляют данный тип акта речи в целях самопозиционирования. Чаще всего для реализации функции самопрезентации речевые акты возмущения используются политическими деятелями при обсуждении действий правительства ФРГ во внутриэкономической сфере (34%), вопросов защиты прав человека (23%), международных военных конфликтов (15%) и трудового законодательства (9%). Наименее популярными для употребления речевых актов возмущения в рекламных целях являются темы, посвященные экологическим проблемам (3%) и проблемам здравоохранения (2%).

Исследование особенностей реализации речевого акта возмущения в современном немецкоязычном политическом дискурсе позволило выявить многообразие оттенков иллокутивной семантики, выражаемых говорящим посредством акта речи данного типа, например:

- *Machen Sie doch mal eigene Vorschläge! Das ist doch Plauderei!* (возмущение-требование);

- *Das ist so pauschal formuliert! Das ist Quatsch!* (возмущение-оценка);

- *Das ist ja interessant! Das gibt es doch überhaupt nicht! Seit 1990 redet Ihre Partei Unglaubliches!* (возмущение-опровержение);

- *Wir tun wenigstens etwas!* (возмущение-оправдание);

- *Durch Ihre Politik sind die Opfer geworden!* (возмущение-упрек);

- *Wo, bitte schön, löst der Mindestlohn in der Zeitarbeit die Probleme in diesen bereichen?* (возмущение-вопрос).

Результаты проведенного исследования показывают, что функция самопозиционирования в современном немецкоязычном политическом дискурсе реализуется говорящим путем использования в речевом акте возмущения особого набора языковых средств, создающих в заданной коммуникативной ситуации определенный перлокутивный эффект. Таким образом, стратегия самопрезентации возмущающегося может быть обнаружена и распознана в изучаемых текстах за счет присутствия в них определенных вербальных маркеров.

Анализ практического материала дает убедительные в этом отношении результаты. В то время как для искреннего возмущения характерны очевидная спонтанность и незапланированность сообщения, находящие свое выражение в особой эмоциональной

интонации высказывания и отсутствии подбора языковых средств, возмущение, эксплицируемое в целях самопрезентации, сопровождается, во-первых, более ровным, спокойным тоном произнесения и, во-вторых, сознательным отбором языковых средств. В политических дебатах, целью которых является осуществление эмоционального языкового воздействия на электорат, большое значение имеет образность вербального выражения, которая может достигаться использованием различных языковых средств.

В ходе исследования было установлено, что, выражая притворное возмущение по отношению к собеседнику, немецкие политики-оппозиционеры намеренно используют лексические единицы и словосочетания, переводимые на русский язык как «обман», «надувательство», «вздор», «фальшивый», «глупый, безумный» и т. п. В большинстве случаев это делается для выражения яркой отрицательной оценки деятельности правительства ФРГ, например:

- *Scharlatanerie ist das!*
- *Das ist doch dummes Zeug, was Sie da erzählen!*
- *Das ist doch ein Schmarrn!*
- *Vollkommener Blödsinn!*

Использование модальных частиц и междометий в речевых актах возмущения также позволяет говорящему достичь эффекта эмоционального воздействия на аудиторию, сделать свою речь более живой и убедительной, например (полужирным шрифтом выделены частицы и междометия):

- *Diese Passage ist **ja nur noch** peinlich!*
- *Das ist **ja wohl** ein Skandal!*
- *Sie machen **doch nur** Wahlkampf! Und dann **noch** schlecht dazu!*
- ***Ach!** Nicht **schon** wieder diese alte Leier!*
- ***Na, na, na!** Jetzt ist aber langsam Schluss! Das ist **doch** peinlich!*

В качестве средств самопрезентации, используемых политиками в речевых актах возмущения, выступают также красочные метафоры, идиоматические выражения и высказывания-лозунги. Цель их использования в рамках обозначенного типа дискурса не вызывает сомнений – яркие образы сравнения и энергичные, запоминающиеся призывы осуществляют эффективное воздействие на адресата, например:

- *Ein Eiertanz vor Weihnachten!*

- *Das ist doch Wolkenkuckucksheim!*
- *Ich glaube, Sie sitzen im Glashaus!*
- *Nicht reden! Handeln!*

Кроме указанных выше лексических средств в немецкоязычных политических дискуссиях также используются определенные грамматические средства, среди которых следует, прежде всего, отметить устойчивые грамматикализованные конструкции типа „Das ist...“, „Was für...“, а также риторические вопросы, например:

- *Das ist Unfug!*
- *Das ist doch eine Frechheit!*
- *Was ist für ein Niveau!*
- *Was sind Sie denn für ein Schnösel?*
- *Wer hat denn den Vertrag gemacht? Wer ist denn dafür verantwortlich?*
- *Haben Sie einmal auf den Kalender geguckt?*
- *Sind Sie nicht die Regierung?*

Речевые акты возмущения в форме риторических вопросов представляют особый интерес с точки зрения реализации ими функции самопрезентации говорящего, так как очевидно, что целью подобных актов речи является вовсе не запрос информации у прямого адресата высказывания, а именно осуществление воздействия на членов Бундестага и электорат, имеющий возможность наблюдать за ходом политических дискуссий в средствах массовой информации. Использование псевдовопросительных конструкций, выражающих обвинения, упреки, претензии, позволяет говорящему предстать в роли разоблачителя, предав сомнению или осмеянию позицию политического противника, и получить, тем самым, поддержку электората.

В заключение следует отметить, что речевой акт возмущения следует признать самостоятельным типом речевого акта. Основной особенностью, характеризующей его прагматический потенциал в современном немецкоязычном политическом дискурсе, является реализация функции самопрезентации языковой личности, которая достигается путем использования следующих языковых средств: лексических единиц семантического поля «обман» и т.п., модальных частиц и междометий, метафор, идиоматических выражений, высказываний-лозунгов, устойчивых грамматикализованных конструкций, риторических вопросов и др.

Библиографический список

1. Чапаева Е.О. Дестабилизирующая функция возмущения // Известия Санкт-Петербургского университета экономики и финансов. 2010. № 1. С. 129-131.
2. Любимова М.К. Интенциональные смыслы согласия и несогласия в русских и немецких дискурсах совещаний и переговоров: Дис. ... канд. филол. наук. Тамбов, 2004. 193 с.
3. Дмитриева Л.В., Абаева О.В. Речевые акты возмущения как реакция на невербальное поведение // Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета. 2006. № 3. С. 54-57.
4. Deutscher Bundestag. Plenarprotokolle // Электронный ресурс Интернет: <http://www.bundestag.de/dokumente/protokolle/index.html>.
5. Колокольцева Т.Н. Согласие и несогласие в диалоге // Изучение и преподавание русского языка. Волгоград, 2001. С. 171-182.
6. Желтухина М.Р. Комическое в политическом дискурсе: На материале немецкого и русского языков: Дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2000. 250 с.
7. Быкова О.Н. Опыт классификации приемов речевого манипулирования в текстах СМИ // Речевое общение: Вестник Российской риторической ассоциации. Красноярск: Изд-во Красноярского гос. ун-та, 2000. Вып. 1(9). С. 42–53.
8. Леонтович О.А., Дубинина И.И. Коммуникативные стратегии иерархического общения // Электронный ресурс Интернет: http://tpl1999.narod.ru/aspekti_yazika_i_kommunikatsii/avtoritetnost_i_komunikatsiya/

Сведения об авторах

Соловьева Екатерина Вячеславовна
соискатель кафедры немецкой филологии
НГЛУ им. Н. А. Добролюбова
E-mail: solovyeva_e@sandy.ru

Бухаров Валерий Михайлович
доктор филологических наук,
профессор кафедры немецкой филологии
НГЛУ им. Н.А. Добролюбова
E-mail: bucharov@lunn.ru

УДК 811.111'373:398.9

РОЛЬ «ЖЕНСКОЙ» МЕТАФОРЫ В КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИИ ЛОНДОНА

(на материале художественного текста)

А. В. Соснин

*Национальный исследовательский университет «Высшая школа
экономики – Нижний Новгород», Нижний Новгород*

М. С. Ретунская

*Нижегородский государственный лингвистический университет
им. Н.А. Добролюбова, Нижний Новгород*

В статье анализируется роль «женской» метафоры в структурировании лондонского текста, а также ее дальнейшее развитие, позволяющее осуществлять другие метафорические построения.

Ключевые слова: Лондон, городской текст, концептуализация действительности, «женская» метафора.

Conceptualizing London as a Feminine Entity

Alexey Sosnin, Marina Retunskaya

The article considers the place of the ‘feminine’ metaphor in the structure of the London text, and the further extensions of this metaphor, which provide for other metaphoric representations of London.

Key words: London, city text, conceptualization of reality, ‘feminine’ metaphor.

Mother London!

M. Moorcock

С тех пор как на земле появились города, город как таковой существует не только в реальном географическом пространстве, но и в вымышленном пространстве воображения: как символ, как «архетип сознания», как своего рода «визуально-понятийный паттерн», «мыслеобраз» [1. С. 74]. Возникая и развиваясь, город знаменует возникновение государственности, нового смысла и порядка жизни социума. Город оказывается новой мерой развития и структурирования человеческой культуры. Оппозиция «город – не город» становится фундаментальной, и город представляется как антиномия селу. Импликации ‘town’ – ‘country’ и ‘urban’ – ‘rural’ кодифицированы в системе языка, входят в лексикографическое толкование, а устанавливаемые между ними связи отражают

внеязыковой опыт. Город как исторический и социокультурный феномен возникает на особом историческом стыке, тесно связанном со становлением и развитием цивилизации. В английском языковом сознании воплощением «города вообще» становится Лондон, и в речи носителей языка он противопоставляется остальному пространству, характеризующемуся меньшей степенью урбанизации. У О. Шпенглера город выражает суть цивилизации [2]. В этом смысле Лондон зачастую рассматривается как цивилизациообразующий фактор, являя собой «синоним» культуры. Английская писательница В. Вулф, например, сделала в своем дневнике такую заметку: «Весь Лондон – Лондон, который жемчужина короны, сокровенное сокровище, кладовая шуток, музыки, бесед, дружбы, чего-то невыразимого, Лондон с его пейзажами, издательствами – все это теперь у меня под боком, впервые с августа 1913 года» [3. С. 262].

В английской языковой традиции *Лондон* концептуализируется как объект, имеющий женское, зачастую материнское начало (ср.: «... *her enormous magnitude – the wonderful city <...>, ancient and gigantic*» [4]) (прим. 1). Как отмечает В.Н. Топоров, это обусловлено, во-первых, мифологическим представлением о жесткой связи женского детородного начала с организованным пространством, в котором все, что есть, понимается как порождение этого женского начала, и, во-вторых, соотношением образов женщины и города и мифологической концепцией брака Неба и Земли и соответствующих божественных персонажей [5]. Соответственно, использование «материнской» метафоры в отношении Лондона имеет глубокие корни в английской литературной традиции. Ср. обозначение Лондона как «*my native Mother and Countrey*» [6. С. 6] в труде английского историка Джона Стоу (Stow) «*Survey of London*» (1598). Наибольшую эмоциональную силу описываемая метафора получает в литературных произведениях, ставших откликами на Великий лондонский пожар. Так, в своем трактате «*Vox Civitatis: or, London's Call to her Natural and Adopted Children; Exciting them to her Speedy Reedification*» (1666) английский памфлетист Роже Лестранж (Roger L'Estrange) с горечью называет Лондон «*the sad Mother <...> burnt by the raging Fire almost to th'ground*» [6]. Начиная с восемнадцатого века все большее распространение получают описания Лондона как прародительницы (*progenitrix, common ancestress, Mother London*) английского народа, как средоточия национальной идентичности

(*locus of collective identity*). Действительно, вывести наиболее важные, вековые, национальные характеристики англичан невозможно без обращения к Лондону, который предстает как микромодель общеанглийских процессов. Как написал в 1880 г. английский публицист Дж. Юинг Ричи, «Every Englishman must take an interest in London – a city which it has taken nearly two thousand years to build; whose sons, to enrich which, have sailed on every sea and fought or traded on every land; and which apparently, as the original home and centre of English-speaking people, must grow with the growth and strengthen with the strength of the world. <...> It is the brain of England, the seat of English rule, whence issue laws which are obeyed in four quarters of the globe, and the fountain of thought which agitates and rules the world» [7]. Здесь говорится о следующих составляющих английскости: Лондон как образующий фактор английской цивилизации; Великобритания – владычица мира; высокая имперская миссия, которая заключалась в распространении среди «отсталых» народов принципов цивилизации, христианства, верховенства закона, либеральных реформ (в современных условиях два последних признака следует считать виртуализованными). Неслучайно одной из ключевых вербализаций лондонского текста времен Британской империи следует считать лексему *metropolis* (от др. греч. μητρό-πολις «the mother city or parent state of a colony» [8], т.е. не только «метрополия», но и «прародительница», «мать-город»).

Опишем семему 'metropolis' в лондонском тексте (прим. 2):

классема (набор родовых сем, относящих семему, соответственно, к семантическому измерению, семантической области и к таксономическому классу [9. С. 365]): /space/_{макродовая} + /territorially localized settlement of people/_{мезородовая} + /territorially localized settlement of people/_{микрородовая};

семантема (набор видовых сем, противопоставляющих данную семему другим семемам таксономического класса [9. С. 365]): /major (city)/_{ингерентная} + /centre of activity/_{ингерентная} + /London/_{афферентная} для Лондонского текста.

Контексты, в которых концепт «Лондон» вербализуется как *metropolis*: «To the Metropolis of Great Britain, the most Renowned <...> City of London» [10]; «London is now so often visited, that the manners of the metropolis are to be found in every country gentleman's house» [11]; «London by Day and Night or, Men and Things in the Great Metropolis»

[12]; «Curiosities of London Life, or Phases, Physiological and Social of the Great Metropolis» [13].

Актуализация афферентной (привходящей) семы: /London/ (в связи с тем, что Лондон воспринимался как «the epitome of the vast and teeming metropolis» [14. С. 28]) – в контекстах, где лексема metropolis употребляется с определенным артиклем или детерминирующим словом (а на письме часто с большой буквы):

(i) /as contrasted with the whole of Britain/: «our goodly Metropolis» (Evelyn, 1661); «the metropolis of Britain, and of the world»; «this all-embracing metropolis»; «this great metropolis»; «this overgrown metropolis» [15]; «the great metropolis of a land which professes Christianity»; «the immense extent of the metropolis» [7]; «Overcome by the magnificence of the metropolis, Flush paused for a moment with his foot on the doorstep» [16]; «... these <...> cars poodle about the Metropolis well under 30 m.p.h.» [17]; «a million people swarmed in the metropolis by the end of the eighteenth century» [18];

(ii) /as distinct from the City/:

«The City of London was a discreet entity within the metropolis. It represented the financial and commercial interests of the capital and the country» [19. С. 95]; «Backed by political domination of Europe and of India, by a formidable industrial base in its own metropolis and in Britain as a whole, the commercial wealth of the City of London was the cornerstone of nineteenth-century London's wealth» [20. С. 66].

Образ города-прародительницы может ассоциироваться не только с максимальным женским плодородием и полнотой возможностей, но и с падением или разрушением, поскольку, как отмечает В.Н. Топоров, знаком полноты, введенной в обесмысливающий контекст, также являются блуд и разврат. Богатство всем означает богатство никому, а безумная расточительность никогда не приводит к благу, но ведет к смерти [5]. Соответственно, возникает метафора города-блудницы, который не блюдет своей крепости и целостности и идет навстречу своему падению. Ср. пример о развращении Иерусалима в библейской традиции: «How is the faithful city become an harlot! it was full of judgment; righteousness lodged in it; but now murderers» (Is. 1:21). Лондон сравнивали с Иерусалимом на основе постигавших столицу страшных бедствий: эпидемий, мора, пожаров, беспорядков, восстаний – а также невыносимых условий жизни подавляющего большинства

(афферентные социально нормированные признаки для 'London'). В книге «London: the Biography» современный английский писатель П. Акройд замечает: «London is a city perpetually doomed. It has always been considered the Jerusalem about which the prophets were so clamant» [18. С. 201]. Библейские пророки обличают в Иерусалиме «adulteries», «abominations» и «lewdness of her whoredom» (Jer. 13:27), «I have seen your abominations, your adulteries and neighings, your lewd whorings, on the hills in the field. Woe to you, O Jerusalem! How long will it be before you are made clean?»), предрекая городу скорую гибель: «I will make Jerusalem heaps and a den of dragons» (Jer. 9:11). О жителях Иерусалима в Библии также сказано: «... they shall eat their bread with carefulness, and drink their water with astonishment, that her land may be desolate from all that is therein, because of the violence of all them that dwell therein» (Ezek. 12:19) – афференция таких же, как и для 'London', признаков для 'Jerusalem' в текстах, являющихся культурным кодом.

Опустошенный город вызывает ассоциации с вдовством: «How doth the city sit solitary, that was full of people! how is she become as a widow! she that was great among the nations, and princess among the provinces, how is she become tributary! She weepeth sore in the night, and her tears are on her cheeks: among all her lovers she hath none to comfort her: all her friends have dealt treacherously with her, they are become her enemies» (Lamentations of Jeremiah 1:1-2).

Подобные апокалиптические сценарии встречаются в литературных произведениях (в каком-то смысле воспроизводящих библейский культурный код). В 1885 г. английский писатель Ричард Джеффериз написал роман «After London or Wild England», который можно охарактеризовать как *post-holocaust science fiction*, и в котором на месте некогда «the mighty city of London» простирается зловонное ядовитое болото: «The deserted and utterly extinct city of London was under his feet» [21] (прим. 3). В поэме Т.С. Элиота «Бесплодная земля» находим: «Falling towers / Jerusalem Athens Alexandria / Vienna London / Unreal» [22] (Eliot, *The Waste Land*, 1922) (прим. 4, 5). На новый Иерусалим не прольется света: «... this fog seems an atmosphere proper to huge, grimy London; as proper to London as that light neither of the sun nor moon is to the New Jerusalem» [23].

Метафора *London-Jerusalem* строится на оппозиции ингерентных видовых признаков: 'London' = /extant/ vs. 'Jerusalem' =

/biblical/ → /non-extant/ (прим. 6). Признак /non-extant/ нейтрализуется при употреблении *Jerusalem* в значении *London*. При этом из диффузного набора потенциальных признаков 'Jerusalem' выбираются характеризующие Лондон признаки с отрицательными оценочными коннотациями: /возмездие/, /бедствия/, /разрушение/, /истребление/. Метафорическая оценка, таким образом, оказывается пейоративной.

Метафора «город-блудница» также актуализируется в сравнениях Лондона с Вавилоном. Говоря о худших сторонах жизни в английской столице, американский социолог Кеннет Боулдинг отмечает, что «... London is not only Zion, the city of God; it is Babylon, the scarlet woman» [24. С. 529]. О грешном городе Вавилоне и свершившимся над ним возмездии поведал свидетель апокалиптического видения: «... and I saw a woman sit upon a scarlet coloured beast, full of names of blasphemy <...> And upon her forehead was a name written, MYSTERY, BABYLON THE GREAT, THE MOTHER OF HARLOTS AND ABOMINATIONS OF THE EARTH. And I saw the woman drunken with the blood of saints, and with the blood of the martyrs of Jesus <...>. And the angel said unto me, <...> the woman which thou sawest is that great city, which reigneth over the kings of the earth. <...> shall her plagues come in one day, death, and mourning, and famine; and she shall be utterly burned with fire: for strong is the Lord God who judgeth her. And the kings of the earth, who have committed fornication and lived deliciously with her, shall bewail her, and lament for her, when they shall see the smoke of her burning, Standing afar off for the fear of her torment, saying, Alas, alas that great city Babylon, that mighty city! for in one hour is thy judgement come» (Rev. 17, 18).

Лондон часто концептуализировался как ад на земле (социально нормированный или идеолектный афферентный признак) и в этом смысле тоже сравнивался с Вавилоном, поскольку в Новом Завете Вавилон в иноказательном смысле означает царство Антихриста (афферентный для 'Babylon' признак по библейскому культурному коду). В соответствии с данной метафорой концепт «Лондон» вербализуется в лексемах *hell*, *Hades* и *Pandemonium*: (i) «Hell is a city much like London / A populous and a smoky city; / There are all sorts of people undone, / And there is little or no fun done; / Small justice shown, and still less pity» [25]; (ii) «... the corrupt influences of such an earthly pandemonium as Spitalfields (один из беднейших районов Лондона в

XIX в.)» [12]; (iii) «... the fog <...> – the spiritualized medium of departed mud, through which the dead citizens of London probably tread in the Hades» [23]; (iv) «A night seems termless hell» [26]; (v) «It [London] was like <...> Pandemonium, and I thought I saw thousands of winged devils rushing to and fro the mad host. I grew sick as I looked upon it» [27]. В стихотворении «Иерусалим» У. Блейк писал о «dark Satanic Mills» [28], подразумевая лондонскую (военную) промышленность и мечтая об обществе, построенном на иных началах, нежели торговля, войны и империализм. В контекстах (i) – (v) выступающие в качестве ограничителей компаративные связки (*like, such as*), модальные слова (*probably*) и предикаты (*seems*) отчасти сокращают эффект семантической «аномалии» (с точки зрения истинности и референции к объектам реального мира), устраняя родовую аллотопию между семемами ‘London’ и ‘hell’ (‘Hades’, ‘Pandemonium’). Данные сравнения являются метафорическими, поскольку определяемое и определяющее принадлежат разным таксономиям по родовым признакам /конкретный/ vs. /абстрактный/*, /относящийся к земной жизни/ vs. /не относящийся к земной жизни/**. Признаки (*) и (**) в данных употреблениях нейтрализуются. Метафорическая оценка, несомненно, является пейоративной. В контексте (i) входящие в метафорическое отношение семемы меняются местами (т.е. меняется вектор оценки): *London-hell* vs. *hell-London*: не Лондон сравнивается с адом, а ад с Лондоном, т.е. получается, что Лондон как определяющий термин относится к менее ценностной сфере.

Метафора *London-Babylon* строится на оппозиции ингерентных видовых признаков: /extant/ vs. /non-extant/. Признак /non-extant/ нейтрализуется при употреблении *Babylon* в значении *London*. При этом из диффузного набора потенциальных признаков ‘Babylon’ выбираются характеризующие Лондон признаки с отрицательными оценочными коннотациями: /греховность/, /возмездие/, /разрушение/, /столпотворение/ (пейоративный эффект метафорического употребления).

Итак, в английской языковой традиции *Лондон* может концептуализироваться как мать или прародительница английского народа, как город-блудница и как город-вдова. Эти разновидности «женской» метафоры основаны на мифологическом и библейском культурных кодах, и ими обеспечиваются другие метафорические построения в структуре лондонского текста, такие как Лондон - вся

Англия (и далее Лондон - вселенная), Лондон - бесплодная земля, Лондон - ад.

Примечания

1. Темза, напротив, концептуализируется как объект, имеющий мужское начало: «the dusky bosom of old Father Thames puts on a light grey mantle» [15].

2. Лондонский текст эмпирически обобщает произведения, в которых фигурирует английская столица. Это сумма конкретных текстов, которые связаны общей тематикой и перекликаются друг с другом; это «глобальная» вербализация концепта «Лондон», получаемая путем сближения текстов исследуемой смысловой сферы, т.е. текстов, в которых наличествуют вербализации данного концепта. Как отмечает А.Е. Бочкарев, межтекстовые переклички и совпадения образующих его текстов объясняются более глубокими причинами, чем простое цитирование, реминисценции или подражание – не влиянием одного текста на другой текст, одного автора на другого автора, а наличием некоторой «сверхтрадиции» [29. С. 67].

3. Как отмечает В.В. Струков, в традиционной западной культуре образ болота, образ *wetland* связан с болезнью и смертью, с чем-то страшным и непонятным, с пограничным состоянием (между землей и водой), с чем-то неясным и неопределенным [30. С. 108]. Образ *wetland* близко соотносится с понятиями *dead land*, *wasteland* и *wilderness*; это символ распада, неопределенности, хаоса, стагнации и торможения прогресса.

4. Находясь в отношениях уравнительного паратаксиса, семемы ‘Jerusalem’, ‘Athens’, ‘Alexandria’, ‘Vienna’, ‘London’ образуют контекстуальный класс (с ‘Jerusalem’ во главе ряда) по приобретаемому признаку /распад/.

5. Использование словосочетания *waste place* или слов *wilderness* и *desolation* в метафорическом значении отделенности от мира, затерянности, лишений, упадка, разрушения, испытаний или утраты связи с Богом восходит к традиции библейского и церковного дискурса: «... the multitude of the city shall be left; the forts and towers shall be for dens for ever» (Is. 32:14-15); «And they that shall be of thee shall build the old waste places» (Is. 58:12).

6. Т.е. не существующий в совокупности признаков, характеризующих его в библейском дискурсе.

Библиографический список

1. Стародубцева Л.В. Город как метафора урбанизируемого сознания // Урбанизация в формировании социокультурного пространства. М.: Наука, 1999. С. 70-122.
2. Шпенглер О. Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории. М.: Мысль, 1998. 606 с.
3. Нестеров А. Вирджиния Вулф // Иностранная литература. 2002. №12. С. 255-271.
4. Macaulay T.B. Lord Holland / Critical and Historical Essays (1840) // Электронный ресурс Интернет: <http://www.gutenberg.org/etext/2332>
5. Топоров В.Н. Текст города-девы и города-блудницы в мифологическом аспекте / Исследования по структуре текста. М., 1987. С. 121-132 // Электронный ресурс Интернет: http://ec-dejavu.ru/p/Publ_Toporov_Babilon.html
6. Peltz L. Aestheticizing the Ancestral City: Antiquarianism, Topography and the Representation of London in the Long Eighteenth Century // The Metropolis and its Image: Constructing Identities for London, c. 1750-1950. Oxford: Blackwell Publishers, 1999. P. 6-28.
7. Ewing Ritchie J. Days and Nights in London or, Studies in Black and Gray (1880) // Электронный ресурс Интернет: <http://www.victorianlondon.org>
8. Metropolis / Oxford English Dictionary on Historical Principles On-Line // Электронный ресурс Интернет: <http://dictionary.oed.com>
9. Растье Ф. Интерпретирующая семантика / Пер. с фр., примечания, предметно-именной указатель А.Е. Бочкарева. Нижний Новгород: Деком, 2001. 367 с.
10. Dryden J. Annus Mirabilis: The Year of Wonders. An Historical Poem (1667) / The Poetical Works. Vol. I // Электронный ресурс Интернет: <http://www.gutenberg.org/etext/11488>
11. Southey R. Letters from England (1807). Цит. по: Metropolis / Oxford English Dictionary on Historical Principles On-Line // Электронный ресурс Интернет: <http://dictionary.oed.com>
12. Bartlett D.W. London by Day and Night or, Men and Things in the Great Metropolis (1852) // Электронный ресурс Интернет: <http://www.victorianlondon.org>
13. Manby Smith Ch. Curiosities of London Life, or Phases, Physiological and Social of the Great Metropolis (1853) // Электронный ресурс Интернет: <http://www.victorianlondon.org>

14. Potts A. *Picturing the Modern Metropolis: Images of London in the Nineteenth Century* // *History Workshop*. Vol. 26. Oxford: Oxford University Press, 1988. P. 28-56.
15. Manby Smith Ch. *The Little World of London or Pictures in Little of London Life* (1857) // Электронный ресурс Интернет: <http://www.victorianlondon.org/publications7/world-00.htm>
16. Woolf V. *Flush: a Biography* (1933) // Электронный ресурс Интернет: <http://etext.library.adelaide.edu.au/w/woolf/virginia/>
17. Sharpe F.D. *Sharpe of the Flying Squad* (1938). Цит. по: *Metropolis / Oxford English Dictionary on Historical Principles On-Line* // Электронный ресурс Интернет: <http://dictionary.oed.com>
18. Ackroyd P. *London. The Biography*. London: Vintage, 2000. 822 p.
19. Arnold D. *London Bridge and its Symbolic Identity in the Regency Metropolis: the Dialectic of Civic and National Pride* // *The Metropolis and its Image: Constructing Identities for London, c. 1750-1950*. Oxford: Blackwell Publishers, 1999. P. 127-152.
20. Wilson A.N. *London. A Short History*. London: Phoenix, 2004. 166 p.
21. Jefferies R. *After London or Wild England* (1885) // Электронный ресурс Интернет: <http://www.gutenberg.org/etext/13944>
22. Eliot T.S. *The Waste Land* (1922) // Электронный ресурс Интернет: <http://www.gutenberg.org/dirs/etext98/wslnd11.txt>
23. Hawthorne N. *Passages from the English Note-Books / Vol. I: London (1855-1857)* // Электронный ресурс Интернет: <http://www.gutenberg.org/dirs/etext05/engn310.txt>
24. Boulding K. *The Death of the City: A Frightened Look at Postcivilization* // *The City: American Experience*. Oxford: Oxford University Press, 1971. – P. 529-538.
25. Shelley P.B. *Peter Bell the Third by Miching Mallecho, Esq.* (1819) // *The Complete Poetical Works* // Электронный ресурс Интернет: http://etext.library.adelaide.edu.au/s/shelley/percy_bysshe/
26. Thomson J. *The City of Dreadful Night* (1874) // Электронный ресурс Интернет: <http://www.gutenberg.org/dirs/etext98/ctdnt10.txt>
27. Brooke S. *Diary* (1904) // Электронный ресурс Интернет: <http://www.gutenberg.org/etext/1749>
28. Blake W. *London* (1794) // Электронный ресурс Интернет: <http://eir.library.utoronto.ca/rpo/display/poem184.html>
29. Бочкарев А.Е. *Семантический словарь*. Нижний Новгород: Деком, 2003. 200 с.

30. Струков В.В. Художественное своеобразие романов Питера Акройда: к проблеме британского постмодернизма. Воронеж: Полиграф, 2000. 182 с.

Сведения об авторах

Соснин Алексей Владимирович
кандидат филологических наук,
доцент кафедры иностранных языков
Национального исследовательского университета
«Высшая школа экономики – Нижний Новгород»
E-mail: alexsosnin@mail.ru

Ретунская Марина Серафимовна
доктор филологических наук,
профессор кафедры английской филологии
НГЛУ им. Н.А. Добролюбова
E-mail: masere@yandex.ru

УДК 811.112.2'42:82-6

ВЫСКАЗЫВАНИЯ С ПРЯМЫМИ И КОСВЕННЫМИ СПОСОБАМИ ВЫРАЖЕНИЯ АДРЕСАНТНОСТИ В ТЕКСТЕ ЛЮБОВНОГО ПИСЬМА

Л. В. Хенниг

*Нижегородский государственный лингвистический университет
им. Н.А. Добролюбова, Нижний Новгород*

В данной статье проводится анализ использования в тексте любовного письма прямых и косвенных способов выражения адресантности, создающих совокупность средств выражения смысловой позиции автора в соответствии с системой его ценностных параметров. Также выявляются основные функции адресантных высказываний и особенности их реализации в тексте любовного послания.

Ключевые слова: адресант, прямые и косвенные способы выражения адресантности, функция, любовное письмо.

The Sender's Explicit and Implicit Utterances in the Text of a Love Letter

Larisa Hennig

Presenting a fragment of research based on the current anthropocentric paradigm, the article analyzes the use of the sender's explicit and implicit utterances in the text of a love letter, which together serve to express the author's meaning and value-based attitudes. The paper outlines the main functions of these utterances in a love letter and studies characteristic ways of their realization in the text.

Key words: sender, the sender's explicit and implicit utterances, function, love letter.

Частная, в особенности любовная, переписка является личностно ориентированным общением. Личная жизнь человека как сложное многомерное понятие, сфера отношений адресанта и адресата являются контекстом, с которым соотносится текст письма и который определяет коммуникативную сферу его использования. Главной особенностью любовного письма, отличающей его от других видов частной эпистолярной коммуникации, является исключительная интимность послания: оно адресовано только одному человеку и не предназначено для прочтения третьим лицом. Таким образом, участниками любовной переписки являются конкретные лица, разделенные во времени и пространстве, но связанные интимным и глубоким чувством. Изначальным центром любовного письма, его основой является субъективное «я» пишущего. Оно открыто присутствует или подразумевается в каждом высказывании,

которое, в свою очередь, соотносится с пишущим и выражает его речевое намерение.

Не менее важным качеством общения посредством любовной переписки является адресатность или потенциальная направленность на получателя письма. Речь не существует сама по себе или ради самой себя, она обращена к адресату, который представляет собой обязательную воспринимающую сторону, и ожидаемая реакция которого во многом определяет характер развертывания сообщения. Соответственно, «задача адресанта при построении его коммуникативной стратегии состоит в том, чтобы спрогнозировать реакцию адресата на то или иное его действие (в том числе, речевое), а также прийти к выводу о том, насколько эти реакции согласуются с его интенциями» [1. С. 12]. Поэтому автор письма во время его написания старается изложить свои мысли и передать чувства максимально точно и понятно для его получателя, учитывая при этом степень осведомленности читателя, направленность его интересов, его предполагаемые реакции. Для этого корректируется процесс сообщения. С помощью такой корректировки, детализации, субъективности изложения автор письма активизирует внимание и воображение читателя, помогает ему адекватно понять послание.

Целью настоящего исследования является выявление функций и анализ использования высказываний с прямыми и косвенными языковыми средствами выражения адресантности. При этом использование данных высказываний понимается нами как способы реализации смысловой позиции автора любовного письма.

Любовное письмо является единицей эпистолярного жанра и обладает всеми его общими характеристиками: устойчивой композицией текста; точным обозначением отправителя и получателя, обращением к последнему; подписью отправителя; использованием языковых средств, соответствующих сфере переписки; соблюдением речевого этикета с учетом фактора адресата, характера сообщения и национальных эпистолярных традиций и т.д. [2. С. 627-628].

Персонализированность (эгоцентричность) речи проявляется, прежде всего, в ситуациях, выражающих отношение говорящего / пишущего к предмету речи. Термин «эгоцентричность» («эгоцентризм») в философии понимается как «отношение к миру, характеризующееся сосредоточенностью на своём индивидуальном “я”» [3. С. 787]. Человек пропускает информацию через призму

собственного восприятия, осуществляет ее отбор и квалификацию в соответствии с системой своих ценностных параметров.

Адресантные средства, маркирующие и представляющие адресанта, включают совокупность средств выражения авторского «я», они также фиксируют психологические установки автора, его чувства и переживания и, интегрируясь в речевую ткань эпистолярного текста, формируют его личностный план.

Как отмечают исследователи, высказывания, служащие для выражения «я» пишущего, традиционно можно поделить на 2 группы: 1) прямые, строящиеся непосредственно от 1-го лица и представленные выражениями с личными местоимениями и формами глаголов 1-го лица; 2) высказывания с косвенными средствами выражения, представленные эмоционально-оценочными, восклицательными, побудительными и вопросительными предложениями, а также высказываниями с вводными словами или словосочетаниями [4. С. 44]. Следует отметить, что подпись отправителя – характерный, ритуальный элемент эпистолярного текста, входящий в состав его контактной рамки, оно является прямым средством выражения «я» адресанта послания.

Нами были проанализированы любовные письма Э.М. Ремарка и М. Дитрих, Р.М. Рильке и М.И. Цветаевой, Б. Брехта и П. Банхольцер, Г. Гессе и его супруги Рут, К. Цукмайера и А. Зайдель. Рассматриваемые письма представляют собой личностно ориентированное общение, характерными чертами которого являются непринужденность, доверительность, интимность. Особенность отношений адресанта и адресата, индивидуальность и частный характер данных отношений выражаются в высокой субъективности текста письма, которая выражается при помощи использования автором прямых и косвенных средств выражения «я».

Прямые средства выражения адресанта широко представлены в любовном письме. Темпоральная и локальная удаленность собеседников в пространстве исключает непосредственное участие в актуальной жизни друг друга, поэтому автор письма вынужден описывать окружающие его реалии, произошедшие с ним события и отношение к ним развернуто и последовательно. Использование автором письма выражений с личными местоимениями и формами глаголов 1-го лица обеспечивает не только эффективное понимание содержания письма, но и указывают на непосредственное, прямое

присутствие «я» пишущего. Информация, передаваемая в данных выражениях, тематически не ограничена, это может быть описание событий, действий совершаемых автором: «Es regnet, und ich reite auf meinen Dramen herum. Dabei liege ich auf dem Diwan. Die großen Dichter liegen immer auf dem Diwan. Deine Fotografie habe ich visavis aufgenagelt und dann wieder weggerissen. Weil ich sie immer ansah» [5. С. 46]; описание уклада жизни: «Aber das alles ist eine andere Ebene als die, auf der Musot steht, das ich, seit 1921 (wo die wunderbarsten Umstände, nein, das Wunder selbst, es mich hat finden und festhalten lassen) immer allein bewohne (von Freundes-Besuchen ab und zu abgesehen, die aber selten sind) so allein, wie ich immer gelebt habe, ja noch mehr: in einer oft unheimlicher Steigerung dessen, was Alleinsein heißt, in einer zum Letzten und Äußersten hingerrissenen Einsamkeit...» [6. С. 63]; эмоционального состояния: «Verloren an den schwarzen, schillernden, unterirdischen Fuß, verloren an einen Geigenton über die den Dächern, verloren an die silberne Luft des Dezembers, verloren an die Melancholie des grauen Himmels, ach, ich bin verloren an dich, süßestes Herz, blauester Traum, Geleucht über allen Wäldern, über allen Ebenen strömendsten Gefühls» [7. С. 35].

Отдельного рассмотрения требуют выражения с использованием сказуемого при участии личного местоимения 1-го лица, они максимально предназначены для самоидентификации, самопрезентации пишущего и содержат набор характеристик, служащих для идентификации качеств личности адресанта в целом, так и качеств, отличающих ее от других.

Проанализированный материал свидетельствует о том, что выражения с личными местоимениями 1-го лица, разделяются на следующие:

1) подлежащее (личное местоимение) + составное именное сказуемое: «Ich bin glücklich, weil ich Dich habe, süße Gottesgeschenke – und ich dich liebe –» [7. С. 36]; «Manchmal bin ich eifersüchtig auf dein ganzes Leben, nicht auf Frauen, auf alle die vielen Jahre die du lebstest ohne mich, und möchte alles auswischen wie Worte auf einer Tafel. Aber nun habe ich dich gefunden» [8. С. 53]; Gott winkt mir nur. Er droht nicht. Ich bin eines seiner liebsten Kinder» [7. С. 33]; «Ich bin voll Unruhe, sie ist in mir, also wie ein Löwe in einer Mäusefalle» [5. С. 12];

2) подлежащее (личное местоимение) + составное глагольное сказуемое: «Ich sollte diesen Brief nicht abschicken. Ich will dich nicht

traurig machen. Ich will keine Metheore in dein Leben werfen, keine Vergangenheitsflackeln, keine Unruhe» [7. С. 179]; «Denn ich muß etwas zu tun haben. Ich muß auf etwas warten können, oh Du Geliebte vieler Liebhaber!» [5. С. 12].

Дистантность собеседников в пространстве исключает ситуативную подкрепленность, поэтому предполагает использование автором любовного письма эффективных стратегий общения, организованных речевых действий. Использование пишущим выражений, в состав которых входят составное именное / составное глагольное сказуемое и личное местоимения 1-го лица, является ярким примером данных стратегий и направлено на достижение конкретной цели, которая заключается в том, чтобы обеспечить желаемое понимание и желаемую реакцию адресата.

В корпусе фактического материала были выявлены самоидентифицирующие высказывания, выраженные:

1) сравнительными придаточными предложениями с союзами *wie / als*: «Aber immer denke ich an Dich wie der Gärtner an seine Frau denkt und seine Frau an seine Dotschen» [5. С. 16]; «... heut, Marina, empfang ich Dich meinem Gemüth, in meinem ganzen Bewusstsein, das erbebt von Dir, von Deinem Kommen, als wär Dein großer Mit-Leser, der Ozean mit Dir, Herzfluth, über mich hereingebrochen» [6. С. 51]; «Ich spreche von diesem Stück Vergangenheit, das so schaurig unwirklich geworden ist, als habe man es nur irgendwo einmal gelesen» [7. С. 179];

2) сравнительными оборотами: «aber plötzlich fürchtete ich die Nothwendigkeit (auch die innere, auch die glückliche) eines Briefs, wie eine steilste Aufgabe von mir: unüberwindlich» [6. С. 70]; «O du, die Sehnsucht tut so weh, und manchmal bin ich wie ein kleines Kind, das sich verlaufen hat und möchte dich ganz dumm und ängstlich fragen: „Hast du mich noch lieb“» [8. С. 54].

Следует обратить внимание на то, что все изученные нами примеры обладают высокой информативностью, то есть вскрывают новые черты предмета речи путем нахождения подобий в семантически отдаленных сферах. Для любовных писем характерно яркое и рельефное представление предмета повествования, что реализуется в развернутых синтаксических структурах, представленных выше сравнений. Использование сразу нескольких образов в сравнениях позволяет адресанту более точно передать все нюансы своего видения мира и подчеркнуть семантическую

синонимию образов в определении предмета: «Ich bin einsam wie alle Berühmtheiten, wie auch der Fichtenbaumauf der kahlen Höhe des Gedichtes von Heine, der ein so schönes Gesicht hatte (der Heine natürlich!)» [5. С. 16]; «wenn ich weniger sicher bin, ob dieses uns einander gewährt sei, dass wir wie zwei Schichten, zwei Lagen, dichtart, zwei Hälften eines Nest's wären..., des Schlaf-Nests...bin ich doch nicht minder (nein: erst recht) bedürftend» [6. С. 87-88].

Сравнения, используемые в любовной переписке, выполняют особую стилистическую функцию, они отражают индивидуально-оценочное отношение автора письма к предмету высказывания, создают объемность и цельность повествования и обладают своего рода микросюжетом, а образы данных сравнений приобретают самостоятельный и завершенный характер. Эмоциональная оценка основана на выделении качества, признака описываемого явления, в этом и проявляется вся сила сравнения, заставляющая читателя представить сразу два предмета – описываемый и тот, с которым он сопоставляется.

Подпись – одно из эксплицитных лексических средств, представляющих адресанта. Подпись, занимающая конечную позицию в письме, входит в состав контактной рамки письма и является эпистолярным, ритуальным элементом. В отличие от других типов писем, в которых подпись содержит статусную характеристику адресата, его социальное положение, профессию, в любовном письме подпись не только называет, квалифицирует отправителя, но и выражает особенность межличностных отношений коммуникантов.

Наиболее типичными формами подписи в любовном послании являются: 1) нераспространенные, включающие лишь имя собственное: Hermann Hesse; Ruth; Bert Brecht; Reiner; 2) достаточно распространенные, включающие имя собственное и притяжательное местоимение: Dein Bert; Dein Hermann; Dein Carlchen; 3) распространенные, включающие имя собственное, местоимение 2-го лица и прилагательное / наречие: Allzeit eure Mirl; Stets Deine Mirl; Dein immerwährendes Carlchen; Dein marodes Carlchen; Dein lieber Bert.

Результаты исследования свидетельствуют о том, что частота использования данных форм обращений в зависимости от участников переписки является неравномерной: в переписке Э.М. Ремарка и М. Дитрих подписи практически отсутствуют, для писем Р.М. Рильке и М.И. Цветаевой типичными являются только нераспространенные

подписи, для Г. Гессе и его супруги Рут характерны нераспространенные подписи и подписи с притяжательными местоимениями, в переписках Б. Брехта и П. Банхольцер, К. Цукмайера и А. Зайдель представлены подписи всех трех видов. Это может быть обусловлено тем, что эмоционально-интимный тон в эпистолярной коммуникации мотивирован, прежде всего, общим речевым кодом адресанта и адресата, сформированным опытом совместной жизни и общения, а также характером отношений, проявляющемся в их речевом поведении. Подписи с притяжательным местоимением присутствуют в переписке всех рассматриваемых коммуникантов (исключение составляют письма Р.М. Рильке и М.И. Цветаевой) и служат для реализации характеристики диалогической открытости текста письма. В них обнаруживается вербальное присутствие не только адресанта, но и адресата.

Выбор формы подписи является следствием предшествующего общения партнеров и входит в коммуникативную пресуппозицию. В качестве подписи в любовном письме часто употребляются прозвища, которые являются константными в течение всего периода переписки: Mirl (Annemarie Seidel); Puma (Marlene Dietrich), Ravic, kleiner Alfred (Erich Maria Remarque). Использование персонифицированных кодовых обращений указывает на близкий характер отношений коммуникантов, а также позволяет общаться на понятном только им языке, в который вкладывается особый, интимно-личностный смысл.

Благодаря высказываниям с косвенными средствами выражения «я» адресанта текст письма становится двуплановым, двуголосным. Второй план высказывания имплицитно обнаруживает присутствие автора письма. Высказывания с косвенными средствами выражения представлены следующими коммуникативными типами:

1) побудительными предложениями: «Verbrenn den Brief gleich, Unglückswurm!» [5. С. 32]; «Grüße bitte Deine Mutter und Blanka!» [5. С. 55]; «Lass Dir sofort von Deiner Buchhandlung den chinesischen Roman „Kin Ping Meh oder die abenteuerliche Geschichte des Herrn Hsin Meh und seiner sechs Frauen“ schicken, vor kurzem im Inselverlag erschienen» [9. С. 61];

2) вопросительными предложениями: «Aber Du hast wohl keine Zeit zu schreiben?» [5. С. 63]; «Warum bist Du nicht da?» [8. С. 92]; «Gut, man verdient dort vielleicht Geld, – aber lohnt das den Aufwand?» [7. С. 122].

«Я» адресанта может находить свое выражение в использовании эмоционально-оценочных лексических единиц. Ярким примером этому является широкое использование эпитетов в любовной переписке. Они отражают индивидуально-оценочное отношение автора письма к предмету высказывания. Эмоциональная оценка, основанная на выделении качества, признака описываемого явления, оказывает влияние на восприятие письма читателем, делая его более образным: «Schrei aus heißen, fiebernden Nächten» [5. С. 26]; «Bebende ach, endlos Geliebte!» [5. С. 25]; «Eine leere Stelle, ein Fleck überspültes Ichs, eine Kühle von weit her [5. С. 26]; «Richtige Theaterzeit, mit allen Aufregungen, Krachs, Eruptionen, versauter Generalprobe und einfach phantastischem Erfolg am Ende» [9. С. 82]. Данные эпитеты являются сильным средством выражения эмоционального фона повествования, создания определенной реакции у читателя и индивидуально-авторских образов, а значит, их применение позволяет углублять и расширять качественную гамму различных фигур и знаков, уточнять их содержание за счет ассоциативных связей.

Высказывания с прямыми и косвенными языковыми средствами выражения адресантности являются не только средством самораскрытия пишущего, выражением его интенций, но и средством воздействия на получателя письма. Они влияют на восприятие соответствующего текста последним, побуждают его к определенным поступкам и мыслям. Именно адресат является объектом и целью высказывания. Исходя из своих целей и мотивов, автор письма создает адресатную ситуацию или ситуацию взаимодействия с адресатом для установления речевого контакта и адресатных отношений, которые складываются в процессе продуцирования текста письма его автором и интерпретации данного текста адресатом. Учёт фактора адресата является одной из основных характеристик диалогичности любовного письма.

Термины «диалогичность» и «монологичность» вошли в научный обиход во второй половине XX века благодаря работам М.М. Бахтина (1972), М.Н. Кожиной (1986), Л.В. Славгородской (1986), А. Стельмашук (1993), Л.Р. Дускаевой (1995) и др. и характеризуют «вовлеченность (или, напротив, невовлеченность) сознания, поведения, высказываний человека в процессы межличностного общения» [10. С. 84]. Данное понятие М.Н. Кожина, например, рассматривает в связи с характеристикой категорий

научного стиля: «Диалогичность письменной научной речи – это выражение в тексте (его организации) средствами языка взаимодействия общающихся в коммуникативно-познавательном процессе, понимаемое как соотношение двух или более смысловых позиций: это и учет позиции адресата (читателя), и второго «Я», и возможных оппонентов, а также отражение в речи собеседника диалога» [11. С. 138]. Под диалогичностью письменной речи мы, вслед за Л.Р. Дускаевой, понимаем «выражение в тексте средствами языка взаимодействия общающихся, понимаемого как соотношение смысловых позиций, как учет реакции адресата (в том числе второго Я), а также эксплицирование в тексте признаков собственно диалога» [2. С. 45]. Иными словами, диалогичность предполагает учет адресантом (автором) речи фактора адресата (реального или гипотетического, воображаемого), его смысловой позиции. В речи, имеющей внешнее выражение, данная коммуникативная ориентация обозначается при помощи определенных языковых средств.

При этом «понятие “диалогичность” является более широким по сравнению с понятием “диалог”. В силу этого термин “диалогичность” оказывается применимым к большему количеству объектов: не только к внешней речи в разных ее проявлениях, но и к речи внутренней, а также по отношению к самому мыслительному процессу» [12. С. 21].

Любовная переписка представляет собой личностно ориентированное общение, поэтому учет фактора адресата имеет важное значение и влияет не только на способ изложения мыслей автором письма, но и на формирование функций, которые выполняют высказывания с прямыми и косвенными языковыми средствами выражения адресантности. Проанализированный материал свидетельствует о том, что основными функциями прямых и косвенных адресантных высказываний в тексте любовного письма являются: коммуникативно-прагматическая, информативная, функция самопрезентации, эмоционально-оценочная и экспрессивная.

Адресантные высказывания формируют не только личностный план письма, но и указывают на степень близости отношений коммуникантов. Личные отношения адресанта и адресата служат прагматической базой для выбора языковых средств выражения «я» пишущего, в чём и проявляется их коммуникативно-прагматическая функция. Наиболее ярко данная функция представлена в любовной

переписке в формах прощания и подписи: «Also, ich küsse dich ganz ganz fest, kleine, liebe Frau, kleine brave gute Bi! Dein Bert» [5. С. 43]; «Sei herzlichst gegrüsst von Deinem Dich liebenden Carlchen» [9. С. 64]; «Bitte sei brav und gut! Es umarmt Dich Deine Mirl» [9. С. 194].

Высказывания с прямыми и косвенными языковыми средствами выражения адресантности содержат опыт предшествующего общения коммуникантов и могут являться предпосылкой для продолжения или прекращения общения и входят в коммуникативную пресуппозицию, служащую для того, чтобы текст письма был диалогически открытым: «Adresse bleibt die gleiche! Bitte schreib wieder!» [9. С. 135]; «Irgendwann schrieb ich dir einmal: es gibt uns niemals wieder – es gibt uns niemals wieder, Herz, Corazon!» [7. С. 169].

Информативная задача высказываний с прямыми и косвенными языковыми средствами выражения адресантности в тексте любовного письма состоит в передаче сообщения о действиях, событиях или состояниях, констатации фактов. Передаваемая информация отражает собственное субъективное восприятие событий адресантом в соответствии с системой его ценностей, с одной стороны, и ориентацию на получателя, с другой, в чем проявляется стремление автора письма преодолеть пассивность восприятия адресатом.

Адресантные высказывания в любовном письме служат для реализации функции самопрезентации: «Посредством умения и навыков самопрезентации автор способен сам регулировать соответствующие механизмы восприятия текстовой информации, формирования своего образа в глазах партнера по общению, а с помощью стратегии привлечения внимания акцентировать интерес собеседника на наиболее предпочтительных особенностях своего внешнего облика, поведения или представления о ситуации» [13. С. 149]. Следует отметить, что наиболее эксплицитно функция самопрезентации в любовном письме реализуется при помощи использования выражений с личными местоимениями 1-го лица с глаголом sein: «Ich bin durcheinander und leer und ohne Ziel. Ich bin nicht in der Kreuzstichhandarbeiten-Ruhe!» [7. С. 177].

В любовном послании эмоционально-оценочная функция, выполняемая высказываниями с прямыми и косвенными языковыми средствами выражения адресантности, находится в тесном взаимодействии с экспрессивной. Адресантные высказывания усиливают эффект субъективного отношения к сказанному. Со

стороны пишущего это – акцентирование высказывания, отступление от речевого стандарта, наделение высказывания эмоциональной силой, оценивание, достижение образности и создание эстетического эффекта. Со стороны читателя это – удержание и усиление внимания, повышение рефлексии, возникновение эмоций и чувств. Эмоционально-оценочная и экспрессивная функции реализуются в любовном письме при помощи стилистически окрашенных лексических единиц, а также побудительными, вопросительными, восклицательными высказываниями с косвенными средствами выражения.

Любовное письмо является письменной формой дистантного общения в сфере межличностных отношений, имеющих интимный характер. Высказывания с прямыми и косвенными языковыми средствами выражения адресантности в любовном письме служат средством выражения индивидуальности пишущего, его отношения к предмету высказывания, а также показывают своеобразие данной коммуникации с точки зрения адресата. Специфика отношений коммуникантов, характер и условия общения формируют функции адресантных высказываний в любовном письме: коммуникативно-прагматическую, информативную, функцию самопрезентации, эмоционально-оценочную и экспрессивную. Адресантные высказывания участвуют не только в оформлении информативной составляющей письма, но и в восприятии соответствующего текста получателем. Делая его эмоционально-чувственным переживанием, они усиливают желание читателя к написанию ответа. Высказывания с прямыми и косвенными языковыми средствами выражения адресантности служат средством детализации, субъективности изложения и способствует успешности коммуникативного взаимодействия посредством переписки.

Библиографический список

1. Калинин К.Е. Коммуникативные стратегии убеждения в англоязычном политическом дискурсе: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Нижний Новгород, 2009.
2. Стилистический энциклопедический словарь русского языка / Под ред. М.Н. Кожинной. М.: Флинта: Наука, 2006.

3. *Философский энциклопедический словарь* / Гл. редакция: Л.Ф. Ильичев, П.Н. Федосеев, С.М. Ковалев, В.Г. Панов. М.: Сов. энциклопедия, 1983.
4. Солганик Г.Я. *Стилистика текста: Учеб. пособие*. М.: Флинта, Наука, 1997.
5. Gier H., Hillesheim J. Bertold Brecht. *Liebste Bi. Briefe an Paula Banholzer*. Frankfurt am Main: Suhrkamp Verl., 1993.
6. Asadowski K.M. Rainer Maria Rilke und Marina Zwetajewa. *Ein Gespräch in Briefen*. Frankfurt am Main, Leipzig: Insel Verlag, 1992.
7. Fuld W., Schneider T.F. «Sag mir, dass du mich liebst...» Erich Maria Remarque – Marlene Dietrich. *Zeugnisse einer Leidenschaft*. Köln: KiWi, 2003.
8. Michels U., Michels V. Hermann Hesse «Liebes Herz». *Briefwechsel mit seiner zweiten Frau Ruth*. Frankfurt am Main: Suhrkamp Verl., 2005.
9. Nickel G. Carl Zuckmayer - Annemarie Seidel. *Briefwechsel*. Frankfurt am Main: Fischer Taschenbuch Verlag, 2008.
10. Чернец Л.В., Хализев В.Е., Бройтман С.Н. *Введение в литературоведение. Литературное произведение: Основные понятия и термины: Учеб. пособие / Под ред. Л.В. Чернец*. М.: Высш. шк., Издательский центр «Академия», 2000.
11. Кожина М.Н. *Диалогичность как категориальный признак письменного научного текста // Очерки научного стиля русского литературного языка XVIII-XX вв. Т. 2. Стилистика научного текста (общие параметры). Ч. 2. Категории научного текста: функционально-стилистический аспект*. Пермь, 1998.
12. Колокольцева Т.Н. *Специфические коммуникативные единицы диалогической речи*. Волгоград: Издательство Волгоградского университета, 2001.
13. Курьянович А.В. *Функциональные возможности эпистолярного дискурса как особой формы межличностной коммуникации // Вестник Томского гос. пед. ун-та*. 2009. Вып. 9. С. 146-150.

Сведения об авторе

Хенниг Лариса Викторовна
аспирант кафедры немецкой филологии
НГЛУ им. Н.А. Добролюбова
E-mail: prilarissa@rambler.ru

УДК 811.112.2'37:159.955.2

КОГНИТИВНАЯ МОДЕЛЬ КОНЦЕПТА «ARCHITECTUR» (АРХИТЕКТУРА)

Е.А. Цыганкова

*Воронежский государственный архитектурно-строительный
университет, Воронеж*

В статье рассматривается концепт «Архитектура» в аспекте моделирования его понятийной структуры детерминантными признаками, выделяемыми на основе исследования синтагматических связей лексических единиц, служащих средствами объективации искомого феномена. Определяются базовые типы сочетаний: глагольные, субстантивные и адъективные, позволяющие определить системообразующие составляющие концепта «Архитектура» и выявить специфику его когнитивной модели.

Ключевые слова: концепт, архитектура, синтагматический анализ, линейные отношения, когнитивный признак, понятийное, образное, ценностное содержание, структура, модель.

A Cognitive Model of the Concept “Architecture”

Yelena Tsygankova

The paper looks at the concept “Architecture” with a view to modeling its conceptual structure using determinative signs, identified by analyzing syntagmatic connections of lexical units which serve as means of objectifying the phenomenon under consideration. The article singles out three types of basic combinations: verbal, substantive and adjectival, which make it possible to determine systemically important constituents of the concept “Architecture” and describe the peculiarity of its cognitive model.

Key words: concept, architecture, syntagmatic analysis, line relations, cognitive sign, conceptual, figurative, value content, structure, model.

Одной из основных проблем когнитивного подхода в лингвистике является отражение в языке национальной картины мира посредством концептов, определенных вербализованных идентификаторов культуры, содержательных элементов памяти картины мира. Термин «концепт» представляет собой единицу человеческого мышления, с помощью которой он сравнивает, анализирует и формирует новые категории. Данный термин характеризуется неоднозначностью своей трактовки (С.А. Аскольдов, В.Н. Ярцева, Е.С. Кубрякова, В.З. Демьянков, В.Н. Телия, Ю.С. Степанов, Г.Г. Слышкин, А.П. Бабушкин, В.И. Карасик, В.В. Колесов, З.Д. Попова, И.А. Стернин и др.). В то же время, несмотря на кажущиеся различия, многие лингвисты определяют его

как единицу мышления, которая содержит результаты познания и осмысления действительности и эксплицируется в языковой форме.

В нашем исследовании под концептом понимается «многомерное ментальное образование, в составе которого выделяются образно-перцептивная, понятийная и ценностные стороны» [1. С. 71]. Несмотря на значительный интерес к когнитивной лингвистике и большое количество научных работ, посвященных изучению разнообразных концептов, феномен «Архитектура» еще не рассматривался с позиций когнитивных исследований. Цель статьи – выявить детерминантные признаки концепта «Архитектура» на основе синтагматического анализа лексических единиц, объективирующих концепт, и смоделировать его понятийную структуру. Исследование языковой репрезентации концепта «Архитектура» позволяет выявить наиболее частотные признаки искомого конструкта. Рассмотрение его в рамках немецкой культуры обусловлено тем, что Германия характеризуется как страна с динамично развивающейся архитектурой, активно внедряющей новые технологии и формы в строительстве и архитектуре, что, несомненно, находит свое отражение и в языке.

В качестве объекта исследования анализируется концепт «Архитектура» в немецком научно-популярном дискурсе. В нашем исследовании под термином «дискурс» понимается совокупность текстов, обусловленных сферой общения, особым образом грамматически, лексически и стилистически оформленных, коммуникативно-направленных, в сочетании с экстралингвистическими (социокультурными, прагматическими, психологическими и другими) факторами [2. С. 38-39]. В свою очередь, научно-популярный дискурс понимается как разновидность институционального дискурса (в данном случае архитектурного), который есть клишированная (обеспеченная единым терминологическим аппаратом) форма общения между людьми разных возрастов и национальностей, но одной профессии (корпорации) в соответствии с законами и на языке данной корпорации [3. С. 189-191].

Материалом для исследования послужили профильно ориентированные тексты с ключевым словом «Архитектура», представленные в интернет-источниках (с 2005 г.) и рассматриваемые нами как дискурсивные, т.е. являющиеся социально ориентированными и социально обусловленными [4. С. 186-197].

Специфика таких текстов в том, что они непосредственно соотносятся с объективной реальностью, рассматриваются «в событийном аспекте» и представляют собой сложное единство языковой практики и экстралингвистических факторов в рамках определенной коммуникативной сферы [5. С. 136-137].

Итак, концепт как один из важнейших способов представления знаний в концептосфере включает три компонента: понятийный, ценностный, образный [5. С. 3-16]. Понятийное содержание концепта формируется фактуальной информацией о реальном или воображаемом объекте, то есть конституируется когнитивными признаками, характеризующими ядерные и периферийные составные элементы исследуемого концепта. В отличие от прочих элементов концепта понятийная составляющая всегда рефлектируется носителем культуры. Образное содержание концепта включает перцептивный образ, отражающий чувственные представления людей, а также когнитивный образ, т.е. смысловые связи (метафорические, метонимические) содержания концепта с другими концептами [6. С. 3-16]. Оценочное содержание концепта включает качественные и количественные признаки составных элементов исследуемого концепта. Показателем наличия ценностного отношения является применимость оценочных предикатов [7].

Для выявления составляющих структуры вербализованного концепта «Архитектура» посредством анализа синтагматических отношений одноименной лексемы, служащей его вербальным репрезентантом, необходимо уточнить исходное понятие «синтагматика». Под данным термином понимается один из двух аспектов исследования языка (в противоположность парадигматике), предполагающий изучение языковых единиц в их синтагматических отношениях, которыми они связаны в составе высказывания. В синтагматике единицы языка рассматриваются не как равноправные и взаимозаменяемые, а как позиционно упорядоченные. Синтагматическое отношение между любыми двумя элементами есть отношение контраста языковых единиц в их линейных связях [8].

В целях выявления базовых значений лексемы «Архитектура», номинирующей одноименный концепт, обратимся к толковым словарям. В современных немецких лексикографических источниках выделяются следующие ядерные семемы искомого феномена: 1) зодчество; 2) сооружения и художественное оформление зданий; 3)

виды, методы строительства; 4) строительные стили и методы проектирования и строительства зданий и других физических структур [9. S. 71]; 5) искусство и наука о проектировании и установке зданий и других физических структур; 6) общий термин, описывающий здания и другие структуры (конструкция, структура, архитектура сооружения); 7) совокупность предметов архитектуры (народа, области, стиля, времени: архитектура Рима, готическая архитектура) [10]. Как следует из словарных дефиниций, анализируемое понятие характеризуется гетерогенностью признаков. Являясь исходным для любой зодческой деятельности, включающей разработку, создание, возведение отдельных элементов глобальных построек, архитектура выступает также определенным культурным и национальным маркером. Все выделенные конститuentы исследуемого феномена характеризуют его как концепт, обладающий емкой и дискретной структурой.

В результате синтагматического анализа лексемы «Архитектура» нами было выявлено 25 примеров сочетаний с одноименным словом и установлены 3 базовых типа синтагматических отношений: 1) глагольные (14), 2) субстантивные (7) и 3) адъективные (4). Релевантными для языковой репрезентации искомого концепта являются линейные отношения, формирующиеся по следующему признаку [Sub (Architektur) + Verb]. Частотность этого типа отношений объясняется процессуальностью концепта «Архитектура». Являясь частью человеческой деятельности, архитектура репрезентируется как действие или состояние.

Контекстуальный анализ профильно-ориентированных текстов показывает, что наиболее употребительными являются глаголы: а) созидания - *schaffen* (создавать), *konstruieren* (конструировать, строить, создавать, сооружать), *verändern* (изменять), *entwickeln* (развивать); б) восприятия (перцептивные) - *widerspiegeln* (отражать), *ausdrücken* (выражать), *sich durch etw. auszeichnen* (отличаться, выделяться чем-либо), *gelten als* (считаться чем-либо); в) обладания - *haben* (иметь), *sein* (быть, существовать) *gibt es* (есть, имеется); г) речевой деятельности - *reden über* (говорить о), *berichten über* (сообщать о); д) возможности - *können* и др.

Нами были выявлены следующие глагольные сочетания, в которых феномен «Архитектура» выступает в качестве **субъекта**: *Architektur + schaffen* (*A. schafft*); *Architektur + verändern* (*A.*

verändert); *Architektur + widerspiegeln* (*A. widerspiegelt*); *Architektur+ gelten als* (*A. gilt als*); *Architektur+ sich durch etw. auszeichnen* (*A. zeichnet sich durch etw. aus*).

Проанализируем сочетания типа «Архитектура + глагол»:

- *Architektur + schaffen* (*A. schafft*): „Die Architektur schafft den notwendigen baulichen Raum, in dem wir uns bewegen“ «Архитектура создает необходимое строительное пространство, в котором мы движемся» (<http://de.wikipedia.org/wiki/Architektur>). Таким образом, архитектура как человеческая деятельность связана с созданием, сооружением, творчеством. В данном синтагматическом отношении лексема «Архитектура» представлена как общий термин для определенного строительного пространства.

- *Architektur + verändern* (*A. verändert*): „Natürlich verändert Architektur den öffentlichen Raum und das Leben der Menschen, die sich in ihm bewegen“ (https://www.xing.com/net/a_a/architektur). Лексема *Architektur* репрезентируется также как общее понятие определенного строительного пространства, которое выступает в качестве одного из параметров жизни социума. Архитектура не только подвержена влиянию общественного развития, но и сама является субъектом изменения социальной среды, оказывая на нее духовное, эстетическое и культурное воздействие.

- *Architektur+ widerspiegeln* (*A. widerspiegelt*): Wenn die neue Architektur in Deutschland etwas vom Zeitgeist widerspiegelt, wenn sie - frei nach Friedrich Nietzsche - eine Architektur nach neuer deutscher Seelenart sein sollte (<http://www.art-in.de/>). В данной контекстуальной цепи актуализируется семема «совокупность предметов архитектуры страны» (Германии), вербализованная как явление, которое может отражать дух времени, эпоху. Архитектура – отражение, зеркало времени.

- *Architektur+ gelten als* (*A. gilt als*): Deutsche Baukunst gilt in Russland traditionell als Markenzeichen für Qualität (<http://aap.ru/fileadmin/Download/Publications/04-Publications-Neue-Deutsche-Architektur.pdf>). Немецкое строительное искусство как совокупность строительных предметов репрезентируется в данном примере как явление, которое пользуется авторитетом, имеет свой вес и квалифицируется в России как знак качества.

- *Architektur+ sich durch etw. auszeichnen* (*A. zeichnet sich durch etw. aus*): „Die moderne Architektur zeichnet sich durch eine sehr

schlichte Bauweise aus. Hauptsächlich wird in klaren Formen konstruiert, Einzigartigkeit wird durch viele Winkel und Ecken, aber auch durch Schwünge und Rundungen, also einer allgemein ungewöhnliche Form erreicht, nicht etwa durch pompöse Ornamente“ (<http://webmaster-verzeichnis.de>).

Как следует из проанализированного материала, в большинстве случаев именно глагольные сочетания с ключевым словом «Архитектура» объективируют одноименный концепт в профильно ориентированных текстах. В статусе «Субъекта» архитектура выступает темпоральным и стилевым идентификатором. Архитектура – это и процесс, и продукт планирования и проектирования, связанный с выбором метода строительства, формы, пространства и окружения, которые отражают функциональные, технические, социальные, эстетические аспекты и являются, в свою очередь, её отличием или характерной чертой на определенном этапе становления или развития.

Концепт «Архитектура» может выступать не только субъектом действия, но и служить объектом деятельности, причем чаще всего - предметом речевой, ментальной деятельности. Так, анализ глагольных сочетаний с ключевым словом «Архитектура» позволил выделить сочетания с глаголами *berichten über + Architektur, reden über+ Architektur*: „*Man muss einmal genau schauen, über welche Architektur die Leute reden und die Medien berichten - meistens nämlich über spektakuläre Einzelbauten...*“ (<http://www.plan-access.de/deyby/ybau-stadtplan.htm>). «Необходимо однажды точно посмотреть, о какой архитектуре говорят люди и сообщают СМИ – в большинстве случаев о сенсационных индивидуальных сооружениях...». В данном случае реализуется значение «сооружения и оформление зданий», в котором искомая лексема «Архитектура» вербализуется как предмет сообщения. Таким образом, архитектура - социально-значимое явление, о котором говорят, которое обсуждают.

Сочетаемость лексемы «Архитектура» с глаголами (как правило, это глаголы со значением «обладание», «бытие», «создание», «изменение или развитие») указывает на то, что это явление социальное, культурное, эстетическое и духовное. Оно постоянно изменяется, развивается и воздействует на общественное пространство и идентифицирует исторический этап с точки зрения архитектурных особенностей и характеристик.

Не менее частотными являются также сочетания ключевого слова «Архитектура» с существительными. При анализе профильно ориентированных текстов было выделено несколько наиболее значимых субстантивных сочетаний, определяющих базовые признаки искомого концепта: 1. Архитектура как параметр социальной жизни. 2. Архитектура как параметр качества. 3. Архитектура как духовное явление. 4. Архитектура как философская категория. Рассмотрим признаки феномена «Архитектура», выделенные на основе изучения субстантивных сочетаний с компонентом «Архитектура».

1. Архитектура как параметр социальной жизни. Наибольшее количество примеров связано с содержательным компонентом «социальное», где одноименный компонент искомого концепта реализуется как общий термин определенного строительного пространства. Архитектура объективируется языковой личностью как социокультурный феномен, играющий какую-либо роль в практической деятельности. Архитектура воспринимается как значимая составляющая существования социума, связанная с его экономикой, культурой, социальной и повседневной жизнью.

1.1. *Architektur + Gesellschaft (Архитектура + общество)*: „*Die Architektur schafft den notwendigen baulichen Rahmen, in dem wir uns bewegen. Ohne Architektur wäre die menschliche Gesellschaft nicht denkbar*“ (<http://de.wikipedia.org/wiki/Architektur>). В данном примере архитектура квалифицируется как неотъемлемая составляющая социума, как необходимое строительное пространство, без которого немислимо человеческое общество, развитие которого неразрывно связано с обновлением архитектурных построек: от первобытных хижин до современных строений, характеризующихся индивидуальным архитектурным стилем, методом и идеей.

1.2. *Architektur + Alltag (Архитектура + повседневность)*: „*Unser Alltag wird zu einem wesentlichen Teil durch die Architektur bestimmt, die uns Tag für Tag umgibt*“ (<http://de.wikipedia.org/wiki/Architektur>). Архитектура репрезентируется как основной определяющий компонент повседневности, как значительная часть жизни общества, которая окружает и в определенном смысле определяет и воздействует на него.

1.3. *Architektur + Leben (Архитектура + жизнь)*: „*Natürlich verändert Architektur den öffentlichen Raum und das Leben der Menschen,*

die sich in ihm bewegen - es sind nun mal Architekten, die dem Leben in der Stadt, die ihrer Zeit einen Rahmen geben“ (<http://de.wikipedia.org/wiki/Architektur>). Искомый концепт представлен в качестве критерия общественной, социальной жизни людей, который определяет и изменяет ее. Кроме того, архитектор репрезентируется как деятель, способный оказывать влияние на жизнь города в определенном временном пространстве.

2. Архитектура как параметр качества. Архитектура как явление, связанное с деятельностью человека, а именно с возведением зданий, различного рода сооружений, часто квалифицируется с точки зрения *качества*, например:

Architektur + Qualität (Архитектура + качество): „Deutsche Baukunst gilt in Russland traditionell als Markenzeichen für Qualität“ (<http://aap.ru/fileadmin/Download/Publications/04-Publications-Neue-Deutsche-Architektur.pdf>). Как известно, немецкое строительство, архитектура, воспринимаются и характеризуются априори позитивно. В данном случае речь идет о традиционном восприятии «немецкого качества» в строительстве.

3. Архитектура как духовное явление. Архитектура как искусство в своем роде, безусловно, объективируется как ценность, нечто положительное, духовное и высокое.

Architektur+ Seelenart (Архитектура + тип [новой немецкой] души): „Wenn die neue Architektur in Deutschland etwas vom Zeitgeist widerspiegelt, wenn sie - frei nach Friedrich Nietzsche - eine Architektur nach neuer deutscher Seelenart sein sollte“. В этом примере объективируется значение «совокупность предметов» немецкой архитектуры, в котором отмечается не только наличие признака «духовности», но и восприятие лексемы как определяющего фактора нации, ее ментальности и традиции.

4. Архитектура – философская категория. Архитектура, помимо своей функциональности и практического предназначения, характеризуется своей философской направленностью. *„Philosophie begegnet uns so mehrfach: Erstens wird die Architektur (und Architekturtheorie) durch die Philosophie ihrer Zeit geprägt. Zweitens drückt die Architektur eine Philosophie aus. Drittens ist Architektur ein Gegenstand philosophischen Nachdenkens - nämlich der Philosophie der Architektur“* (<http://www.sensiblearchitektur.ch/philosophie.html>). Архитектура как общий термин, описывающий совокупность строительных элементов разного рода, репрезентируется, с одной

стороны, как объект влияния так называемой философии времени, с другой, как субъект, выражающий философскую мысль. Архитектура предмет рефлексии ученых, например, о закономерностях зарождения, становления и развертывания архитектурной формы и архитектурного пространства, о внутренней логике самой архитектуры, ее целостности, гармоничности и логичности.

„*Architektur kann in verschiedenen Phasen der Entstehung Ausdruck einer Philosophie sein - nicht nur im Entwurfsplan oder in der Beschreibung, sondern auch in der konkreten Planung und Organisation des Baues*“ (<http://www.sensiblearchitektur.ch/philosophie.html>).

Архитектура как определенное строительное пространство – это отражение философской концепции культурного сообщества. Архитектура представляет собой не только материальную деятельность, но и духовную, которая национально и темпорально обусловлена. Движение архитектуры является не простой сменой строительных стилей и инженерных конструкций, но и «воплощением духа», отражением мировоззрения эпохи, зримой философией своего времени. Как и любая форма общественного сознания, философия архитектуры информативна и коммуникативна. Ее формы и архитектурное пространство детерминированы психологическими, национальными особенностями этноса и историческими предпосылками. Архитектура как философия – это возможность взглянуть иначе на окружающее нас архитектурное пространство и абстрагироваться от привычного восприятия зданий как помещений для проживания, приняв во внимание ее эстетическую, духовную и национальную составляющую, проследить мировоззренческие предпосылки возникновения того или иного архитектурного стиля.

Итак, анализ синтагматических отношений лексемы «Архитектуры» позволяет актуализировать признаки современной философии немецкой архитектуры. Архитектура создает и изменяет некое строительное пространство (*der bauliche Raum*), отражает совокупность материальных сооружений, демонстрирующих дух времени (*Zeit*), для которого характерны, в частности, простые методы строительства (*schlichte Bauweise*).

Необычность и неповторимость (*Einzigartigkeit*) достигается многочисленными «углами» (*viele Winkel*) и «выступами» (*Ecken*), «подъемами» (*Schwünge*) и «изгибами» (*Rundungen*), «без помпезных орнаментов» (*ohne pompöse Ornamente*) и т.п. При этом

пространственная свобода как одна из отличительных черт современной немецкой архитектуры имеет особый смысл как в отношении внешнего облика здания, так и применительно к его внутреннему пространству.

Менее частотными являются сочетания имен прилагательных с компонентом «архитектура». Например: *moderne Architektur, radikale Architektur, neue Architektur, schlichte Architektur*. В данном случае актуализируется семема «строительное пространство», и архитектура определяется как «современная», «радикальная», «новая» и «простая». Выявленные признаки образуют незначительную группу понятийного слоя данного концепта. Большинство сочетаний с прилагательными квалифицируют архитектуру с точки зрения «плохо» - «хорошо» и образуют оценочную структуру искомого концепта.

Анализ понятийного слоя структуры концепта «Архитектура» на основе изучения синтагматических отношений лексемы «Архитектура» как вербального репрезентанта одноименного концепта, позволяет говорить о его гетерогенности. Концепт «Архитектура» характеризуется набором «строительных» лексем различного рода, что определяет его ядро и ближнюю периферию. В результате контекстуального анализа линейных отношений формируется набор сем, которые объективируют концептуальные признаки, образующие дальнюю периферию исследуемого феномена. Большинство выделенных признаков реализуются в общем значении определенного архитектурного пространства и как совокупность строительных элементов, определяющих архитектуру нации, стиля, города и времени. Немецкая архитектура, с одной стороны, – это субъект, который «создает, сооружает, изменяет и развивает»; «отражает временное пространство»; «пользуется авторитетом»; является «временным и стилевым идентификатором», с другой – объект, являющийся «предметом сообщения». Кроме того, немецкая архитектура вербализуется как социальная сущность («параметр жизни социума»); как «субъект изменения социальной среды»; духовная сущность («духовное явление»); «параметр качества», как «национальное явление», «категория философии» и др.

Таким образом, архитектура – это многоуровневая и многогранная категория. Ее понятийная структура формируется от «строительных» компонентов различного уровня, характеризующихся

социальными признаками, до «духовно-мировоззренческих», определяющих архитектуру как глобальную константу человеческого бытия со своей мыслью, ментально-духовной преемственностью, противоречиями, своей логикой и философией.

Библиографический список

1. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград: Перемена, 2002. 477 с.
2. Слышкин Г.Г. Дискурс и концепт (о лингвокультурном подходе к изучению дискурса) // Языковая личность: институциональный и персональный дискурс. Волгоград: Перемена, 2000. С. 38-45.
3. Карасик В.И. О категориях дискурса // Языковая личность: социолингвистические и эмотивные аспекты: Сб. науч. тр. ВГПУ, СГУ. Волгоград, 1998. С. 189-191.
4. Кубрякова Е.С., Александрова О.В. О контурах новой парадигмы знания в лингвистике // Структура и семантика художественного текста: Доклады VII Междунар. конф. М., 1999. С. 186-197.
5. Арутюнова Н.Д. Дискурс // Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990. С. 136-137.
6. Карасик В.И. О категориях лингвокультурологии // Языковая личность: проблемы коммуникативной деятельности: Сб. науч. тр. / ВГПУ. Волгоград: Перемена, 2001. С. 3-16.
7. Маслова В.А. Когнитивная лингвистика: Учеб. пособие. Мн.: Тетрасистемс, 2005. 256 с.
8. Светозарова Н.Л. Синтагма // Лингвистический энциклопедический словарь. М.: Большая Рос. энциклопедия, 2002. 447 с.
9. Langenscheidt Großwörterbuch Deutsch als Fremdsprache. Berlin und München KG, 2003. S. 71.
10. Duden online // Электронный ресурс Интернет: <http://www.duden.de/>

Сведения об авторе

Цыганкова Елена Александровна
ассистент кафедры иностранных языков
Воронежского государственного
архитектурно-строительного университета
E-mail: azigankowa@yandex.ru

ПРОБЛЕМЫ ПЕРЕВОДА И ПЕРЕВОДОВЕДЕНИЯ

УДК 811.111'255.2+811.161.1'255.2

ТРЕНДЫ, БРЕНДЫ И «КУЛЬТЫ ЛИЧНОСТЕЙ» В АНГЛО- РУССКОМ И РУССКО-АНГЛИЙСКОМ ХУДОЖЕСТВЕННОМ И КИНОПЕРЕВОДЕ

А.Л. Бурак

Университет Флориды, Гейнзвил, США

На конкретных современных примерах в статье рассматривается проблема соотношения качества и популярности художественных переводов и кинопереводов с английского языка на русский и с русского на английский в контексте степени востребованности и популярности их авторов в США и России, институализируемых посредством таких широко распространенных культурных конструктов, как “тренд”, “бренд” и “культ”. В статье делается вывод, что несмотря на глобализацию культуры, переводческие институты сохраняют свое национальное своеобразие.

Ключевые слова: художественный перевод, закадровый киноперевод, «оживляж», «гладкопись», «обыностранивание», «очуждение», «одомашнивание», буквалистский перевод, гоблиновские переводы, «смешные переводы», «правильные переводы», обценная лексика.

Trends, Brands, and “Cults of Personality” in English-to-Russian and Russian-to- English Literary and Film Translation **Aleksandr Burak**

Based on present-day concrete examples, the article examines the correlation between the quality and the popularity of translations of fiction prose and voiceover film translations from English into Russian and from Russian into English in the context of their translators' extent of popularity in the USA and Russia, institutionalized through the widespread cultural constructs of “trend,” “brand,” and “cult.” The article concludes that, despite the globalization of culture, translation institutions preserve their national distinctions.

Key words: literary translation, voiceover film translation, “enlivening” translation, “blandscript,” foreignization, domestication, literalist translation, “Goblin translations,” “funny” translations, “correct” translations, “four-letter” words.

Тренд – это превалярующая, основная тенденция делать что-либо определенным образом. Стилистически тренд – более модное, «газетно-гламурно-молодежное» слово по сравнению со словом «тенденция». В данной статье речь пойдет о качестве и превалярующих тенденциях в способах художественного и

киноперевода с английского языка на русский и с русского языка на английский.

Бренд – это в одних случаях наиболее яркие проявления тренда, обозначаемые фирменными названиями, торговыми марками и именами собственными; в других случаях – попытка противостоять тренду, позиционирующая бренд как нечто более продвинутое или качественное. В переводе бренды – это обычно фамилии или прозвища переводчиков, названия переводческих школ, издательств, а также фирменные знаки, ассоциирующиеся с определенным стилем, методом или качеством перевода.

Культ – это чрезмерное увлечение чем-либо или возвеличивание кого-либо. В переводе это обычно конкретные люди, т.е. культ переводчика состоит в том, что определенный вариант художественного или киноперевода сразу же вызывает ассоциации с определенным переводчиком и большинство читателей или зрителей желает получить только данный конкретный перевод.

Иногда полезно по возможности проводить различие между понятиями «культовый статус» и «культ личности». Культовый статус – это массовое почитание и признание, иногда заслуженное. Культ личности – это чрезмерное возвеличивание и почитание переводчика благодаря обширной рекламе или распространяемой устно репутации, в результате которых существование и значимость других переводчиков принижается. Отличить первое от второго иногда непросто: требуется тщательный анализ переведенных текстов и сопоставление их с оригиналами. В принципе культ переводчика (или переводчиков) может существовать обособленно от трендов и брендов.

Современное общество, как американское, так и российское, становится все более подверженным почитанию знаменитостей (в английском языке даже возник социологический термин «celebrity culture» – «культура почитания знаменитостей»). В этой связи рассмотрение переводческой деятельности в контексте «селебритократии» представляется весьма актуальным. Начнем с брендов. В свое время примерами брендов вполне могли служить «переводы кашкинцев» или «советская школа перевода». Культовым статусом пользовались переводы Риты Райт-Ковалевой. Правда, ни слово «бренд», ни слово «культ» в те времена не были идеологически приемлемыми. Культами личности в современном художественном

перевод с русского языка на английский в массовом сознании в США бесспорно наделяются Ричард Певир и Лариса Волохонская (Richard Pevear and Larissa Volokhonsky) – муж и жена, работающие в паре, а в кинопереводе с английского языка на русский в России – Дмитрий Юрьевич Пучков, он же Гоблин. В ограниченных рамках статьи неизбежны широкие обобщения, для которых всегда найдутся исключения. Смысл конкретных примеров, которые я буду приводить, – не в клеймлении позором или возвеличивании определенных переводчиков, а в иллюстрации обобщаемых явлений. Возможности отдельного исследователя ограничены, даже когда наблюдения ведутся длительное время. Тем не менее, я надеюсь, что некоторые тезисы моей статьи послужат отправной точкой для дальнейших исследований.

Итак, художественный перевод с английского на русский. По поводу его состояния интересные комментарии содержатся, в частности, в книге Елены Калашниковой «По-русски с любовью» [1]. Текущие комментарии о состоянии художественного перевода даются на страницах журнала переводчиков «Мосты» [2], а также в разбросанном виде в Интернете. Суть подавляющего большинства комментариев, например, в книге Калашниковой, можно обобщить фразой: «Чем хуже перевод, тем он считается лучше» [1. С. 262 (вульгаризация), 336-337 (буквализм), 341 (агрессивно-маргинальный стиль перевода), 363, 449, 499 (установка молодого читателя на плохой перевод)]. В «Мостах» комментарии уводят читателя в крайне полезный, сверхподробный анализ переводческих ошибок, а обобщения касаются, как правило, тенденции некоторых переводчиков, особенно молодого поколения, к «обыностраниванию» («foreignization») или к тому, что в российском переводоведении всегда называлось «буквализмом» или «буквалистским переводом».

Со своей стороны я бы охарактеризовал положение дел в англо-русском художественном переводе следующим образом: в России утвердился тренд посредственного качества массово издаваемых переводов, определяемый сочетанием ряда субъективных и объективных факторов. Субъективные факторы: недостаточное знание переводчиком английского языка и связанной с ним культуры (причем, культуры, которая должна соответствовать варианту английского языка: американская культура, к примеру, и британская существенно отличаются друг от друга, так же как и

соответствующие языки); недостаточность общелингвистических знаний, позволяющих расширить диапазон креативных переводческих решений; посредственное владение русским языком и интуитивный (в разной степени недостаточно профессиональный) подход к практике перевода, обусловленный отсутствием знания теории перевода. Объективные факторы – это низкие ставки оплаты труда переводчика, нереалистичные сроки выполнения переводов, приводящие к поспешности и небрежности работы, исчезновение института редакторов художественных переводов, – другими словами, отсутствие престижности художественного перевода как высокого искусства в институализированной форме.

Национальной особенностью переводов на русский язык – в дополнение к посредственному качеству и небрежности перевода – является устойчивая тенденция усиления экспрессивности текста перевода по сравнению с оригиналом в основном за счет лексических замен нейтральных единиц на маркированные, отдаленные переводческие синонимы. Это явление я называю «оживляжем». В дополнение к этому по-прежнему сохраняется тенденция «обыностранивания» («очуждения») текста перевода за счет беспереводных заимствований и калек. Степень «очуждения» перевода определяется характером художественного текста («очуждение» более характерно для текстов технических, «компьютерных» и газетных), и, в целом, по моим наблюдениям, как переводческий прием сейчас используется реже, чем в 90-е годы. Вот два примера для иллюстрации тренда небрежной посредственности и «оживляжа»:

Пример 1 (оригинал):

“Tonight’s lecture [...] had probably ruffled some conservative feathers in the audience. Most likely, some religious scholar had trailed him home to pick a fight” (“The Da Vinci Code”) [3. С. 7-8].

Опубликованный небрежный перевод (первый тираж 20000 экз.):

«Вечерняя лекция [...] консервативной профессуре [...] наверняка пришлась не по вкусу. А может, самые религиозные ученые даже попросят его вон и посадят на первый же рейс до Америки?» («Код Да Винчи») [4. С. 14].

«Уточненный» перевод:

«Вечерняя лекция [...] могла не понравиться консервативно настроенной части аудитории [...]. Вполне вероятно, что какой-нибудь специалист по вопросам религии после лекции шел за ним следом до гостиницы и теперь хочет вызвать его на спор». – А.Б.

Пример 2 (оригинал):

“And if I find which one of you provided that article, I’ll have the consulate deport you” (“The Da Vinci Code”) [3. С. 10].

Опубликованный перевод (тот же) с элементами «оживляжа»:

«...И если я только узнаю, кто приволок сюда этот журнал, потребую вышвырнуть мерзавца вон» («Код Да Винчи») [4. С. 16].

Уточненный перевод:

«И если я только узнаю, кто из вас передал/принес эту статью организаторам конференции, я потребую (от консульства) депортации этого человека» – А.Б.

Существуют ли бренды в современной российской переводческой среде? После распада «советской школы перевода» и последовавшего длительного периода разброда и шатаний, за последние 10 лет делаются серьезные попытки создания брендовых переводов. Одной из таких заметных попыток является «Школа перевода Баканова», имеющая даже свой фирменный знак, который проставляется наряду со знаком об авторских правах на перевод. Организатор и руководитель школы – известный переводчик научно-фантастической литературы Владимир Игоревич Баканов (прим. 1). О персональном составе школы и ее деятельности подробно рассказывается на сайте школы (прим. 2).

Владимир Баканов ставит перед своими переводчиками традиционную задачу: создавать высокохудожественные переводы, которые вызвали бы в сознании читателя ту же эстетическую реакцию на перевод, что и оригинал у читателей-носителей языка оригинала (обсуждение реалистичности данной классической установки выходит за рамки данной статьи). Школа уже заняла заметное место на рынке переводов «массовой» американской литературы. Ее фирменным знаком, в частности, отмечены переводы вампирской саги-трилогии американской писательницы Стефени Майер «Сумерки», «Новолуние» и «Затмение» (переводчица Алла Ильдаровна Ахмерова, 1977 г. рожд.), а также другого литературного «блокбастера» Дэна Брауна «Утраченный символ» (переводчицы

Екатерина Ильинична Романова, 1984 г. рожд., и Мария Николаевна Десятова, 1979 г. рожд.).

У Школы перевода Баканова уже можно начать выделять некоторые отличительные черты. В частности, Ахмерова часто прибегает к «протокольному» переводу (когда речь рассказчицы заменяется обобщенным заявлением о том, что произошло – без перевода конкретных реплик персонажей), перегруппировкам предложений в абзаце, частому дроблению предложений абзаца не всегда по понятным причинам, смысловому развитию отрезков текста (когда в переводе причина заменяется следствием и наоборот – по понятным причинам), а также к добавлениям не существующих в оригинале связок между абзацами, которые иногда выбиваются из стиля речи повествователя (возможно, последнее – на совести редактора). Так, например, в «Сумерках» – где рассказ ведется от имени девочки-подростка – появляются книжные обороты речи, вообще отсутствующие в речи рассказчицы в оригинале. В целом переводы и вампирской трилогии, и «Утраченного символа» отражают заявленную миссию школы производить в достаточной мере качественные переводы. Интересно, что из 30 переводчиков школы, перечисленных на сайте Баканова, 23 женщины. Похоже, что не только в современной литературе, но и в переводе женщины начали занимать более заметные позиции.

Что касается культовых фигур, то, насколько я могу судить, такие фигуры в национальном масштабе отсутствуют. Вместе с тем, не называя конкретных фамилий, выскажу предположение, что некоторые из 87 переводчиков и переводчиц, интервью с которыми приводит в своей книге Калашникова, уже могут претендовать на такой статус. Очень вероятно, что и некоторые переводчики Школы Баканова тоже постепенно приобретут статус культовых.

В отличие от «оживляжа» в русских переводах перевод с русского языка на английский издавна славится своими нивелирующими, сглаживающими тенденциями, – тем, что Чуковский еще в 30-е годы называл «гладкописью». Традиционная «нейтрализация» английского текста перевода по сравнению с русским оригиналом отмечается и видными американскими теоретиками и практиками художественного перевода, например, Рейчел Мей [5] и Лоренсом Венути [6].

В качестве бренда качества можно привести фамилию и переводы британского переводчика, издающегося и в США, Роберта Чэндлера (Robert Chandler). В своих переводах Чэндлер стремится творчески соединять приемы «одомашнивания» и «обыностранивания», воспроизводя при этом авторский стиль оригинала. В этом плане показательны два перевода «Котлована» Платонова, выполненные Чэндлером с промежутком в 15 лет [7; 8]. В помощники по работе над некоторыми своими переводами Чэндлер привлекает своих коллег, т.е. часто работает в команде, обеспечивающей высокий уровень решения языковых, лингвистических, культурологических и переводческих проблем. Таким образом, за брендом «Роберт Чэндлер» в разных переводах стоит коллективное творчество нескольких переводчиков-культуроведов: самого Роберта Чэндлера, Элизабет Чэндлер (Elizabeth Chandler), Энджелы Ливингстоун (Angela Livingstone), Надежды Буровой (Nadya Bourova), Эрика Наймана (Eric Naiman) и Ольги Меерсон (Olga Meerson). В интернет-группе SEELANGS Чэндлер использует методику «открытого» или «массового» консультирования (open-sourcing или crowdsourcing). Это когда вопросы и варианты перевода выносятся на обсуждение широкой группы специалистов (в случае с SEELANGS – славистов) в сети Интернет. Такое «командное» творчество помогает избежать грубых языковых и культурологических ошибок.

Наряду с нивелирующими тенденциями, другой отличительной особенностью переводов на английский язык является – даже большее, чем у российских переводчиков, – недостаточное знание языка и культуры оригинала. Даже читая хорошие переводы, я то и дело натываюсь на элементарное лексико-грамматическое недопонимание оригинала, не говоря уже о мелких несуразностях, связанных со стилем и культурой оригинала. Речь, конечно, идет о некоем усредненном впечатлении, от которого всегда можно отмахнуться, сказав, что оно недостаточно репрезентативно. Как бы там ни было, о недостаточной языковой и профессиональной подготовке переводчиков, берущихся за серьезные проекты, автор данной статьи писал неоднократно и в разных публикациях. Для разнообразия приведу два примера из недавнего доклада моего коллеги Тимоти Сергей (Timothy Sergay) о переводах «Героя нашего

времени» Лермонтова, правда, как всегда, с оговоркой: «И на старуху бывает проруха» [9. С. 6-7]:

Original Russian	Nabokov, 1958	Foot, 1966, Rev. 2001	Schwartz, 2004	Randall, 2009
<i>Будет и того, что</i> болезнь указана, а как ее излечить — это уж бог знает! [10]	<i>Suffice it that</i> the disease has been pointed out; goodness knows how to cure it [12. P. 2].	<i>Let it suffice that</i> the malady has been diagnosed — heaven alone knows how to cure it! [13. P 4]	<i>We will find that</i> the disease has been <i>diagnosed</i> , but how one is to cure it - God only knows! [14. P. 4]	Данное предложение переводчицей опущено [15].
... петербургский покррой сюртука <i>ввел их в заблуждение</i> , но, скоро узнав армейские эполеты, они с негодованием отвернулись ... [11] – Курсив А. Б.	The St. Petersburg cut of my military surtout <i>misled them</i> , but soon, recognizing the epaulets of a mere army officer, they turned away in disgust [12. P. 82, italics mine]	<i>They were taken in</i> for a moment by the Petersburg cut of my coat, but when they saw my epaulettes were those of a mere line regiment, they indignantly turned away [13. P. 71, italics mine]	The Petersburg cut of my coat at first <i>misled them</i> , but they soon recognized my army epaulets and turned away in disgust [14. P. 76, italics mine]	My Petersburg-cut frock coat <i>led them to an initial illusion</i> , but as soon as they recognized the army epaulettes they turned away with indignation [15. P. 76, italics mine]

Как видно из таблицы, в переводе Шварц искажено значение конструкции «будет и того, что», а в переводе Рэндалл это важное для понимания всего романа предложение вообще опущено. Во втором примере Рэндалл не поняла элементарной фразы «ввел их в заблуждение».

Феномен Певира и Волохонской заслуживает особого разговора, так как ими полностью монополизирован рынок переводов русской классики. На самом деле переводы П/В – это не переводы, а «перепереводы» произведений, уже переведенных другими переводчиками. При этом творческий коллектив П/В позиционирует себя в качестве первых и единственных переводчиков, которым удастся предложить не только «более правильный» перевод всего текста вообще, но еще и передать все тонкости и особенности авторского стиля, будь то Толстой, Чехов или Булгаков.

Путевку в переводческую жизнь Певир и Волохонская получили с легкой руки американской телезвезды Опры Уинфри, которая – по неясным причинам – летом 2004 года в блоке «Книжный клуб» своей суперпопулярной передачи «Шоу Опры Уинфри» (“The Oprah Winfrey Show”) объявила новый перевод «Анны Карениной» Певира и Волохонской наиболее точным из всех существующих (the definitive version). Таким образом, об этом узнали миллионы телезрителей, и книга сразу же оказалась в списке бестселлеров. Заработала индустрия раскрутки знаменитостей. Результат налицо: среди американских издателей котируются – почти в исключительном порядке – только переводы Певира и Волохонской.

Певир и Волохонская работают на резком контрасте по отношению к «нейтрализующему», нивелирующему переводу («гладкописи»). Их отличительная черта – буквалистский перевод не только лексики, но и грамматики – как морфологии, так и синтаксиса. Объясняют они это своей уникальной способностью улавливать и передавать индивидуальный стиль автора. На самом деле, в переводах П/В нередко наблюдается смешение стандартного идиоматического русского языка (общеязыковой нормы) с, как им кажется, самобытной формой выражения автора, о чем подробно и бескомпромиссно писали Виктор Ланчиков и Мишель Берди в своей статье «Успех и успешность» в журнале «Мосты» в 2006 году [16. С. 18-31].

В качестве небольшой иллюстрации стиля П/В приведу фрагмент из их перевода «Войны и мира» (проблематичные места подчеркнуты):

– И вот, братец ты мой (на этом месте Пьер застал рассказ Каратаева), проходит тому делу годов десять или больше того. Живет старичок на каторге. Как следует, покоряется, худого не делает. Только у бога смерти просит. – Хорошо. И соберись они, ночным делом, каторжные-то, так же вот как мы с тобой, и старичок с ними. И зашел разговор, кто за что страдает, в чем богу виноват. Стали сказывать, тот душу загубил, тот две, тот поджег, тот беглый, так ни за что [17. С. 176-179].

“And so, brother mine” (Pierre arrived at this point in Karataev’s story), “ten years or more go by after this affair. The old man lives at hard labor. Duly submits, does nothing bad. Only asks God for death. Good. And the convicts got together, a nightly thing, like you and me here, and the old man was with them. They started talking about who suffers for what, and what he’s guilty of before God. They began telling: this one killed a man, that one killed two, another set a fire, another was a runaway, so he did nothing [18. P. 1062-1063].

Лексические и синтаксические буквализмы очевидны; из морфологических выделяются несоблюдения правила согласования времен, что нехарактерно для английского языка, хотя в ряде случаев – обычно в текущей периодике и публицистике – это и происходит. Тем не менее, Ричарду Певиру и Ларисе Волохонской нужно сказать большое спасибо за то, что они активно популяризуют русскую литературу, которую американцы в принципе не читают, но, благодаря переводам Певира и Волохонской, покупают охотно и, обычно не читая, ставят на полки в гостиной. Магия «культы личностей» переводчиков, генерируемая индустрией знаменитостей, неотразима.

Что касается киноперевода на английский язык, то это исключительно субтитровый перевод с его техническими и психофизиологическими ограничениями: 35-70 печатными знаками в кадре при скорости чтения в среднем на треть ниже скорости восприятия речи на слух [19. С. 247]. Трендовым можно считать посредственное качество субтитрового перевода, объясняющееся, с моей точки зрения, кустарно-случайным характером организации кинопереводов в США.

В сегодняшней России, как известно, перевод англоязычных фильмов почти исключительно закадровый, одно- или двухголосый. Русским эквивалентом Певира и Волохонской в кинопереводе является уже упоминавшийся Дмитрий Юрьевич Пучков (он же Гоблин). Переводы Гоблина и сам Гоблин приобрели культовый статус в России в силу их эпатажности и шокового эффекта. Начав со «смешных» переводов-пародий, полностью подменяющих текст оригинала, Гоблин тем самым привлек внимание массового любителя переводной видеопродукции к тому, насколько важен перевод для восприятия и понимания фильма. На этой волне за «смешными» последовали «правильные» переводы, создаваемые Гоблином в противовес переводам, которые он считает низкокачественными. Кредо Гоблина – «переводить мат матом, а где нет мата в оригинале, то его нет и в переводе» [20].

Вот небольшой пример стиля перевода Гоблина (прим. 3) из американского культового телесериала «Клан Сопрано» («запиканные» слова в показанном по ТВ-3 сериале в примере подчеркнуты) в сопоставлении с переводом, сопровождавшим фильм, показанный на НТВ (прим. 4):

Ralph: What the fuck? I can't believe you did this to me.	А, дерьмо! Я не могу поверить, что ты так со мной поступила.	Ну что за <i>х**ня</i> ?! Ты чё творишь-то, а?
Valentina: It was a joke, hon.	Это была просто шутка, дорогой.	Это была просто шутка, дорогой.
Ralph: There's nothing funny about it.	Здесь нет ничего смешного.	Ничего смешного не вижу.
Valentina: It's good luck.	Это приносит удачу.	Это хорошая примета.
Ralph: What?	Что?	Что?
Valentina: It's good luck to step in horseshit. Ask any horseperson.	Наступить в лошадиное дерьмо – это хорошая примета. Спроси кого угодно на конюшне.	Наступить в лошадиное говно – хорошая примета. Спроси кого угодно на конюшне.
Stable attendant: It's true.	Это правда.	Это правда.
Ralph: Then why aren't you, people, walking around all day looking for piles of horseshit to stomp around in?	Тогда почему я не вижу толпы туристов, гуляющих по округе в надежде вляпаться в свежий навоз?!	Ну так чё ж вы тогда целыми днями по говну не топчетесь?
Stable attendant: It only works if it's an accident.	Примета действует, только если это произошло случайно.	Примета действует, только если случайно.
Ralph: Fucking sick, all of you. Fucko, where's a hose? [21]	Да пошли вы все! Где здесь кран? [22]	Да вы тут все <i>е**анутые</i> . Слышь, <i>е**анько</i> , где здесь шланг? [23]

Несомненно, работа Пучкова представляет собой большой интерес с точки зрения сопоставительного анализа качества кинопереводов, являющихся одним из средств межкультурной коммуникации.

Оставляя вопрос перевода мата за кадром, необходимо признать, что в целом кинопереводы Гоблина отличаются высоким качеством и тонким чувством русского языка. Что же касается перевода мата, то его употребление в переводах Гоблина представляется чрезмерным, оно не всегда адекватно интенции говорящего, иногда искажает представление зрителя о социокультурной личности говорящего и, в целом, производит впечатление, что проблема перевода англоязычной обценной лексики сводится к ее механической замене широкоупотребительной обценной лексикой в русском языке, как если бы она одинаково воспринималась с экрана американским и российским зрителем. Короче говоря, перевод фильмов, как особый вид межкультурного дискурса, нуждается в дальнейших исследованиях не индивидуального характера, а дорогостоящих

исследованиях общенационального характера с целью идентификации культурных предпочтений определенных социокультурных групп.

В заключение следует сказать, что, несмотря на отмеченные в статье проблемы перевода, складывающиеся условия создания и распространения более качественных переводов как никогда благоприятны благодаря фантастическим информационным ресурсам Интернета, включая корпусные базы данных, а также широким возможностям практически моментального взаимодействия отдельных переводчиков, групп переводчиков-единомышленников и критиков перевода. Процесс уже идет. Физическое местонахождение переводчиков и критиков перевода перестает играть значительную роль. Перевод как сверхсложный вид межкультурной речевой деятельности постепенно перемещается в доступное для всех виртуальное пространство, становясь предметом активного анализа и критики.

Вместе с тем национальные особенности трендов, брендов и культов в переводе сохраняются. Так, к примеру, в России Гоблин стал возможен благодаря тому, что значительные слои общества готовы воспринимать ранее немислимую и абсолютно недопустимую на экране обценную лексику (пресловутый запретный плод), в то время как в Америке этим уже давно никого не удивишь. Кроме того, кино – и именно кино – в последнее время стало доминирующей средой массовой культуры, активно вытесняя художественную литературу.

Певир и Волохонская стали возможны в Америке благодаря доминированию массовой культуры «селебритократии» (“celebritocracy”), в которой ошибочно считается, что один или два человека (знаменитости, суперличности) в состоянии лучше всех других перевести всю русскую литературу. Следует подчеркнуть, что в массовой культуре Америки кино уже давно почти полностью вытеснило литературу, поэтому на литературном поприще двух суперзвезд перевода более чем достаточно. При этом, конечно, работа «переводчиков-рок-звезд» высоко оплачивается.

В Советском Союзе работа переводчиков – особенно членов Союза писателей – тоже очень хорошо оплачивалась, однако эта монополия «переводческой номенклатуры» давно разрушена. Художественным переводом в сегодняшней России занимаются

идеалисты-одиночки, обеспеченные люди (часто жены богатых мужей), халтурщики, мало что понимающие в переводе, но выдающие «на-гора» колоссальные объемы текстов, или же группы преданных делу профессионалов, объединенных общей работой на языковых кафедрах и кафедрах перевода или создавших свои творческие объединения типа школы Баканова или Союза переводчиков России. Открытым остается вопрос, формируется ли в России почва для широкомасштабного возрождения национальной школы перевода или же Россия пойдет в этой области по пути создания одиночек-знаменитостей.

Примечания

1. См. информацию о В.И. Баканове на сайте: <http://lib.rus.ec/a/43070>
2. См. информацию о переводчиках Школы Баканова на сайте: www.bakanov.org/translators
3. См. гоблиновский перевод данного эпизода для ТВ-3 без заблокированных частей текста на сайте: <http://www.youtube.com/watch?v=T0wRiNdRB7U>
4. «Клан Сопрано» был первоначально показан на канале НТВ в другом переводе (неизвестного переводчика). В этом варианте перевода заблокированных («запиканных») мест не было. В приведенной таблице перевод НТВ находится во второй колонке слева.

Библиографический список

1. Калашникова Е. По-русски с любовью. Беседы с переводчиками. М.: Новое литературное обозрение, 2008. 608 с.
2. Мосты. Журнал переводчиков. Москва: Р.Валент, №№ 1-29, 2004-2011.
3. Brown D. The Da Vinci Code. New York: Anchor Books, 2003. 489 p.
4. Браун Д. Код да Винчи / Перевод с английского Н.В. Рейн. М.: Издательство «Матадор», 2005. 542 с.
5. May R. The Translator in the Text: On Reading Russian Literature in English. Evanston, Illinois: Northwestern University Press, 1994. 209 p.
6. Venuti L. The Scandals of Translation: Towards an Ethics of Difference. London and New York: Routledge, 1998. 210 p.

7. Platonov A. *The Foundation Pit*. Translated by Robert Chandler and Jeffrey Smith. London: Harvill Press, 1994. 192 p.
8. Platonov A. *The Foundation Pit*. Translated by Robert Chandler, Elizabeth Chandler, and Olga Meerson. New York: New York Review of Books Classics, 2009. 208 p.
9. Sergay Timothy D. *New but Hardly Improved: Are Multiple Retranslations of Classics the Best Cultural Use to Make of Translation Talent?* Panel Presentation at the 48th Annual Southern Conference on Slavic Studies. Hilton University of Florida Conference Center, Gainesville, FL, 25-27 March 2010. 11 p.
10. Лермонтов М.Ю. Герой нашего времени. Предисловие // Электронный ресурс Интернет: <http://lib.ru/LITRA/LERMONTOW/geroi.txt>
11. Лермонтов М.Ю. Герой нашего времени. Княжна Мери // Электронный ресурс Интернет: <http://lib.ru/LITRA/LERMONTOW/geroi.txt>
12. Lermontov M. *A Hero of Our Time*. Trans. Vladimir Nabokov in collaboration with Dmitri Nabokov. Ann Arbor, MI: Ardis, 1988(© 1958). 232 p.
13. Lermontov M. *A Hero of Our Time*. Trans. Paul Foote. New York and London: Penguin Classics, 2001 (© 1966; rev., 2001). 208 p.
14. Lermontov M. *A Hero of Our Time*. Trans. Marian Schwartz. The Modern Library Classics. New York: Modern Library/Random House, 2004. 208 p.
15. Lermontov M. *A Hero of Our Time*. Trans. Natasha Randall. New York and London: Penguin, 2009.
16. Мосты. Журнал переводчиков. М.: Р.Валент, № 1(9) 2006. С. 18-34.
17. Толстой Л.Н. *Война и мир*. Собрание сочинений в 20 т. Т. 7. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1963. 495 с.
18. Tolstoy L. *War and Peace*. Translated from the Russian by Richard Pevear and Larissa Volokhonsky. New York: Alfred A. Knopf, 2007. 1273 p.
19. Baker M. (Editor). *Routledge Encyclopedia of Translation Studies*. London and New York: Routledge, 2005 (© 1998). 654 p.
20. Турпичок Гоблина // Электронный ресурс Интернет: www.oper.ru
21. *The Sopranos*. "Mergers and Acquisitions." Season 4, episode 8, disk 3. First broadcast on HBO in 2003. Brad Grey Television Production, DVD, 2002.
22. *Клан Сопрано*. Сезон 3, 4. DVD. Москва: ООО «Мега Видео», 2008.

23. Клан Сопрано. 3-4 сезон. DVD. Переводы Гоблина. Правильный перевод. Коллекционная серия. Москва: ООО "ICERecords," 2009.

Сведения об авторе

Бурак Александр Львович
профессор кафедры языков, литератур и культур,
Университет Флориды, США
Department of Languages, Literatures and Cultures
University of Florida, USA
E-mail: alburak@ufl.edu

УДК 811.111'255.2:82-141

ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДОВ ПСАЛМОВ ДЖОНА МИЛЬТОНА

М. Ю. Соколова

*Нижегородский государственный лингвистический университет
им. Н.А. Добролюбова, Нижний Новгород*

В XVII веке псалмы составляли важную часть протестантского богослужения и имели большое значение для Джона Мильтона. В течение тридцати лет он переводил псалмы и включил псалом 148 в эпическую поэму «Потерянный рай». Переводы псалмов Мильтона нельзя назвать переводами в буквальном смысле слова, они представляют собой поэтическое толкование литургического текста.

Ключевые слова: псалмы, переводы псалмов, синтаксически параллельные структуры, рифмованные строки, поэтическое толкование псалмов.

Psalms in John Milton's Translation

Marina Sokolova

In the 17th century Psalms made an important part of Protestant church services and were very important for John Milton. He gave thirty years of his life to translating Psalms and included Ps.148 in his epic poem "Paradise Lost." Milton's Psalms are not literal translations, but poetic interpretations of the liturgical text.

Key words: Psalms, translations of Psalms, syntactically parallel structures, rhymed verses, poetic interpretations of Psalms.

Псалмы, или духовные песни, входили и входят в состав любого христианского или еврейского богослужения и представляют собой отдельную книгу церковного обихода «Псалтирь» («The Psalms»). Слово «psalm» произошло от лат. «psalm-us», что означало «подергивание струн, звучание арфы, песня, исполняемая под арфу». Со временем значение слова свелось к обозначению песни, исполняемой на богослужениях, любой песни или гимна. Несмотря на то что автором псалмов считается библейский царь и пророк Давид, псалмы понимаются не только как образец личных поэтических произведений царя Давида, но и как часть культового поклонения в Израиле и этап формирования израильской псалмопевческой традиции.

Исследования литургических текстов говорят о том, что ни одну книгу Писания не цитируют так часто, как Псалтирь, а «частота, с которой Псалтирь цитируется в Новом Завете, показывает ее важность в жизни ранней церкви» [1. С. 285]. Возможно, поэтому

псалмы царя Давида представляли большую значимость для английского поэта-пуританина Джона Мильтона (John Milton, 1608-1674). В разные периоды жизни он обращался к данному литургическому тексту и делал поэтические переводы псалмов, которые в конечном итоге нашли отражение в его ключевом произведении – поэме «Потерянный рай» («Paradise Lost», 1667).

Особая значимость псалмов для Мильтона объясняется тем, что в Англии в XVII в. после реформы англиканской церкви и установления новой литургии пение псалмов становится важной частью протестантского богослужения (прим. 1). В этой связи важно отметить, что Милтон, принадлежавший к евангелической церкви, признавал исключительную роль Священного Писания, а человеческое «слово» воспринимал как «служение, приношение словесной жертвы, своего рода богослужение произнесением проповеднического слова» [2. С. 19]. Псалтирь для Мильтона-протестанта представляла собой некий свод нравственных правил, полученный от Бога через песни царя Давида, это – «книга отца сына Божия по плоти» [3. С. 1], или книга «родства Иисуса Христа сына Давидова» (Мф. 1;1).

Впервые к переводам псалмов Милтон обратился в студенчестве, в 1624 г. К этому времени в Англии уже почти сто лет была в обиходе «Книга общественных молитв», основной частью которой являлась Псалтирь, а за период 1600-1653 гг. вышло двести шесть полных рифмованных переложений Псалтири. Милтон перевел двадцать псалмов (1-8, 80-89, 114 (со своей версией перевода на греческий) и 136). В студенческую пору он перевел два псалма – 114 и 136, к переводам псалмов (1-8, 80-89) Милтон обращался в период активной политической деятельности, 1641-1660 гг. [4]. В 1667 г. в поэму «Потерянный рай» он включил псалом 148.

Переводы псалмов, к которым на протяжении тридцати лет неоднократно обращался Милтон, имеют общие поэтические закономерности и интересны тем, что их анализ позволяет глубже понять религиозно-философскую и художественную концепцию автора.

Современная герменевтика занимается толкованием религиозных текстов, соединяя богословский и филологический подходы (прим. 2). Подобное соединение опирается на постулат о том, что литературный жанр или стиль, в котором написан толкуемый

отрывок, «диктует правила языковой игры, то есть герменевтические принципы, в соответствии с которыми его следует понимать» [1. С. 16]. Такой подход очень близок литературоведческому пониманию жанра как группы произведений, обладающих определенным комплексом устойчивых свойств, как специфической группировки приемов, характерных для данного жанра, и как частных образований, существующих в пределах разных родов литературы (прим. 3), что позволяет применить его при анализе переводов псалмов Мильтона.

Один из ведущих специалистов в области герменевтики религиозных текстов Г. Осборн отмечает, что до середины XX века в переводах на английский язык таких образцов ветхозаветной поэзии, как Псалтирь, Притчи, Плач Иеремии, Песнь Песней и Книга Иова, поэтическую форму имела только Псалтирь [1. С. 286]. Он предлагает делить религиозные тексты на повествование, пророчество, апокалиптику, мудрость, притчу, послание, поэзию и относит псалом к жанру религиозной поэзии.

В религиозной сфере к поэзии обращались для выражения поклонения, объединяя народ с Богом и напоминая народу о его обязанностях перед Богом. Псалмы, переведенные Мильтоном, по своей тематике относятся к нескольким группам: псалмы 136, 3, 5, 7, 82 – псалмы-плачи, псалмы 80, 81, 84, 85, 87, 89, 1, 2, 4, 8 – песни празднования, псалмы 8, 83, 86 – хвалебные песни. Самым строгим с точки зрения перевода считается псалом 114, или «A Paraphrase on Psalm CXIV» (Перифраз псалма 114), как назвал его сам автор. Этот псалом является самым ранним студенческим переводом Мильтона. Следующие псалмы содержат довольно большие отступления от текста, в которых воплощается авторская идея о том, как должны быть прочитаны и поняты псалмы, то есть в переводах закладывается авторская идея толкования псалмов. Самые большие отступления присутствуют в переложении псалма 148, они сделаны с целью использовать его в тексте поэмы «Потерянный рай» в качестве молитвы Адама и Евы. Следовательно, черты сходства и различия в технике авторских переводов псалмов можно рассмотреть, проанализировав первый и последний псалмы, переведенные Мильтоном.

Согласно классификации Г. Осборна, псалмы 114 и 148 относятся к хвалебным песням, которые «наиболее близки к поклонению в чистом виде» [1. С. 299]. В отличие от стихотворения,

поэтичность псалма определяется не столько последовательностью ударений и количеством слогов в стихе, сколько параллельными структурами, а значение в псалмах выводится не из частей, а из целого, стихи не рифмуются между собой и имеют разное количество слогов и разную последовательность ударений. В переводе Мильтона стихи псалма 114, рифмующиеся по схеме «аа, бб», составляют 9 строк с мужской рифмой, написанных пятистопным ямбом.

Границы грамматических предложений в переводе Мильтона соответствуют делению на предложения псалма 114. Первое предложение псалма 114 включает два стиха, у Мильтона это предложение составляет шесть стихов (три строфы). Псалом 114: «1 When Israel came out of Egypt: // and the house of Jacob from among the strange people, 2 Judah was his sanctuary: // and Israel his dominion» [5. P. 466-467]. У Мильтона: «When the blessed seed of Terah's faithful son, / After long toil their liberty had won, / And past from Pharian fields to Canaan land, / Led by the strength of the Almighty's hand, / Jehovah's wonders were in Israel shown, / His praise and glory was in Israel known» [6. С. 520]. Обе части первого и второго стиха псалма 114 синонимичны по значению, но не параллельны синтаксически, однако сами стихи синтаксически параллельны друг другу. Вторые части обоих стихов уточняют значение, заложенное в первых частях стихов. У Мильтона стихи не параллельны ни синтаксически, ни по значению, но первые четыре стиха передают тот же смысл, что и первый стих псалма 114, а пятый и шестой стихи у Мильтона соответствуют второму стиху псалма 114.

Далее все стихи псалма 114 построены по принципу синонимического параллелизма, который состоит в том, что «вторая строка повторяет первую, будучи тождественной или сходной с ней по значению» [1. С. 288]. В переводе Мильтона, кроме седьмой строфы, ни грамматического, ни синонимического параллелизма нет.

В первом стихе псалма 114 под словами «Israel» и «the house of Jacob» понимается вышедший из Египта еврейский народ, а под словами «Egypt» и «the strange people» – египтяне. Во втором стихе псалма говорится о том, что земля иудейская («Judah» (Иудея), «Israel» (Израиль)) сделалась святыней Божьей, («his sanctuary», «his dominion»). Богоизбранность еврейского народа показана через противопоставление его, как народа Божьего, варварам и через название Иудеи страной, посвященной Богу. У Мильтона

израильский народ назван достойнейшим сыном земли (the blest seed of Terah's faithful son), ведомым рукой Всемогущего (Led by the strength of the Almighty's hand).

Второму предложению, занимающему один стих в псалме, соответствует предложение длиной в четыре стиха у Мильтона. Псалом 114: «The sea saw that, and fled: // Jordan was driven back» [5. P. 466-467]. В переводе Мильтона: «That saw the troubled sea, and shivering fled, / And sought to hide his froth-becurled head / Low in the earth; Jordan's clear streams recoil, / As a faint host that had received the foil» [6. С. 520]. Во втором предложении Милтон еще ярче подчеркивает могущество Творца. Морская стихия в страхе расступается (shivering fled), а затем смиренно покоряется (a faint host that had received the foil).

Следующий стих (третье предложение) в псалме соответствует предложению Мильтона в два стиха. Псалом 114: «The mountains skipped like rams: // and the little hills like young sheep». В переводе Мильтона: «The high, huge-bellied mountains skip like rams / Amongst their ewes, the little hills like lambs» [5. P. 466-467]. Здесь, показывая подчинение стихии Богу, Милтон усиливает пасторальный элемент. В 114 псалме расступающиеся горы сравниваются с баранами (rams), а холмы с молодыми овцами (young sheep). У Мильтона горы «отпрыгивают, как бараны» (skip like rams), а холмы как ягнята при овцах (like lambs amongst their ewes).

Пятый и шестой стихи псалма (два предложения) у Мильтона оказываются объединенными в два рифмующихся стиха. Псалом 114: «5 What aileth thee, O thou sea, that thou fleddest: // and thou Jordan, that thou wast driven back? 6 Ye mountains, that ye skipped like rams: // and ye little hills, like young sheep?» [5. P. 466-467]. В переводе Мильтона: «Why fled the ocean? And why skipt the mountains? / Why turned Jordan toward his crystal fountains?» [6. С. 521]. В переводе пятый и шестой стихи объединены, и их смысл передается грамматически параллельными конструкциями, таким образом, Милтон показывает стилистическое «нарастание», смысловой «пик» в псалме и тем самым «подсказывает» правильное его прочтение.

Последнее предложение, занимающее два стиха в псалме, у Мильтона занимает четыре стиха. Псалом 114: «7 Tremble, thou earth, at the presence of the Lord: // at the presence of the God of Jacob; 8 Who turned the hard rock into a standing water: // and the flint-stone into a

springing well» [5. P. 466-467]. В переводе Мильтона: «Shake, Earth, and at the presence be aghast / Of him that ever was, and aye shall last / That glassy floods from rugged rocks can crush, / And make soft rills from fiery flint-stones gush» [6. С. 521]. Призыв трепетать перед Господом (Tremble, thou earth; Shake, Earth, and at the presence be aghast), превращающим «несекомые камни» (flint-stones) в водные источники (a springing well; soft rills) разрешает напряжение предыдущей части псалма.

Анализ перевода псалма 114 четко указывает на то, что версия Мильтона, построенная на соблюдении метrorитмического рисунка и рифмовке строк, является не прямым переводом псалма 114, а «поэтическим толкованием» данного религиозного текста. Такой стиль переложения текстов псалмов в поэтическую форму свойствен всем псалмам, которые переводил Милтон, и особенно ярко проявляется в переработке текста псалма 148, включенного в поэму «Потерянный рай».

В поэме молитва Адама и Евы, возносимая Богу, является ответным словом Творцу мироздания, который находится в постоянном взаимодействии с человеком – Божье слово доносят архангелы и ангелы, Бог общается с человеком посредством Природы, отражающей гармонию мироздания и связь Творца и твари.

Христианская молитва первых людей, звучащая на фоне пасторальных декораций, возносится каждое утро и каждый вечер, что придает укладу жизни Адама и Евы черты христианской общины, а в качестве текста молитвы Милтон использует литургический язык – текст псалма 148. То есть молитва в Эдеме не просто совершается в те же часы, что приняты в молитвенной практике христиан (утром и вечером), но и по определенным литургическим правилам.

Сам «текст» молитвы в произведении приводится, только когда герои живут в Раю и находятся в блаженном состоянии. Подобно тому, как «у святых есть обыкновение, по чувству великой признательности и стремления к благодарности, когда намерены благодарить Бога, приглашать и других сообщников к содействию им в сем добром и должном служении благодарением» [3. С. 402], Адам и Ева призывают оба мира – горний и дольний, умственный и чувственный – молиться с ними.

Текст псалма 148 представляет собой призыв возносить хвалы Богу, направленный ангелам, солнцу, луне, природным стихиям и

всем живым существами. Важно отметить, что от земли призываются звери и люди: сначала короли, потом все остальные – молодые, старики, дети: «11 Kings of the earth and all people: princes and all judges of the world; 12 Young men and maidens, old men and children, praise the Name of the Lord» [5. P. 506].

В переложении Мильтон сохраняет ту часть псалма, где призыв восхвалять Господа относится к ангелам – миру небесному, и к Природе. Версия Мильтона заканчивается обращением ко всем живым существам, к которым, без сомнения, относятся люди, но отдельно это обращение не выделено. Тем самым подчеркивается связанность Бога и первых людей через Природу.

Между текстом молитвы Адама и Евы в райском саду «Потерянного рая» и псалмом 148 нет построчного соответствия. Например, первому стиху псалма соответствуют два грамматических предложения в семь строк, второму стиху предложение в шесть строк. В первом стихе псалма содержится призыв хвалить Господа на Небесах, а во втором стихе призыв возносить хвалы Богу обращен к ангелам. Мильтон сохраняет эту последовательность. Но первые два предложения обращены не к Небесам: «1 Praise the Lord of Heaven: praise him in the height» [5. P. 506], а к самому Богу и восхваляют Его деяния: «These are thy glorius works, Parent of good» [6. C. 181].

Мильтон называет Бога «parent of good» (отец добра), «almighty» (всемогущий), «wondrous» (дивный). В обращении к ангелам он следует тексту псалма: «Speak ye who best can tell, ye songs of light» [6. P. 181]. Далее призыв восхвалять Господа обращен к звездам, к луне, к солнцу: «Fairest of stars, last in the train if night. <...> Thou sun, of this great world both eye and soul. <...> Moon that now meet'st the orient sun» [6. P.181].

Третьему стиху соответствуют четырнадцать строк в тексте Мильтона, которые содержат три предложения. В псалме 148 Бога восхваляют солнце, луна и звезды: «3 Praise him, sun and moon: praise him, all ye stars and light» [5. P. 506]. Мильтон также обращается в одном предложении к звездам, во втором – к луне, в третьем – к солнцу: «Fairest of stars, last in the train if night. <...> Thou sun, of this great world both eye and soul. <...> Moon that now meet'st the orient sun» [6. C. 181].

Начиная с четвертого стиха Мильтон перестает строго следовать тексту псалма 148, а передает лишь его общий смысл. Вместо

обращения к небу: «4 Praise him, all ye heavens: and ye waters that are above the heavens» [5. P. 506], Мильтон обращается к четырем первостихиям: «Air, and ye elements the eldest birth / Of nature's womb» [6. P. 181-182]. Далее призыв возносить хвалебную молитву Господу обращен к туманам и ветрам, что соответствует восьмому стиху псалма: «8 Fire and hail, snow and vapours: wind and storm fulfilling his world» [5. P. 506], следующий призыв направлен ко всем существам, живущим на земле, в воде и на небе, что соответствует седьмому и десятому стихам псалма 148: «7 Praise the Lord upon earth: ye dragons, and all deeps; 10 Beasts and all cattle: worms and feathered fowls» [5. P. 506].

Последние строки переложения Мильтона полностью расходятся с текстом псалма. Псалом заканчивается призывом восхвалять Бога на небесах и на земле: «13 All his saints shall praise him: even the children of Israel, even the people that serveth him» [5. P. 506]. Мильтон не выходит за рамки пасторального мира, и его христианское обращение к Всевышнему заканчивается просьбой дарить добро и упразднить зло: «Hail, universal Lord, be bounteous still / To give us only good; and if the night / have gather'd aught of evil, or conceal'd, / Disperse it, as now light dispels the dark» [6. P. 182].

Несмотря на то что автор сохраняет белый стих и пятистопный ямб, молитва Адама и Евы «выпадает» из общего метроритмического строя поэмы. Мильтон использует синтаксически параллельные предложения: «Acknowledge him thy greater, sound his praise» [6. P. 181], что характерно для религиозной поэзии и сближает звучание «молитвы» со звучанием псалмов во время христианского богослужения. А христианская молитва, произнесенная в пасторальном саду, соединяет «античное» и «христианское» в творчестве Мильтона.

Несмотря на то что в предисловии к переводам псалмов Мильтон писал: «Nine of the Psalms done into metre, wherein all, but what is in a different character, are the very words of the text, translated from the original» [6. P. 505] («Девять переложены в рифму, при этом все они, хотя написаны в разной форме, являются точным текстом, переведенным с оригинала»), его переводы псалмов нельзя назвать «переводами» в буквальном смысле этого слова — они являются поэтическим толкованием псалмов, отражающими религиозную и этическую концепцию автора.

Примечания

1. Псалмы активно переключаются в рифмованные строфы, удобные для пения, композиторы пишут музыку для псалмов, и в «обновленном» виде псалмы входят в церковный обиход при королеве Елизавете. В 1558 г. была восстановлена (по версии 1552 г.) и разослана по церквам «Книга общественных молитв» – богослужебная книга, основной задачей которой было приблизить богослужение к типу, выработанному еще древними отцами Церкви, и отвести больше места в богослужении Священному Писанию. «Книга общественных молитв» начинается с предписания, как следует совершать богослужение, далее по дням расписываются чтения и псалмы. См.: Егер О. Всемирная история в 4-х т. Т. 3. Новая история. М., 2000. См. также: [1].

2. Известными учеными в области герменевтики также являются: Е.Д. Гирш, Дж.А. Байрд, Д.Л. Бейкер, Т. Лонгман.

3. В.Е. Хализев, Б.В. Томашевский, Г.Н. Пospelов, Р. Уэллек, О. Уоррен и др. В определении жанра Г.Р. Осборн следует за Р. Уэллеком и О. Уорреном: «Жанром можно считать группу литературных произведений, в которых теоретически выявляется общая «внешняя» (размер, структура) и «внутренняя» (настроение, отношение, замысел, иными словами – тема и аудитория) форма». Цит. по: Уэллек Р., Уоллер О. Теория литературы. М., 1978. С. 248. См. также: [1. С. 299]; Wellek R. Warren A. Theory of Literature. New York: Harcourt, Brace and World, 1977. В книге «Герменевтическая спираль» Г.Р. Осборн говорит, что наличие жанра является важным моментом в обсуждении того, можно ли установить исходное значение, заложенное автором. Всякий писатель излагает свое послание в определенном жанре, предоставляя, таким образом, читателю определенные правила для расшифровки своего послания. Эти подсказки направляют читателя и служат ключами к толкованию» [1. С. 17]. Е.Д. Гирш называет исходное значение, заложенное автором, «внутренним жанром» (Hirsch E.D. Validity in Interpretation. New Heaven, 1967).

Библиографический список

1. Осборн Г.Р. Герменевтическая спираль: общее введение в библейское толкование. Одесса, 2009.

2. Плисов Е.В. Функционально-стилистическое своеобразие типа текста «Andachtsbuch» // Научный вестник Воронежского государственного архитектурно-строительного университета. Серия

«Современные лингвистические и методико-дидактические исследования». Вып. 2(14). Воронеж: ВГАСУ, 2010. С. 17-24.

3. Зигабен Е. Толковая Псалтирь. Киев, 1882.

4. Johnson S. Life of Milton. Ed by J. Lynch / Библиотека Д. Линча

// Электронный ресурс Интернет: <http://extra.shu.ac.uk/emls/emlsetxt.html>

5. The Book of Common Prayer. L., 1571.

6. Milton J. The poetical works of John Milton. L. and N. Y., 1889.

Сведения об авторе

Соколова Марина Юрьевна
кандидат филологических наук,
доцент кафедры второго иностранного языка
НГЛУ им. Н.А. Добролюбова
E-mail: horseshoe@inbox.ru

ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ТЕКСТ НА ПЕРЕСЕЧЕНИИ КУЛЬТУР

УДК 821.133.1(494)(091)

ТРАДИЦИИ И НОВАТОРСТВО В ТВОРЧЕСТВЕ КОРИННЫ БИЙ

К.А. Ковалев

*Нижегородский государственный лингвистический университет
им. Н.А. Добролюбова, Нижний Новгород*

В статье рассматриваются особенности поэтики ранней прозы швейцарской франкоязычной писательницы XX века Коринны Бий на примере ее первого романа «Теода». Изучается следование автора французской классической традиции и традиции национальной швейцарской литературы. Отмечается новаторство Коринны Бий в изображении национального женского характера.

Ключевые слова: полинациональность, межлитературная целостность, точка бифуркации, местный колорит, национальный дух.

Tradition and Innovation in Corinna Bille's Work **Kirill Kovalev**

The article looks at the poetics of the early prose by Corinna Bille, a French-speaking Swiss woman author of the 20th century, focusing on her first novel "Theoda." It discusses the writer's background in both the French classical tradition and the tradition of the national Swiss literature and demonstrates the innovative nature of Corinna Bille's work in its representation of the national female character.

Key words: polynationality, interliterary integrity, bifurcation point, local colour, national spirit.

Россия традиционно интересовалась культурой Западной Европы и, прежде всего, культурами Франции, Германии и Италии. Интерес этот очевиден и сегодня. Однако список европейских государств в последнее время значительно пополнился за счет Испании, Греции, Португалии и, главным образом, Швейцарии, которая продолжительное время находилась на периферии научного и культурного интереса.

Вместе с тем, Швейцарская Конфедерация служит ярким и в то же время достаточно редким примером страны, которая, несмотря на характерную для нее игру центробежных и центростремительных сил,

смогла «обеспечить в рамках единого государства мирное сосуществование не просто разных народностей, но народностей, отделившихся от крупнейших европейских этносов и продолжающих испытывать сильнейшее духовное тяготение к своим метрополиям» [1. С. 5]. Такая языковая общность и близость культур французской, немецкой и итальянской Швейцарии с культурами Франции, Германии и Италии соответственно сделали ее «центром притяжения» для современных европейских и российских исследователей.

Подобная «полинациональность» культуры Швейцарии организует ее литературу в некую «межлитературную целостность», в которой одно из ключевых мест отводится франкоязычной, или романдской, литературе. К числу наиболее известных и ярких представителей литературного мира франкоговорящей Швейцарии в разные эпохи относились Теодор де Без и Жан-Жак Руссо, Анри Фредерик Амьель и Шарль-Фердинан Рамю.

Между тем, среди других авторов XX столетия, равных по силе влияния на читателя и художественному таланту, можно также отметить Коринну Бий (Corinna Bille; 1912–1979), ставшую сегодня классиком. Для России она интересна не только тем, что наследует многовековые традиции французской и национальной швейцарской литературы, но еще и своими «русскими» поэмами, рассказами и романами [2; 3]. Ее творчество было по достоинству оценено во Франции Гонкуровской премией 1975 года за сборник новелл «Дикарка». У себя же на родине Коринна Бий считается одной из крупнейших романдских писательниц второй половины XX века, «ореол творчества которой распространился далеко за пределы Швейцарии» [4. Р. 129].

В монографии Жильберты Фавр «Коринна Бий: правдивая сказка ее жизни», которая служит основным источником информации об авторе, наблюдается ярко выраженная тенденция связать творчество писательницы с ее автобиографическими данными. Особое внимание обращается, главным образом, на детство и юношеские годы художника. При всей спорности подобного подхода, в случае с Коринной Бий он имеет определенный смысл, так как во всех произведениях автора ощутим лирический компонент. Ее поиски себя в кино и театре, музыке и танце, живописи и коммерции не остались только фактами личной биографии. Исповедаально-

лирический биографизм послужил тем связующим элементом, который объединяет творчество Коринны Бий в некую целостную систему, где ни одна из книг не может быть опущена без ущерба для общего смысла ее художественного мира. Вслед за Марселем Прустом и Франсуа Мориак Коринна Бий могла бы сказать, что всю свою жизнь писала одну большую книгу, «бесконечный роман», как его назвал однажды Франсуа Мориак.

Литература очень рано вошла в детский мир будущей писательницы. Детство свое Коринна Бий провела в Сьерре, «в просторном доме-замке, маленьком гостеприимном королевстве, куда наезжали друзья ее отца – известные писатели Ромен Роллан, Пьер Жан Жув, Панаит Истрати» [5], художественные произведения которых окажут очевидное влияние на романное творчество формирующегося литератора.

Однако более активно интересоваться художественной литературой Коринна Бий начинает в возрасте шестнадцати лет. Среди прочих, ее увлекают произведения Шарля-Фердинана Рамю и Поля Клоделя, которого французская литературная критика признала в свое время «французским Шекспиром». Но особенно близким и понятным для Коринны Бий становится творчество Алена-Фурнье и его единственный роман «Большой Мольн», который предстает в сознании читателей как «грустный и поэтический рассказ об одной необыкновенной любви, которая не привела героев к счастью, но озарила их жизнь и сформировала их душу, задев и тех, кто был только ее свидетелем» [6. С. 103]. Вскоре она понимает, что вся ее жизнь будет связана с литературой. Вот как описывает эту «точку бифуркации» в своей биографии сама Коринна Бий: «Всего за одну ночь я решила стать писательницей. Это была ночь накануне сражения. Неистовая сила моего желания и моя радость не давали мне уснуть до самого утра» [4. Р. 33].

Тем не менее, Коринна Бий продолжает обучение. В 1928 году она поступает в школу коммерции «Бюиссоне» в Сьерре, которую оканчивает с отличием два года спустя. Полностью свое образование будущая писательница завершит годом позже, в 1931 году, после посещения уроков немецкого языка в Высшей школе для девушек и литературных курсов Политехнической школы в Цюрихе, которые позволят ей в дальнейшем приобщиться к литературной традиции немецкоязычной Швейцарии и намного лучше понять ее

представителей. По возвращении обратно в родную Лозанну для Коринны Бий начинается полноценная карьера писательницы, логическим завершением которой станут впоследствии шесть романов, среди которых особое место занимает роман «Теода». Его можно назвать своеобразным дебютом Коринны Бий, ее первой крупной работой, в которой, тем не менее, в зерне содержится основная концепция всего ее творчества.

Книга выходит в свет в 1944 году в издательстве «Порт де Франс», в котором в свое время публиковался Поль Элюар [7]. Роман сразу же был высоко отмечен как читателями, так и критиками, заметившими, что Коринне Бий удастся мастерски синтезировать в своем творчестве традиции французских классиков, Бальзака и Флобера, с «особым взглядом» на роман своих соотечественников, привыкших искать в швейцарской литературе так называемый «местный колорит» (*couleur locale*). При этом писательница также не обходит стороной интерес современного читателя к человеческой психологии и ее особенностям.

Следуя литературной традиции реалистов XIX века, Коринна Бий выбирает сюжетом своего первого романа любовный треугольник, развязка которого приводит в дальнейшем к супружеской измене и неизбежной смерти главных героев произведения. Повествование в романе для объективности изложения передоверяется семилетней Марселине, которая наблюдает и рассказывает жизнь своей семьи и семьи своего старшего брата Барнабе, недавно женившегося на девушке по имени Теода, родом из соседней деревушки.

Однажды Марселина становится случайной свидетельницей измены Теоды. Но автор акцентирует свое внимание не на самом факте адюльтера главной героини романа, а на исследовании реакции ребенка на совершенное предательство со стороны взрослых. Марселина пытается раскрыть глаза своему брату, который в итоге становится жертвой любовников, Теоды и Реми, при посредничестве их общего друга Марсьена. Преступление, в конечном счете, будет раскрыто, а виновные понесут суровое наказание. Однако Коринну Бий интересует не только и не столько само обстоятельство измены и убийства, сколько мир детской души и ее взаимоотношения с жестоким и циничным миром взрослых. Как и в творчестве многих ее современников – французских писателей, питавших особый интерес к

этой тематике, а именно Алена-Фурнье, Сидони-Габриэль Колетт, Франсуа Мориака, Жоржа Бернаноса и др., реальный мир воспринимается как некая угроза для детской души со стороны «хищников», готовых ее развратить. Подобно героям Колетт из романа «Ранние всходы» и книги Мориака «Подросток былых времен», Марселине в романе «Теода» предательство ее близких приносит душевное страдание, требующее от нее непосильного для ее возраста морального напряжения. И только лишь сквозь призму восприятия ребенка подобный факт адюльтера лишается всякой банальности и обыденности, обретая в этой связи хоть какой-либо нравственный смысл.

Основой сюжета романа становится конкретное происшествие, довольно широко освещаемое в прессе именно в силу своей необычной и не характерной для Швейцарии жестокости. Речь идет о реальном случае, произошедшем в Вале сто лет назад. 28 февраля 1842 года состоялась последняя смертная казнь в кантоне. Трое молодых людей, Мари-Терез Франье, ее любовник Бартелеми Жори и их общий друг Франсуа Ре, были приговорены к смерти за убийство Николая Франье [7].

Однако подобный ход в построении фабулы художественного произведения не является новым для литературы XX века и даже для литературы века предыдущего. Напротив, он считается, в некоторой степени, классическим и хорошо апробированным, так называемым «ходом от процесса», когда сюжет романа или истории вырастает непосредственно из судебной хроники. В этой связи Коринна Бий может считаться ученицей Оноре де Бальзака и Фредерика Стендаля. Но особенно импонирует писательнице опыт Франсуа Мориака, чей цикл романов и новелл о Терезе Дескейру также основан на судебном разбирательстве. В 1930 году в Париже проходил громкий процесс по делу некой Фавр-Бюль, жестоко убившей своего любовника и соперницу. Франсуа Мориак реагирует на него довольно объемным эссе «Дело Фавр-Бюль» [8], которое, в определенной степени, подводит итог первому роману о Терезе Дескейру и как бы предопределяет его второй роман, вышедший под заглавием «Конец ночи». Как отмечает З.И. Кирнозе, «в завершающих фразах «Дела» изложена концепция истории о Терезе» [9. С. 80].

Использование похожего литературного приема открывает перед Коринной Бий сразу две потенциальные возможности. Во-

первых, это так называемый «повод», то есть наличие у автора определенного реального события (происшествия) или целой цепочки связанных между собой реальных событий (происшествий), которые впоследствии значительно перерабатываются, переосмысляются писателем в художественном отношении и, обрастая с каждым разом все новыми деталями и нюансами, выстраиваются таким образом в цельный и органично структурированный сюжет, содержащий авторскую интенцию. И, во-вторых, это прямой ход к человеческой (чаще женской) психологии, когда реальные люди со своими тайными мыслями, чувствами и переживаниями становятся прототипами для литературных героев, в характере и поведении которых угадываются в дальнейшем те или иные их свойства и черты.

Задача автора в романе «Теода» заключалась, прежде всего, в том, чтобы представить в национальной литературе масштабный женский характер, сформированный не только языком и культурой стран, оказывающих на Швейцарию непосредственное влияние, но и самобытной природой, климатом, нравами и обычаями ее родины. Их описание занимает значительную часть романа и позволяет придать главной героине черты национального швейцарского духа.

Уже само появление Теоды в деревушке выводит десятилетиями и даже столетиями существовавший уклад жизни ее населения из привычного равновесия. С самых первых аккордов автор акцентирует внимание читателя на том, что перед ним вовсе не простая девушка, как это могло бы показаться на первый взгляд. В образе и характере главной героини романа кроется некая загадка, интрига, которая, подобно пазлу, выстраивается постепенно, по мере того как ее жизнь разворачивается на глазах читателей. Так, спустя какое-то время после переезда Теоды к своему мужу Барнабе, жители деревни стали замечать, что девушка имеет определенную склонность к чрезмерным тратам, заказывая, к примеру, очень дорогую и причудливую мебель. Была Теода оригинальной и в подборе своего гардероба, отдавая предпочтение более насыщенным, а, подчас, даже кричащим тонам, в отличие от самих обитателей деревушки Терруа. В особенности это проявляется во время ее воскресных походов в церковь: «Платок с арабесками ярко-красного оттенка подобно цветку распускался на ее плечах, передник издавал странные музыкальные звуки, слегка касаясь скамейки, возле которой она становилась на колени; на ее

шляпе, с такими же, но слегка более изогнутыми полями, чем наши, (...) громоздились метры ленточек» [7. Р. 30].

Однако кроме выдающейся внешности, которой восхищаются в деревне все жители без исключения, как мужчины, так и женщины, Теода, подобно всякому романтическому герою, обладает страстной натурой. Ее жизнь описывается в кульминационные моменты, когда страсть пылает, а разум не действует. Жизненный путь главной героини не богат событиями, основной акцент переносится на его чувственную сторону, так называемую «историю сердца», которой становится в романе неземная любовь Теоды к Реми: «Она была способна на гораздо более сильную любовь, чем другие, на гораздо более сильное проявление храбрости, но ее богом был не Бог, это был человек» [7. Р. 97].

Тем не менее, этому чувству не суждено было длиться долго. Отношения молодых людей заходят так далеко, что их становится невозможно больше скрывать. Деревушка постепенно наполняется разного рода слухами и сплетнями. А спустя некоторое время появляются жандармы и сообщают об убийстве, которое совершили влюбленные. Но даже перед лицом приближающейся смерти, Теода все равно остается верной себе, несмотря ни на что: «Она надела свое самое красивое платье и шагала своей привычной походкой <...>. Одной рукой она приподнимала юбку, чтобы не испачкать ее в пыли, и этот жест возвышал ее саму, всю без остатка, над окружающей ее толпой» [7. Р. 181].

В этой давно забытой истории о преступной любви Коринну Бий привлек, прежде всего, масштаб главной героини, которая вопреки всему смогла сохранить самобытность в патриархальной швейцарской деревушке и по-шекспировски восприняла смертный приговор. В национальной литературе это была, пожалуй, одна из первых попыток показать всю сложность и многогранность мира женской души.

Таким образом, в своем первом романе Коринна Бий не скрывает, а, может быть, даже подчеркивает преемственность французским классическим образцам, обретая при этом собственные интонации и привнося в свою прозу национальный колорит.

Библиографический список

1. История швейцарской литературы: Научное издание в 3 т. / В.Д. Седельник (отв. редактор), А.Г. Вишняков, Н.С. Павлова. М.: ИМЛИ РАН, 2005. Т. III. 816 с.
2. Bille Corinna. La Rus, Russie! Lausanne: Editions Empreintes, 1995. 101 p.
3. Bille Corinna. Les Invités de Moscou. Vevey: L'Aire bleue, 2001. 183 p.
4. Favre Gilberte. Corinna Bille, le vrai conte de sa vie. Lausanne: Editions Z, 1999. 174 p.
5. Морис Шаппа о Стефани Коринне Бий // Электронный ресурс Интернет: www.biy.net.ru/lib/ar/author/74
6. Владимирова А.И. Франция на рубеже XIX и XX веков: Литература, живопись, музыка, театр. СПб.: Изд-во Санкт-Петерб. ун-та, 2004. 150 с.
7. Bille Corinna. Théoda. Lausanne: Plaisir de Lire, 2008. 197 p.
8. Мориак Ф. Не покоряться ночи: Худож. публицистика / Пер. с фр. Предисл. В.Е. Балахонова. М.: Прогресс, 1986. 432 с.
9. Кирнозе З.И. Россия и Франция: диалог культур. Статьи разных лет: Сборник научных трудов / Сост. В.Г. Зусман, К.Ю. Кашлявик, С.М. Фомин. Нижний Новгород: НГЛУ им. Н.А. Добролюбова, 2002. 272 с.

Сведения об авторе

Ковалев Кирилл Александрович
аспирант кафедры зарубежной литературы
и теории межкультурной коммуникации
НГЛУ им. Н.А. Добролюбова
E-mail: conquistador88@mail.ru

УДК 821.111(091)

СТАНОВЛЕНИЕ ЛИЧНОСТИ ЭНН БРОНТЕ КАК ХУДОЖНИКА

Е.А. Полякова

*Нижегородский государственный лингвистический университет
им. Н.А. Добролюбова, Нижний Новгород*

Статья посвящена становлению английской писательницы викторианской эпохи XIX века как личности и как художника (семья, окружение, эпоха, образование, религиозные взгляды, любовь, возраст и опыт). Вводится в обиход понятие религиозного кризиса Энн Бронте. Становление мировоззрения рассматривается постепенно на разных стадиях в рамках биографического метода. Показываются причины сознательного выбора Энн Бронте быть другой по отношению к ее сестрам как в личностном аспекте, так и в творчестве. Исследуется преломление биографических фактов жизни в творчестве писательницы.

Ключевые слова: викторианская эпоха, сестры Бронте, окружение, религиозный кризис, творчество Энн Бронте, роман, реализм, романтизм.

Anne Brontë: Emergence of an Artist **Elena Polyakova**

The article studies the emergence of Anne Brontë as an English Victorian writer of the 19th century and looks at the factors that particularly influenced her development as a person and as an artist (family background, environment, historical period, education, religious beliefs, love, age and experience), thus focusing on how the facts of Anne Brontë's biography influenced her creative work. Using the biographical method, the paper describes the gradual development of Anne Brontë's outlook through the different stages of her life, introducing the concept of a religious crisis in her life and presenting the reasons behind Anne Brontë's conscious choice to be different from her sisters, both in terms of her personality and her writing.

Key words: Victorian age, Brontë sisters, environment, religious crisis, Anne Brontë's fiction, novel, realism, Romanticism.

Биография Энн Бронте (1820-1849), английской писательницы первой половины XIX века, хорошо изучена. К описанию основных фактов ее жизни обращались многие исследователи, интересующиеся семейством Бронте: Б. Филлис, У. Джерин, Т. Иглтон, Х. Ада, С. Дерек, Т. Уинифриф, Э. Чифам, Э. Ленгланд, М. Фролей, Н.П. Михальская и другие. Задача данной статьи – соединить биографию и творчество Энн Бронте, проследить их взаимообусловленность и взаимосвязи. С этой целью необходимо

проанализировать процесс развития ее как личности и как писателя во взаимодействии и взаимоопределении.

Литературное творчество Энн Бронте на протяжении многих лет рассматривалось только в контексте ее более известных сестер, Шарлотты и Эмили. И очень часто вместо признания оригинальности и отличительных черт ее произведений литературные достижения Энн воспринимались как бесцветная тень творчества ее сестер. Это мешало оценить по достоинству произведения писательницы, отдать должное ее уникальной манере творить. Чтобы понять, почему это происходило, нужно изучить обстановку семьи Бронте и сравнить Энн с сестрами, а также рассмотреть условия, в которых формировалось мировоззрение будущей писательницы, прокладывался собственный, отличный от сестер путь творчества, изучить факторы и причины, повлиявшие на становление ее личности, интересов, характера. Другими словами, чтобы выявить отличия сестер, нужно рассмотреть стадии развития всех трех и проанализировать жизненные и творческие приоритеты в разное время. Непохожесть сестер абсолютно естественна и оправдана, она связана с различием в мировоззрении, в неоднозначном влиянии одних и тех же условий на развитие их личностей. Этим объясняется то, что три талантливых человека по достижению зрелости написали очень разные типы романов, часто к неудовольствию друг друга.

Справедливым кажется утверждение Э. Ленгленд о том, что болезнь и смерть матери стали для семьи Бронте большим потрясением и во многом определяющим фактом [1. С. 3]. Это событие сильно отразилось на эмоциональном развитии детей. Вначале казалось, что смерть матери сблизила детей в семье, но это было только внешнее впечатление. Внутренне она разделила детей, так как заставила их выполнять определенные, отличные друг от друга роли, и при этом лишила объединяющей силы материнской любви и участия. Каждый из детей принял на себя свою долю ответственности за себя и за семью. Это обстоятельство способствовало изоляции взрослеющих сестер и брата. У Энн потеря матери вызвала стойкое чувство вины, с которым она боролась на протяжении всей жизни эмоционально и интеллектуально [1. С. 4]. Это чувство вины помогло младшей дочери воспитать в себе ответственность, стремление достичь определенных результатов, чтобы быть успешной и независимой. Смерть матери и разобщение

семьи вызвали в Энн живое недоверие к романтическому позерству и пристрастие к суровому реализму. В этом она отличалась от сестер.

Э. Ленгланд предполагает, что именно в болезни и смерти матери коренятся разрушительное ощущение греха и озабоченность идеей избранности и отверженности одновременно, с которыми сплелись идеи предопределения, спасения и проклятия. Энн больше других детей в семье была склонна соотносить свой жизненный опыт и поступки с божественным планом. Из всех четверых она больше всего страдала от ощущения личностной несостоятельности, того, что она не достойна спасения [1. С. 5].

У. Джерин в своей биографии Энн Бронте возложила ответственность за сформировавшийся у Энн комплекс личностного несоответствия, а также озабоченность доктриной спасения и проклятия на мисс Бренуэлл, старшую сестру матери, которая пыталась хотя бы частично заменить умершую детям [2. С. 33]. Однако, по мнению Ленгланд, такая интерпретация противоречит действительности, ибо сама мисс Бренуэлл принадлежала к методистской церкви. Будучи последовательницей лидера методистского движения Уэсли, она исповедовала искупление грехов для всех, в противоположность кальвинистским методистам, которые пророчили искупление только для избранных. Воспитываясь в кругу священнослужителей, дети Бронте были в курсе теологических споров. Решающим фактором, повлиявшим на формирование религиозного мировоззрения будущей писательницы, Э. Ленгланд считает факт рождения в тот момент, когда мать, естественная основа ее мира, центр внимания и развития ее личности, ушла из жизни [1. С. 6-7]. Отсюда чувство незащищенности, сомнения и особенного интереса к вопросам жизни после смерти. Эта тенденция еще глубже укрепилась в ее сознании после смерти старшей сестры Марии, которая имела большое влияние на Энн.

Автобиографическое стихотворение «Самопричастие» дает подтверждение такой интерпретации формирующих сил юной личности. Энн обобщает свои детские впечатления: “a helpless child,/ Feeble and full of causeless fears,/ ... finding in protecting love/ Its only refuge from despair”. Она осознает основы для своего чувства беспомощности, описывая вселенную как место, где правда не правит миром: “where truth maintains so little sway, / Where seeming fruit is bitter dust, / And kisses oft to death betray” [3. С. 51].

Физическая слабость Энн с раннего детства, болезненность и подверженность простудам позволила родным, в частности Шарлотте, подсознательно сделать вывод о слабости характера и невысоких умственных способностях Энн. Но Энн проявила себя самой наблюдательной, логичной, реалистичной, а в некоторых ситуациях – упорной, решительной и смелой. Даже в раннем возрасте, когда ее спросили, чего больше всего не хватает такому ребенку, как она, Энн удивила всех своим ответом: «возраста и опыта». Мудрости и опыта она искала в том большом мире, который стал основой для серьезных и глубоких размышлений, а в дальнейшем – художественных произведений. Кульминацией этих раздумий и умозаключений становится желание покинуть пустоши Хоуорта и вернуться к морю, чтобы быть похороненной около него.

Для определения истинного места Энн Бронте в кругу сестер необходимо уточнить этапы ее становления, которые привели к воспитанию независимого духа, к осознанному выбору быть другой, отличной от остальных сестер. Особо выделяется полный событиями 1824 год. Весной в семейство Бронте переехала жить тетушка Бренуэлл, сестра матери. Старшие сестры Мария и Элизабет отправились учиться в школу Коуэн Бридж, позже к ним присоединились Шарлотта и Эмили. Энн осталась дома одна с братом Бренуэллом, обучением которого занялся мистер Бронте. Преимущество этой ситуации для Энн было в том, что она вместе с Бренуэллом выучила латынь и достигла в ней больших успехов.

Попытка брата посещать грамматическую школу Хоуорта закончилась неудачей, как и многие другие его начинания. Энн была достаточно взрослой, чтобы осознать эту неудачу и понять ее основные причины. Разница в образовании мальчиков и девочек и ужасные последствия для обоих полов – предмет, к которому обращается Энн в романе «Незнакомка». Вообще свидетельств близкой дружбы между Энн с Бренуэллом нет. Если предположить, что Бренуэлл был достаточно чувствителен и заметил молчаливое осуждение младшей сестры, то это может объяснить презрительную оценку, данную Энн братом в 1834 году: “Anne is nothing ... next door to an idiot”. Хотя братское высокомерие выражалось в критике всех сестер, в случае с Шарлоттой и Эмили критика сводилась к внешности. Осуждение же Энн носит более глубокий характер.

Предоставленные сами себе, дети Бронте придумывали интересные забавы и создавали целые миры. Шарлотта и Брэнсуэлл создали воображаемую Ангрию, со своими правителями, в числе которых был и любимый ими Бонопарт. Там постоянно происходили активные действия, войны и любовные истории. У Эмили с Энн появился свой, более женский мир – Гондал. Младшие девочки были настолько близки, что подруга Шарлотты, Эллен Насси, при первой встрече сочла их близнецами. Неудивительно, что «самое значительное влияние на Энн в детский и юношеский период жизни оказала Эмили» [1. С. 9].

Портрет Эмили и Энн глазами внешнего наблюдателя Эллен Насси датируется июлем 1833 года и подчеркивает их связь: “(Emily) ... She talked very little. She and Anne were like twins – inseparable companions, and in the very closest sympathy, which never had any interruption.

Anne, dear, gentle Anne, was quite different in appearance from the others. She was her aunt’s favourite. Her hair was a very pretty, light brown, and fell on her neck in graceful curls. She had lovely violet-blue eyes, fine penciled eyebrows, and clear, almost transparent complexion” [4. С. 112].

Это описание позволяет сделать два вывода. Во-первых, что внешне Энн была самой привлекательной из семьи Бронте. Во-вторых, что она была любимицей своей тетушки. Оба эти факта могут объяснить ту уверенность, которая выражалась в желании построить для себя жизнь вне родительского дома.

В этом заключалась разница между Энн и Эмили. Эмили, когда оказывалась вдали от дома, страдала эмоционально и физически настолько сильно, что почти каждый раз это заканчивалась угрозой для жизни. Энн тоже сильно страдала в школе, но в ее решении не сдаваться можно увидеть первые убедительные доказательства различий темперамента и характера двух сестер. Эмили была физически сильной, смелой, живой и независимой, но у нее не было внутренней силы Энн, способной подчинить себя чуждой ей дисциплине. Энн решила научиться всему, что поможет ей в дальнейшем стать независимой и содержать себя самой. Э. Ленгланд делает предположение, что этот подход Энн к образованию и, в общем, к преодолению трудностей, складывается из ее наблюдений над братом Брэнсуэллом. Она вскоре поняла, что причиной неудач в

учебе явился его характер. Логически оценивая его ошибки, Энн, скорее всего, обнаружила в себе желание не повторять просчетов брата, что позволило ей выработать в себе навыки самодисциплины и самоконтроля.

Еще один факт, усложнявший задачу обучения Энн в школе Ро Хед – это дистанция в отношениях с Шарлоттой. Признание этой дистанции и отсутствия душевной близости позволяет переосмыслить многие суждения Шарлотты о литературных произведениях Энн. Объединенные одними целями, общими родственными связями и прошлым, сестры, однако, очень отличались по темпераменту. Старшая, эмоциональная и романтическая, подтрунивала над своей судьбой и легче относилась к происходящему, младшая, более склонная к логике, прямоте и практичности, решила вырвать успех любой ценой, даже ценой собственной боли.

Еще одно событие, которое исследователи выделяют как значимое в жизни Энн, произошло в 1837 году, когда она серьезно заболела в школе Ро Хед в результате постоянных тревог о своем будущем и судьбе своей души после смерти, а также постоянного перенапряжения как физических, так и душевных сил. Болезнь сопровождал еще и религиозный кризис. В самый тяжелый момент Энн попросила позвать к себе моравского священника. Отличие Моравских братьев от методистов позволяет лучше понять душевное состояние Энн в тот момент. Моравская религия основывается на прощении и мире, она признает возможность сомнения, ошибок и неудач даже для тех, кто спасен и искупил свои грехи, а Энн была необходима такая уверенность в эти черные дни. Священник Ла Троб так описывал эти события: “her life hung on a slender thread. She soon got over the shyness natural on seeing a perfect stranger. The words of love from Jesus, opened her heart to my words, and she was very grateful for my visits. I found her well acquainted with the main truths of the Bible respecting our salvation, but seeing them more through the law than the Gospel, more as a requirement from God than His Gift in His Son, but her heart opened to the sweet views of salvation, pardon and peace in the blood of Christ” [2. С. 77].

Энн пережила этот кризис, но он еще больше разобщил сестер: Энн, в отличие от Шарлотты и Эмили, стала очень религиозна и старалась решить для себя вопросы божественной любви, жизни и смерти, спасения прежде всего с духовных позиций. Этот факт

находит подтверждение в ее творчестве. Большая часть стихов раннего периода затрагивает религиозные темы и составляет живую духовную биографию Энн. Роман «Незнакомка» также развивает темы избранности или отверженности Богом, тему спасения, которые становятся дороги и важны сердцу Энн.

Большая часть опыта, приобретенного в Блек Холле, - первом месте, где Энн работала в качестве гувернантки, и откуда была уволена в конце года, стала материалом ее раннего романа «Агнес Грей». Полный биографических подробностей и переживаний, роман позволяет понять, почему первый опыт работы Энн в чужой семье оказался настолько ужасным. Нашему вниманию представлены портреты неуправляемых детей, никогда не имевших понятия, что такое дисциплина, которыми руководят жестокость и злые намерения [4. С. 196].

Однако дух Энн не так-то просто было сломить, и к маю 1840 года она уже приступила к своей второй работе гувернанткой у Робинсонов в Торп Грине. В доказательство силы характера Энн Э. Ленгланд приводит выдержку из письма Шарлотты к Эллен Насси. Энн поехала в такой далекий путь одна и никому не разрешила сопровождать себя. Она хотела рассчитывать только на свои силы, и была уверена, что теперь лучше справится со своей работой и будет действовать смелее. В этой решительности Энн биографы могли увидеть того четырехлетнего ребенка, который заявлял, что ему не хватает только опыта и возраста. Шарлотта неосознанно выражает свое уважение к Энн в словах: “You would be astonished what a sensible, clever letter she writes” [4. С. 266].

Важна, конечно же, и история любви Энн. Перед получением места гувернантки во второй раз Энн находилась дома в течение, по меньшей мере, четырех месяцев. В это время она знакомится с новым викарием своего отца, Уиллиамом Уэйтманом. Он появился в церкви Хоуорта в августе 1839 года и пришелся по душе всем обитателям дома пастора своим добрым нравом и живыми манерами. Скоропостижная кончина Уэйтмана стала для Энн большим потрясением [1; 2; 4-9]. Однако остается неясным, любила ли она этого человека. Известно только, что он был неравнодушен к ней. Шарлотта писала Э.Нарси о том, как Уиллиам старался привлечь внимание Энн во время службы. “Your darling “his young reverence” as you tenderly call him – is looking delicate and pale – poor thing, don’t you

pity him? I do, from my heart – when he is well and fat and jovial I never think of him – but when anything ails him I am always sorry – He sits opposite to Anne at church sighing softly and looking out of the corners of his eyes to win her attention – and Anne is so quiet, her look so down cast – they are a picture” [4. С. 250].

В этой истории много загадочных моментов. Во-первых, если Энн любила Уэйтмана, то почему возвратилась в Торп Грин в январе 1842, когда отъезд Шарлотты и Эмили в Брюссель давал ей замечательный повод вернуться домой, заботиться об отце и быть рядом с Уэйтманом. Во-вторых, стихотворение Энн “The Captive Dove”, написанное в основном весной 1842 года, заканчивается строками, лишенными какой-либо надежды на любовные отношения: “But thou, poor solitary dove, / Must make unheard thy joyless moan;/ The heart that nature formed to love/ Must pine neglected and alone ”[3. С. 93]. Кроме того, в романе «Незнакомка», Энн, думается, предлагает пародию на флирт во время церковных служб, который описан в письме Шарлотты, и дает возможность предположить, что Энн не одобряла «тихие вздохи и взгляды украдкой, чтобы «поймать» ее внимание». Если они и представляли собой «a picture», как замечает Шарлотта, это может быть и потому, что Энн явно не одобряла этого, как и ее героиня Хелен Грэхем.

Еще одним кардинальным событием в жизни Энн Бронте была работа Бренуэлла у Робинсонов, на которую он был принят по ее просьбе. В середине лета 1845 года в своем дневнике Энн написала: “During my stay (at Thorp Green) I have had some very unpleasant and undreamt-of experience of human nature ...” [4. С. 52], и карандашом на задней обложке молитвенника слова: “Sick of mankind and their disgusting ways” [4. С. 75]. Ее слова выражают отношение к ситуации. Она боролась еще год, надеясь помочь Бренуэлли. В романе «Незнакомка» Энн рисует подобную героиню, идеалистически склонную к попыткам вылечить мужчину от дурных привычек и распущенности. В реальности Энн поняла тщетность попыток и сообщила семейству Робинсонов о своем намерении уйти в июне 1845 года.

В такое неблагоприятное время три сестры начали свою литературную карьеру. В течение долгого времени они лелеяли мечту о том, как однажды откроют свою школу в доме пастора. Для этой цели Эмили и Шарлотта ездили в Брюссель в феврале 1842 года

изучать иностранные языки. Шарлотта была автором плана, и она же выбрала Эмили в качестве компаньонки, хотя множество факторов говорило в пользу Энн. Эти и другие факты подводят к двум выводам. Во-первых, что Энн и Шарлотта не были близки ни по интересам, ни по темпераменту. А во-вторых, что Эмили и Энн, однажды очень близкие, сейчас шли разными дорогами: Энн сама стала судьей и критиком сестре-близнецу, с которой когда-то разделяла взгляды и переживания.

Важным этапом в жизни Энн, как и всех сестер, стала публикация стихов. Книга снискала лишь несколько благоприятных отзывов, но по большому счету прошла незамеченной. Значимость этих стихов заключается в том, что они открыли сестрам возможность публиковаться. До их появления Шарлотта вела переговоры с издателями только о литературных произведениях, которые находились в процессе написания. Шарлотта работала тогда над «Профессором», Эмили над «Грозовым перевалом», а Энн над «Агнес Грей».

Постоянной угрозой творчеству сестер было присутствие Бренуэлла, состояние которого ухудшалось с каждым днем, и который истощал их эмоциональные и физические силы. Энн описала свои переживания и чувства, связанные с болезнью и деградацией брата, во втором романе «Незнакомка». Написание романа было для нее одним из способов примириться с тем состоянием упадка, которое брат привнес в семейный круг.

Энн, однако, не повезло с издателем. Мистер Ньюбай был неразборчив в средствах, когда шла речь о том, чтобы увеличить продажи книг. Роман «Джен Эйр» имел огромный успех, и мистер Ньюбай, надеясь подзаработать на его популярности, объявил «Незнакомку» романом руки того же автора. Это заявление оскорбило и Энн, и Шарлотту. Кроме того, оно повредило репутации Шарлотты в издательстве Корнхилл, так как она обещала свой следующий роман им. Сразу же, 7 июля 1848 года, Энн и Шарлотта решили поспешить в Лондон и убедить представителей компании «Смит, Элдер и Ко», что существует трое Беллов. Это был смелый, нехарактерный для них поступок, который показывает, насколько серьезно обе относились к своему творчеству, а главное, к авторству.

«Незнакомка» была опубликована в 1848 году. На протяжении всей весны того года Энн серьезно болела, но продолжала писать.

Роман сразу же стал сенсацией, его успех был превзойден только успехом «Джен Эйр». 22 июля того же года Энн была занята написанием «Предисловия ко второму изданию». В этом важном эссе она, отделив себя от сестер и брата, четко обозначила свои темы, сюжеты и точку зрения. Она также подчеркивает специфику контекста, который породил ее творчество, и отличие намерений, с которыми она взялась за перо.

Все ухудшающееся состояние здоровья сделало невозможным дальнейшее развитие творчества Энн. Эмили тоже простудилась на похоронах Бренуэлла. Но она не стала бороться за свою жизнь и запретила приглашать врачей. Энн, в отличие от нее, сделала все возможное, чтобы жить. Но доктор Теаль, приглашенный для консультации 5 января 1849 года, сообщил, что ничего нельзя сделать. Последнее стихотворение Энн, написанное через 2 дня после посещения врача, выражает одновременно и готовность отдаться на волю Бога, и надежду на чудесное исцеление. Чуда не случилось, зато был пример огромного героизма. Энн встретила смерть спокойно. Ее последним желанием было увидеть снова Йоркский собор и море в Скарборо. В выполнении поставленной цели она была неутомима. Шарлотта, естественно, волновалась, что не довезет Энн живой, но Энн была решительно настроена и уверена в положительном исходе поездки, и даже пригласила Эллен Насси поехать с ними.

Энн умерла 28 мая 1849 года, в возрасте 29 лет. Тот факт, что она похоронена вдали от Хоуорта в Скарборо, еще раз подчеркивает индивидуальность, которую она отстаивала всю жизнь, и о которой в течение долгого времени забывали в мифе о Бронте.

Подробности о жизни и творчестве Энн Бронте, ставшие сегодня известными благодаря новым работам исследователей трех сестер [7-16], позволяют говорить о подчеркнутой индивидуальности наследия Энн Бронте, которое отличалось от творчества ее более именитых сестер отношением к людям и событиям, миру, Богу, творчеству, а также позволяют создать представление о личности автора, отразившейся в романах «Агнес Грей» и «Незнакомка из Уайлдфелл Холла». Это, в свою очередь, позволяет говорить о собственном методе Энн Бронте, сочетающем черты реалистической и романтической традиции, а также о тех перспективах, которые, не реализовавшись в короткой жизни Энн Бронте, тем не менее внесли свою специфику в развитие английского романа XIX века.

Библиографический список

1. Langland E. Anne Bronte: the other one. Totowa: Barnes and Nobles, 1989. P. 172.
2. Gerin W. Anne Bronte. London: Nelson, 1959. P. 359
3. The Poems of Anne Bronte A New Text and Commentary (ed.) Edward Chitham. London and Basingstoke: Macmillan, 1979. P. 117
4. The Bronte Their Lives, Friendship and Correspondence (eds) T.J. Wise and J.A. Symington, 4 vols, Oxford: Shakespeare Head, 1934. P. 397.
5. Harrison A. Stanford. D. Anne Bronte: Her Life and Work, London, Macmillan, 1959. P. 367.
6. Winniffrith T. and Chitham E. The Bronte Facts and the Bronte Problems, London and Basingstoke, 1983. P. 359.
7. Barker J. The Haworth context // The Cambridge Companion to The Brontes, ed. by Heather Glen, Cambridge University Press, 2004. P. 13-34.
8. The Oxford Companion to The Brontes, ed. by Ch. Alexander and Margaret Smith, Oxford University Press, 2003. P. 586.
9. Михальская Н.П. Третья сестра Бронте: Вступ. статья // Агнес Грей. Незнакомка из Уайлдфелл Холла, М., 1990. С. 3-32.
10. Chitham E. Religion, Nature and Art in the work of Anne Bronte // Bronte Society Transactions. Vol.24. Pt 2. October 1999. P. 129-147.
11. Thormahlen M. The Bronte and Religion. Oxford University Press, 1999. P. 437.
12. Jay B. Anne Bronte. Northcote House, Plymouth, 2000. P. 421.
13. Thormahlen M. The Bronte and Education. Oxford University Press, 2003. P. 347.
14. Ingham P. The Brontes. Oxford University Press, 2006. P. 334.
15. Barnard R., Barnard L. A Bronte Encyclopedia. Blackwell Publishing, 2008. P. 397 // Электронный ресурс Интернет: <http://onlinelibrary.wiley.com/doi/10.1002/9780470692219.biblio/pdf>
16. Discuss the representation of the search for “identity” in Anne Bronte’s The Tenant of the Wildfell Hall // Электронный ресурс Интернет: <http://www.morelearning.net/KS5/TheTenantofWildfellHall/Tenant%20identity.pdf>, 2008 PP. 1-8.

Сведения об авторе

Полякова Елена Анатольевна
аспирант кафедры зарубежной литературы
и теории межкультурной коммуникации
НГЛУ им. Н.А. Добролюбова
E-mail: alena7@rambler.ru

УДК 821.112.2(091)

МИСТЕРИАЛЬНЫЙ ПУТЬ ГЕРОЯ В ДРАМЕ-СКАЗКЕ Г. ГАУПТМАНА «ПОТОНУВШИЙ КОЛОКОЛ»

А.П. Склизкова

Владимирский государственный гуманитарный университет, Владимир

Мистериальный путь литейщика Генриха в драме-сказке «Потонувший колокол» связан с процессом внутреннего прозрения героя. Он хочет понять, как внести гармонию и в своё творение, и в отношение к людям. В этой жизни подобное невозможно. Г. Гауптман, используя поэтику Дня и Ночи, поднимает проблемы Жизни и Смерти, Становления и Угасания. Его герой, претерпев смерть, возродится для нового бытия, в котором ему многое станет понятным. Мистериальный путь связан с вращением по кругу, на определенном витке которого возникает относительно правильное осознание всего сущего.

Ключевые слова: Wiedergeburt (новое рождение), мистерия, внутреннее солнце, жизненный круг, пробуждение души.

The Hero's Mysterious Way in G. Hauptmann's Dramatic Fairy-Tale "Sunken Bell"

Alla Sklizkova

In his dramatic fairy-tale "Sunken Bell" G. Hauptmann connects the mysterious life journey of the main character Henry with the process of his inner illumination, as Henry seeks to bring harmony to his work and to his attitude to people, ultimately finding it impossible in this life. Using the poetics of Day and Night, Hauptmann tackles the problem of Life and Death, as his character goes through death, is again restored to life, and in this resurrection finds a new world and a new life which also bring him new understanding. Henry's mysterious journey through life and death is seen as a path that follows the circle of life, gradually bringing one a better understanding of reality and opportunities for change.

Key words: Wiedergeburt (born again), mystery, mysterious, inner sun, life circle, awakening of the soul.

В рубежный период (конец XIX – начало XX века) в Германии не случаен интерес к мистериям. Ф. Ницше подчёркивал, что в прошлые столетия не совсем понимали греков, ни И.В. Гёте, ни И.И. Винкельман не говорили о дионисийском исступлении, необходимом для мистериальной экзальтации, древняя эпоха, соответственно, не была раскрыта должным образом [1. С. 532]. Поэтому в период смены ценностей, в первую очередь духовных, интерес вызывает ведущая мистериальная идея вечного становления и бесконечного движения, та, которая, как считает Ницше, не привлекала ранее художников слова. Отсутствие постоянства, желание перемен, связанное с движением из тьмы к свету, соединение

и одновременное разъединение противоположностей, – так воспринимают мистику писатели и философы рубежа веков. Ведущими оказываются вопросы жизни и смерти и напрямую связанные с ними рассуждения о Ночи и Сне, Утре и Пробуждении. Категория *Wiedergeburt*, осознаваемая как быстрый, зачастую незаметный переход одного состояния в другое, оказывается столь же значимой в конце XIX века, как прежнее романтическое *Sehnsucht* в его начале. Всё космическое бытие определяется как вечное Движение, возникает идея Круговорота, возвращения к исходному пункту. Так, И.Я. Баховен (1815-1887) в работе «Опыт исследования похоронной символики древних» (1860) говорит о трёх ступенях мистериального познания Космоса (Земля-Луна-Солнце), подчёркивает, что в каждом удалении от исходного пункта заложено одновременно приближение к нему [2. S. 104]. Исследуя мистериальную религию болота, И.Я. Баховен обращает внимание на растения, которые тянутся к свету из самой темноты болотных недр, воплощая тот процесс созидания, всегда существующий рядом с угасанием. Закономерен поэтому рубежный вывод И.Я. Баховена – в жизни нет ничего важнее смерти, благодаря ей происходит движение к свету [2. S. 393]. Э. Роде (1845-1898) в своём глубоком исследовании «Психея» (1890-1894) пишет о расщеплении сознания и раздвоении личности, о том состоянии, которое было, считает Э. Роде, свойственно грекам во время совершения мистериальных действий. В рубеж веков подобный взгляд на древнюю эпоху закономерен. Э. Роде интересуется особым моментом перехода – когда душа покидает тело, сфера жизни граничит со сферой смерти, невидимое отчасти становится видимым, возникает извечный «Круг необходимости» (*Kreis der Notwendigkeit*): Смерть влечёт за собою Жизнь, а Жизнь невольно тянется к Смерти. Смерть, согласно подобным воззрениям, является не противовесом, а помощником Жизни [3. S. 101, 123, 226]. Не случайно в это время наиболее популярны идеи И. Гаманна (1730-1788). Не говоря конкретно о мистике, он подчёркивает важность особого мистического разговора, который ведётся напрямую с богом, а значит и с природой [4. S. 7-9], почитание и преклонение перед которой позволяло древним совершать столь таинственные и волнующие мистериальные культы. И. Гаманн пишет о необходимости создания картины души, которую предъясняет Вечности писатель-философ [4. S. 18].

Художники слова рубежа веков пытаются создать подобную картину, желая окунуться в мистериальные бездны прошлого. Правда, далеко не для всех мистерия связана с тайной. О. Шпенглер (1880-1936) считает, что действие мистерий всем было известно, их священные формы копировались за пределами храмового места, их невольно «разглашали» [5. С. 602]. Но мысль о природном назначении мистерий (почитание и преклонения перед Деметрой, Дионисом) была бесспорна. Поэтому особый взгляд И. Гаманна на природные знаки, которые необходимо понимать и чувствовать [6. S. 158], столь близок большинству писателей рубежа веков. Через природу, через её стихию бог говорит с человеком, считает И. Гаманн [6. S. 36]. Исследователи выделяют у И. Гаманна энергию честности, энергию души [7. С. 50], которая, скорее всего, и позволила в эпоху *fin de siècle* заметить, что практически все высказывания И. Гаманна направлены против несвободы мысли, против каких-либо ограничений и догм, иными словами, против всего того, что было столь неприемлемо для культурного мира конца XIX – начала XX века.

Г. Гауптман, подобно своим современникам, воспринимает бытиё как великую Мистерию. Она непостижима в своей сути, возникает тогда, когда все явления приобретают сверхчувственный смысл [8. S. 134]. Писатель неоднократно говорил, что мистерия навеки воцарилась в его сердце [8. S. 46]. Главное в мистерии - движение духа в новое рождение (Абент.8), категория *Wiedergeburt*, столь значимая в рубеже веков, чрезвычайно близка Г. Гауптману. С *Wiedergeburt* связывается пробуждение души, именно в этом видит Г. Гауптман великую мистерию человеческого сознания [9. S. 514]. Чтобы быть достойным нового рождения, надо и претерпеть смерть и преодолеть её [9. S. 514]. Г. Гауптмана недаром называли непостижимым, поскольку в любом его произведении ощутима мистериальная тайна. Ярким примером служит драма-сказка «Потонувший колокол».

Литейщик Генрих недоволен своим творением – отлитый им колокол хорошо звучит в долине, а в горах такого быть не может. Генрих покидает жену Магду и своих маленьких детей, уходит вместе с феей Раутенделейн в горы, чтобы там создать небывалый доселе шедевр – перезвон колоколов, радующий всех, наполняющий сердца счастьем и блаженством. Магда не вынесла разлуки с мужем,

утопилась, а прекрасная Раутенделейн, которую тоже отталкивает Генрих, вынуждена стать невестой Водяного, сердце её окостенело из-за равнодушия возлюбленного. Сам он, сражённый своей творческой беспомощностью и осознанием вины перед женой, детьми и возлюбленной, покидает этот мир.

В литературоведении в целом нет ответа на вопрос, почему же Генриху не удаётся его творение – живя в долине, среди людей, он не может создать нечто высокое. В горах, несмотря на сверхъестественную помощь Раутенделейн, Генрих творчески столь же бессилён. Литературоведы говорят об иррациональном начале, считая таковым душу главного героя [10. S. 45], о силе воображения, являющейся доминантой всего [11. S. 78], о романтическом томлении по развитию, которое в итоге убивает в Генрихе и человека, и художника-творца [12. S. 267-270]. Вопрос о причине творческой неудачи героя Г. Гауптмана до сих пор остаётся открытым. Между тем именно ответ на него позволяет вести речь о мистериальном пути литейщика Генриха.

В этом плане важно обратить внимание на выводы писателя о пластическом искусстве, призвание к которому он раньше чувствовал. Г. Гауптман подчёркивал, что «Потонувший колокол» написан на основании его собственных переживаний и опыта [8. S. 49]. Для ваятеля необходимо в первую очередь трудолюбие, а не сила фантазии. Она вызывала в воображении величественные образы, которые не могли воплотиться в жизнь. Отказавшись от скульптуры, осознав своё драматургическое призвание, Г. Гауптман смог внести в данный вид искусства то, что столь мешало ему в пластике – воображение и фантазию [9. S. 527]. Подобное свойственно и его герою – литейщику Генриху. Его замысел грандиозен, осуществить его нельзя, нужны иные средства, иной вид искусства, иное мышление, наконец, иная жизнь. В той, в которой волею судьбы обитает Генрих, понять и постичь в первую очередь себя самого невозможно. Великий литейщик колоколов растерян и подавлен, смутно представляет, чего он хочет, чувствует вину перед Магдой, потрясён несчастием детей, в ужасе от трагедии Раутенделейн, но исправить ничего не может. Для понятия и прозрения он должен пройти мистериальный путь – внутреннего и внешнего угасания, чтобы в итоге предпринять попытку возрождения для новой жизни.

Подобный путь героя передаётся через особую поэтику – Утра, Дня, Вечера и Ночи. В суточных изменениях Г. Гауптман видел нечто мистическое. Вечер и Ночь вызывают страх, это прерывание Дня, хорошая сторона Ночи состоит в том, что она проходит. Утро – прекрасно, человек готов к новой жизни, День полон творческих сил и энергии [9. S. 10, 13, 290]. Первое действие начинается в Сумерки, которые Г. Гауптман, так же как и тёмные, самые ранние утренние часы, называет надломом, трещиной дня [9. S. 290]. Подобные сумерки и надлом царят в душе литейщика Генриха. Он выглядит больным, передвигается с трудом, на лице печать страданий, его первая реплика, которая всегда у Г. Гауптмана задаёт характер героя, чрезвычайно важна. Генрих говорит, что заблудился, не понимает, жив он, или умер. Он находится в том состоянии, которое определял Г. Гауптман как душевную разбитость, страшного внутреннего давления, дикой сердечной тяжести [9. S. 183]. В таком состоянии вводится Генрих в текст – это мистериальное блуждание души, сумерки духа, не понимание, на «той», или «этой» стороне он находится. Генрих рассказывает Раутенделейн, которую случайно встречает в горах, что он, скорее всего, упал в пропасть после того, как туда рухнул отлитый им колокол. Правда, герой не уверен в такой последовательности, предполагая, что они оба (и он, и колокол) одновременно низринулись в бездну. Генрих, находясь в состоянии душевной опустошённости, не знает, что есть Смерть, а что Жизнь «...das Leben Tod, der Tod das Leben ist». Данная фраза наполнена чрезвычайно глубоким мистериальным смыслом. Г. Гауптман указывал, что Смерть есть мягчайшая форма Жизни, если бы он захотел подобрать к ней аллегория, то выбрал бы прекрасного мальчика в противовес неистовому всаднику Апокалипсиса [8. S. 207-209]. Для прояснения своей позиции Г. Гауптман ссылается на «Горгия» Платона, в котором цитируется строка из трагедии Еврипида «Полиид»: «Кто знает, жизнь не есть ли смерть, а смерть не есть ли жизнь» [13. С. 149]. Данный диалог Платона заслужил пристальное внимание многих мыслителей рубежа веков, Г. Гауптман не является исключением. Его герой не знает, жив он, или умер, что было в его прежней жизни, была ли она вообще. Это так называемый первый этап мистериального пути.

Во втором действии, которое можно прочесть как постепенное мистериальное восхождение Генриха, важная роль принадлежит

ремаркам – Г. Гауптман подчёркивает, что в комнате Генриха, куда его перенесли, случайно обнаружив в горах полумёртвым, висят картины Петера Фишера. Это один из знаменитых средневековых литейщиков, его творения в Нюрнберге считались величайшей достопримечательностью. Г. Гауптман преклонялся перед искусством Фишера, считал, что его работы проникнуты глубочайшей мистерией [8. S. 53-54]. На его творениях должно быть написано латинское слово *Vidi*, оно значит внутреннее прозрение, внутреннее постижение, является ключевым словом мистика [8. S. 255]. Подобным творцом может стать и Генрих. Судьба дарует ему такой шанс – благодаря волшебству и любви Раутенделейн Генрих воскрешает для новой, в первую очередь, творческой жизни. Недаром второе действие происходит утром, которое, по Г. Гауптману, свидетельство нового рождения [9. S. 12-14].

Исследователи отмечают, что сон является важнейшей частью поэтики Г. Гауптмана [14. S. 12, 34, 37]. При этом писатель подчёркивал, что все научные толкования снов его не интересуют, они бездуховные [14. S. 150]. Выделяя основную идею «Потонувшего колокола», Г. Гауптман определял её как сон наяву. Драматург говорил о сне как о странствии человеческой души, сон, в противовес так называемой действительности, является настоящим миром, независимым от того, в котором мы живём [14. S. 8-15]. Во сне человек приобретает небывалый опыт, сон является самостоятельной, творящей частью духа [14. S. 126, 128, 130]. Герой «Потонувшего колокола» считает, что до встречи с Раутенделейн он спал, а теперь его глаза открылись. Девушка целует его в глаза, он стал внутренне зрячим – в облике Раутенделейн отражается его мечта, грёза, сон. Сейчас Генрих замечает небывалую красоту Раутенделейн, её золотые волосы, лучистые глаза. Генрих готов ещё раз прожить жизнь. Однако герой не совсем уверен, что сейчас не спит. Это не столь важно, считает Г. Гауптман. Главным является внутреннее пробуждение, поскольку оно способствует новому рождению. Сон и Явь для Г. Гауптмана почти равные категории, они, подобно Жизни и Смерти, плавно переходят друг в друга, граница между ними весьма зыбкая [8. S. 249]. Сейчас Генрих стал зрячим, приоткрыл ворота ночи для проникновения дня, поднялся на первые ступени мистериального восхождения.

Следующий этап – это почти полное изменение бытия. Генрих уходит с Раутенделейн в горы. Их Г. Гауптман считает особым миром, в котором свет, воздух, сердце переполняются фантазией. Душа в горах как бы отделяется от тела, тянется в высокое небо, границы бытия раздвигаются, сердце переполняет мистериальная тайна. Мир гор, как и мир сна, является настоящим и подлинным, он окружён глубокой магией [9. S. 40, 704]. Действительно, в горах перед мысленным взором Генриха предстаёт его будущее творение – перезвон колоколов, которые сами звучат, тогда, считает он, новорождённый свет обретёт новую силу. Генрих взывает к Солнцу, называет себя его детищем.

Образ Солнца – один из центральных у Г. Гауптмана. Он называет Солнце действительностью действительностей, это высшее прозрение в душе человека [15. S. 13, 15, 19]. Писатель вводит особый термин – солнечное сознание [15. S. 25], оно свойственно Генриху в тот момент, когда он грезит с открытыми глазами, представляя свой будущий шедевр. Но у Г. Гауптмана есть и другое понятие – внутреннее Солнце – это любовь к людям, ко всему живому [9. S. 16, 39]. Солнце в понятии Г. Гауптмана представляет собой не столько великолепное космическое происшествие, сколько состояние души, сострадание и милосердие, те чувства, которые пока отсутствуют у Генриха. Жалобы карликов, которые пытаются ему помочь, не трогают Генриха, он грозит выдернуть бороду у Лешего, радуется гибели людей, пришедших в горы, готов с ними сражаться. Работа не приносит ему радости – Генрих не достигает гармонии в искусстве, поскольку она отсутствует в душе. Известно, что первоначальный смысл греческого слова «Гармония» – связанность, таковы древние представления о душе, у Пифагора, в частности, идеи которого повлияли на Г. Гауптмана [9. S. 200]. Создать нечто связанное Генрих не способен, части не подходят к целому, хотя он и мечтает о песни колоколов, благодаря которой из сердца уходит ненависть, злоба, ломается лёд в груди. Новая жизнь в горах, предоставленная Генриху Раутенделейн, не дала ему ни покоя, ни творческого удовлетворения. Начинается его мистериальное падение, на сей раз с высоты безбрежных гор. Не случайно в конце четвёртого действия время суток – Ночь, бледный месяц льёт на горы тихий свет, его кровавый отблеск замечает Генрих. Перед его внутренним взором предстают маленькие дети, они с трудом взбираются на гору, неся в руках

тяжёлый кувшин – в нём слёзы их мамы, несчастной жены Генриха. Из подземной глубины раздаётся звон колокола, Генрих слышит его удары. Охваченный гневом и ужасом, он называет Раутенделейн эльфийской нищенкой, винит не себя, а её в собственной участи, убегает в долину, по-прежнему не зная, что и почему он делает.

Последнее действие в значительной мере повторяет первое, представляя собой как бы круговое замыкание мистериального таинства. Генрих вновь появляется в горах, бледен и растерян, так же, как и раньше, хочет подняться вверх. Но сейчас его желание слабо выражено. Он почти сразу соглашается с Виттихой (бабушкой Раутенделейн) о невозможности его осуществления. Время – за полночь, тот час, в который, с точки зрения драматурга, наиболее возможна смерть. Слова Виттихи полны пророческого смысла: она определяет Генриха как могучий росток, чей рост остановился, он был призван к делу, но не стал избранником. Иными словами, Генрих так и остался Непосвященным (*Profan*), это тот, по Г. Гауптману, у которого нет возвышенного сознания, связанного с внутренним Солнцем, тот, который отошёл от идеала из-за неумения претворить его в жизнь [9. S. 514]. Виттиха предлагает ему три кубка, в которых белое, красное и золотое вино, он, выпив первые два, обязан осушить и последний. Литературоведы, ведя речь о кубках с вином, в целом видят в них движение к смерти. Это лишь отчасти так. Генрих засыпает, чтобы не проснуться больше в этой жизни. Но Г. Гауптман уверен, что существует другая действительность, ничего не кончается, лишь начинается новый, неведомый круг [8. S. 29]. Ему близко древнее представление о Сне и Смерти как братьев-близнецах, порождённых Ночью [16. С. 46]. Г. Гауптман восхищается «Лаокооном» Г. Лессинга, в котором подчёркивается та же мысль [17. S. 394]. Кроме того, необходимо учитывать древнюю символику числа три, с которой был знаком Г. Гауптман. В «Три» сказывается неизменяемая суть мира, идея вечного круговорота, это мистериальное число, число вечного становления [2. S. 246]. Для Г. Гауптмана в «Три» воплощается *Wiedergeburt* [18. S. 60], а в разных цветах вина – известная идея «*tabula rasa*», когда надо перечеркнуть себя прежнего и обрести себя иного [19. S. 338]. Недаром Генрих, выпив первые два кубка, чувствует, что страх проходит. Он видит Раутенделейн, осознаёт, что принёс горе и несчастья своим близким, просит в прошлом прекрасную деву, а сейчас бледную русалку

освободить его от страха смерти, от жуткой усталости. Раутенделейн подаёт ему последний кубок, Генрих восклицает, что видит солнце: «Die Sonne kommt». Но сейчас оно не связано с солнечным ликованием. Восклицание героя служит неким напоминанием о чём-то знакомом, но утраченном. Он понимает, что ему не под силу обновление и всего мира, и своей собственной души, Генрих вынужден признать доминанту Ночи над светом Дня: «Die Nacht ist lang», – утверждает он. Однако ремарка автора «Заря» свидетельствует о том, что Ночь уходит, на смену ей идёт День, который и принесёт новое рождение – Wiedergeburt. Таков мистериальный вывод Г. Гауптмана, таков итог мистериального пути его героя.

Библиографический список

1. Ницше Ф. Сумерки идолов. М.: Пушкинская библиотека. 2006. 759 с.
2. Bachofen J. Versuch über die Gräbersymbolik der Alten. Basel: Bahnmaier's Buchhandlung, 1859. 426 S.
3. Rohde E. Psyche. Seelenkult. Tübingen, 1907. 724 S.
4. Hamann. Sokratische Denkwürdigkeit // Hamann. Schriften in acht Bänden. Zweiter Teil. Berlin: Herausgeben von Fr. Roth, 1821. 517 S.
5. Шпенглер О. Закат Европы. М.: Эксмо, 2009. 798 с.
6. Hamann. Kreuzzüge des Philologen // Hamann. Schriften in acht Bänden. Sechster Teil. Berlin: Herausgeben von Fr. Roth, 1821. 517 S.
7. Гильманов В.Х. И. Гаманн и литература Просвещения: опыт универсальной герменевтики: Дис. ... докт. филос. наук. Калининград, 2006. 459 с.
8. Hauptmann G. Tagebücher 1897-1905. Frankfurt am Main, 1987. 791 S.
9. Hauptmann G. Abenteuer meiner Jugend. Berlin und Weimar, 1980. 811 S.
10. Schreiber H. G. Hauptmann und das Irrationale. Wien-Leipzig, 1946. 300 S.
11. Will W. Voraussetzungen und Möglichkeiten einer Symbolsprache in Werke G. Hauptmann. Köln, 1962. 420 S.
12. Lepmann W. G. Hauptmann's Leben, Werk und Zeit. Frankfurt am Main, 1989. 380 S.
13. Платон. Диалоги. СПб.: Азбука-классика, 2008. 446 с.
14. Guthke K. G. Hauptmann. München, 1980. 100 S.

15. Hauptmann G. Das Buch der Leidenschaft. Berlin, 1962. 480 S.
16. Hauptmann G. Sonnen. Meditationen. Berlin, 1942. 30 S.
17. Павсаний. Описание Эллады. М.: Ладомир, 1994. 589 с.
18. Lessing G. Laokoon oder Über die Grenzen der Malerei und Poesie
// Lessings Werke in fünf Bänden. Dritter Band. Berlin und Weimar, 1978.
365 S.
19. Hauptmann G. Griechischer Frühling. Berlin, 1908. 280 S.

Сведения об авторе

Склизкова Алла Персиевна
кандидат филологических наук,
доцент кафедры литературы
Владимирского государственного гуманитарного университета
E-mail: burelomy@list.ru

МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ И ОБУЧЕНИЕ ИНОСТРАННЫМ ЯЗЫКАМ. АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ОБРАЗОВАНИЯ

УДК 378.147:811.124

ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ИНТЕРФЕРЕНЦИЯ И СПОСОБЫ ЕЕ ПРЕОДОЛЕНИЯ ПРИ ЧТЕНИИ И ПЕРЕВОДЕ ЛАТИНСКИХ ТЕКСТОВ

А.М. Брагова

*Нижегородский государственный лингвистический университет
им. Н.А. Добролюбова, Нижний Новгород*

В статье рассматриваются различные виды лингвистической интерференции (фонетической, грамматической и лексико-семантической), которые возникают при аналитическом чтении и переводе латинской прозы студентами языкового вуза. К способам ее преодоления относится эффективное структурирование занятия с включением в него первичной автоматизации грамматических навыков чтения непосредственно после объяснения новой темы, а также выполнение разнообразных упражнений и комплексная работа над связным текстом.

Ключевые слова: лингвистическая интерференция, латинская проза, языковой вуз, упражнение.

Overcoming Language Interference in Reading and Translating Latin Texts

Arina Bragova

The article analyses different types of language interference (phonetic, grammatical, lexical and semantic) that occur in analytical reading and translating Latin prose by language students. It specifies two ways of overcoming language interference: 1) effective lesson planning, with exercises for practicing new grammar material introduced immediately after its first presentation; and 2) using a variety of training exercises along with comprehensive reading and analysis of stories.

Key words: language interference, Latin prose, linguistic university, exercise.

В статье рассматривается лингвистическая интерференция (термин образован от английского слова *interference* «вмешательство»), возникающая при чтении и переводе латинской прозы студентами языкового вуза, и способы ее преодоления. В статью включен анализ фонетической, грамматической и лексико-семантической интерференции. В стороне мы оставили

стилистическую интерференцию, поскольку адаптированные тексты начального уровня, изучаемые в то ограниченное количество часов, которые отводятся на курс латинского языка в языковом вузе, стилистически нейтральны, и потому студенты не испытывают особых проблем, связанных со стилистической интерференцией.

Вопрос об интерференции и способах ее преодоления недостаточно разработан в научной литературе по методике преподавания латинского языка. Можно назвать только работы Н.Л. Кацман, автор которых пишет об ошибках, связанных с действием фонетической интерференции, и дает рекомендации по ее преодолению [1. С. 103-114]. Вместе с тем имеется достаточно много работ об интерференции при обучении живым языкам. В области теоретического языкознания отмечают исследования У. Вайнрайха, который описывает интерференцию в речи и языке двуязычных носителей и типы интерференции (фонетическую, грамматическую, лексическую) на примере различных живых языков [2. С. 36-125]. Э. Хауген определяет интерференцию как «случаи отклонения от норм данного языка, появляющиеся в речи двуязычных носителей в результате их знакомства с двумя или несколькими языками» [3. С. 62]. Исследователь рассматривает интерференцию в области фонологии и морфологии, а также классифицирует виды лексической интерференции в области заимствований [3. С. 72-80]. С.Ф. Шатилов предлагает классификацию лексико-грамматических трудностей, деля их на субъективные и объективные и относя интерференцию, как межъязыковую, так и внутриязыковую, к объективным трудностям при обучении иностранным языкам» [4. С. 7-9]. В.В. Алимов дает подробную классификацию видов интерференции на примере английского и французского языков, выделяя звуковую, орфографическую, грамматическую, лексическую, семантическую, стилистическую и внутриязыковую интерференцию [5. С. 19].

Материалом для статьи послужили адаптированные прозаические тексты, представленные в ряде учебников и пособий по латинскому языку для студентов филологических специальностей [6; 7; 8]. Среди основных методов исследования можно назвать 1) конструктивный метод, способствующий эффективному анализу случаев языковой интерференции и нахождению способов ее преодоления; 2) системный подход, позволяющий рассматривать

интерференцию в единстве ее различных видов; 3) другие педагогические методы (наблюдение и оценку существующего педагогического опыта, как своего, так и опыта коллег).

В данной статье рассматриваются два вида интерференции: межъязыковая и внутриязыковая. Под межъязыковой понимается интерференция родного языка, то есть русского. Интерферирующее влияние первого (второго и т.д.) изучаемого иностранного языка не анализируется в данной статье, поскольку является предметом отдельного исследования. Внутриязыковая интерференция предполагает интерферирующее влияние одного языкового явления на другое внутри изучаемого языка, то есть латинского.

Фонетическая межъязыковая интерференция проявляется в неправильном произнесении латинских слов под влиянием русского языка: 1) редуцированное произношение безударного *o* («аканье»), например, чтение слова *orator* («оратор») как [arátor], что приводит к искажению смысла (*arator* переводится как «пахарь») [1. С. 107-108]; 2) чтение латинской буквы *e* как русской буквы *e* [je]. Как точно замечает Н.Л. Кацман, «хотя эта ошибка не имеет фонологического значения, однако она нарушает орфоэпические нормы латинского языка, в котором такое сочетание звуков – [je] – возможно только при наличии предшествующей *j*» [1. С. 108].

К ошибкам, связанным с **фонетической внутриязыковой** интерференцией, можно отнести 1) чтение диграфов (*ae*, *oe*) как дифтонгов, то есть как два звука: [ae] и [oe] соответственно (в случае обучения студентов традиционному произношению). К этому надо добавить замечание Н.Л. Кацман о том, что «чтение диграфов следует дифференцировать от тех случаев, когда гласные *a* (*o*) и *e* не составляют диграфа, а распределяются по двум смежным слогам (ср. *aēr* – *aes*, *coepi* – *coēgi* и т.д.). В связи с этим в учебный материал вводится надстрочный знак – трема» [1. С. 105]; 2) ошибки, связанные с полифонией графем *c*, *s* и сочетаний *ti*, *ngu*, *su* [1. С. 105]; 3) одинаковое произнесение буквы *h* и буквосочетания *ch* как [h] (хотя букву *h* следует читать на украинский манер, то есть с придыханием, в то время как сочетание *ch* – просто как [h]); 4) ошибки, связанные с неправильной постановкой ударения из-за языковой оппозиции «долгий-краткий слог» («закрытый-открытый слог»), например, неправильное чтение **ar-bít-ror* вместо *ár-bĩ-tror*

(между немой согласной *t* и плавной *r* не может проходить слогораздел, потому слог *-bī-* является открытым, и ударение смещается на 3-й слог от конца) [1. С. 106].

Преодоление фонетической интерференции нам видится в традиционных формах работы с фонетическим материалом (в аудитории – с помощи контроля за правильностью фонетического оформления речевых высказываний с исправлением ошибок как самим студентом, так и другими студентами или преподавателем, а во внеаудиторное время – с помощи работы в звуковой лаборатории [1. С. 112-114]). Преодолению интерференции также способствует обязательное тренировочное чтение вслух студентами домашних текстов при подготовке домашнего задания. Кроме того, на занятиях полезно проводить мини-конкурсы с заданием «Быстро и без ошибок произнести латинское предложение» с выбором победителя для повышения мотивации. Помогают преодолевать фонетические трудности упражнения с заданием «Сгруппируйте слова на определенное правило чтения / ударения» или с заданием «Отработайте чтение слов» (в таком случае слова должны быть заранее сгруппированы преподавателем на определенное правило чтения / ударения). Наконец, эффективным в плане автоматизации фонетических навыков и умений является участие студентов в фонетическом конкурсе / олимпиаде по латинскому языку, где им предлагаются такие задания, как подготовленное и неподготовленное чтение (наряду с другими заданиями).

Грамматическую интерференцию можно разделить на морфологическую, то есть связанную с трудностями в определении формы слова, и синтаксическую, то есть связанную со способами соединения слов в словосочетания и предложения, а также строением и функциями словосочетаний и предложений. В данной статье, возможно, мы будем уточнять, какой подвид грамматической интерференции имеется в виду. **Грамматическая межъязыковая** интерференция проявляется в несовпадении управления и переходности-непереходности сходных по значению глаголов в русском и латинском языках (например, глагол *rego* (3), требующий accusativa и являющийся переходным, соответствует русскому глаголу «править», требующему творительного падежа и являющемуся непереходным и т.д.). Вторым случаем проявления

межъязыковой интерференции (в данном случае – синтаксической) являются трудности нахождения, определения синтаксической функции и перевода герундия, герундива и супина из-за их отсутствия в русском языке. Например, в предложении *Lectum venimus* студенты зачастую переводят супин как «прочитанное», поскольку при первом знакомстве с супином как с 3-й формой глагола ее предлагается переводить как причастие прошедшего времени, страдательного залога, среднего рода. Во избежание такой ошибки желательно не давать учебный перевод супина причастием, а сразу предлагать переводить *supinum I* инфинитивом цели (*Lectum venimus*. «Мы идем (зачем?), чтобы читать»). Третьим случаем грамматической интерференции (ее синтаксического подвида) можно назвать трудности нахождения оборотов *accusativus cum infinitivo*, *nominativus cum infinitivo* и *ablativus absolutus* и их правильного перевода в связи с их отсутствием в русском языке. Четвертым случаем грамматической интерференции (синтаксического подвида) мы считаем несовпадение отрицания в рассматриваемых языках (одинарное отрицание в латинском языке и двойное – в русском). Пятый случай – трудности учета правила последовательности времен в сложном предложении в связи с отсутствием подобного правила в русском языке.

Грамматическая внутриязыковая интерференция проявляется в грамматической омонимии. Так, относительное местоимение *quae* может быть женского рода, именительного падежа, единственного / множественного числа или среднего рода, именительного падежа, множественного числа (пример морфологической омонимии). Например, в предложении *Omnium gentium, quae Galliam antiquam incolebant, fortissimi erant Belgae* местоимение *quae* – женского рода, именительного падежа, множественного числа. В другом примере – *Quae volumus et credimus libenter et quae sentimus ipsi, reliquos sentire speramus* – местоимение *quae* употреблено в среднем роде, винительном падеже, множественном числе. В качестве примера грамматической омонимии можно также привести формы *nostrum / vestrum*, которые являются как личными, так и притяжательными местоимениями, формы герундия и герундива на *-i*, *-o*, *-um*, сочетание глагола в личной форме и инфинитива, которое можно спутать с грамматическим сказуемым и логическим сказуемым оборота *accusativus cum infinitivo*, и др.

Преодоление ошибок, связанных с грамматической интерференцией, возможно несколькими способами. Первым способом является обязательное включение в занятие первичной автоматизации грамматических навыков чтения и перевода непосредственно после объяснения новой грамматической темы. Как правило, занятие по латинскому языку в языковом вузе имеет два этапа: 1) фронтальный опрос домашнего задания и 2) объяснение нового грамматического материала. Каждый из этих этапов обычно занимает половину полуторачасового занятия. Более результативным, на наш взгляд, является занятие, которое состоит из трех этапов: 1) фронтального опроса домашнего задания, которое могло бы занять около 30 минут за счет применения более экономичных по времени заданий (например, тестов с множественным выбором, опроса лексики и крылатых выражений не каждого студента по отдельности, а всех сразу); 2) объяснения нового материала в сжатом виде с использованием схем, таблиц и мнемонических правил, способствующих его быстрому запоминанию, в течение 30 минут и 3) первичной автоматизации грамматических навыков чтения и перевода текстов в течение оставшихся 30 минут. Следует отметить, что под грамматическими навыками чтения подразумеваются «автоматизированные действия по узнаванию и сличению грамматической информации в процессе чтения» [9. С. 13]. Такая автоматизация грамматических навыков способствует прочному запоминанию и активному узнаванию грамматического материала при чтении текстов. Сами студенты признаются, что им недостаточно узнать теорию, им важны практические задания, следующие непосредственно после объяснения материала. Кроме того, такая практика помогает студентам более качественно выполнить домашнее задание. Вторым способом преодоления ошибок, связанных с грамматической интерференцией, является создание системы упражнений для более успешного формирования грамматических навыков, которые могли бы быть использованы как при первичной автоматизации грамматических навыков чтения, так и в последующей работе над грамматическим материалом дома и в аудитории. Такие упражнения должны быть разнообразны. Как пишет Н.С. Гринбаум, «усилению мыслительного процесса во время занятий способствует разнообразие упражнений» [10. С. 303]. Кроме того, упражнения

должны быть эффективны, то есть должны позволять достичь хорошего результата при малых затратах времени и сил. Это могут быть 1) упражнения на морфологический и синтаксический анализ словоформ и их группировку; 2) подстановочные упражнения (например, задание «Согласуйте причастия с существительными» [7. С. 20]); 3) трансформационные упражнения (например, задание «Заполните таблицу, заменив время *praesens conjunctivi* глаголов на время *imperfectum conjunctivi*, сохранив лицо и число» [8. С. 15] или «Переведите на латинский язык, используя придаточное временное и причастный оборот» [6. С. 277]). В отношении трансформационных упражнений надо отметить, что применительно к синтаксису они особенно эффективны. В отечественной методике преподавания иностранных языков в последние 50 лет получили распространение так называемые трансформации конвергенции [11. С. 5-35; 12. С. 47; 13. С. 222-233], суть которых состоит в том, что для преодоления интерференции родного языка предлагается трансформировать те или иные синтаксические структуры иностранного языка с целью приблизить их к существующим в родном языке. «Эти трансформации представляют собой преобразования, имеющие целью приближение синтаксиса анализируемого текста к синтаксису родного языка» [13. С. 222]; 4) упражнения на множественный выбор (например, «Выберите третий лишний» [8. С. 16-18, 51-61]; 5) упражнения на исправление ошибок (например, с заданием «Найдите ошибку и исправьте ее»); 6) упражнения на нахождение соответствий (например, «Сопоставьте существительные из первой колонки с прилагательными из второй колонки, согласовав их в роде, числе и падеже»); 7) упражнения на перевод с русского языка на латинский (например, в форме множественного выбора [8. С. 20]; такие упражнения особенно полезны, так как носят репродуктивный характер); 8) комплексная работа над связным текстом (например, задание «Сделайте морфолого-синтаксический разбор глаголов в конъюнктиве» [8. С. 23-24, 50]).

Лексико-семантическая интерференция связана со значением слова и его правильным переводом с учетом грамматической семантики. **Лексико-семантическая межъязыковая** интерференция выражается, как правило, в буквализме при переводе латинских слов на русский язык. Например, в классической латыни слово *imperator*

означало «полководец», и потому неправильно переводить его словом «император». Межъязыковая интерференция также проявляется в необходимости учитывать количество корневого слога (долготу или краткость) при определении семантики слова, поскольку в русском языке такого явления нет. Например, глагол *edūco* (1) переводится как «я воспитываю», а *edūco* (3) – «я вывожу».

Лексико-семантическая внутриязыковая интерференция проявляется в подмене значения слов. Глагол *docere* (2) означает «учить (других)», в то время как в процессе перевода студенты иногда искажают его смысл, переводя как «учить/изучать (что-либо)». К внутриязыковой интерференции можно также отнести трудности перевода с учетом видовой оппозиции глаголов. Так, глагол *vastabant* следует переводить несовершенным видом («они опустошали»), а глагол *vastaverunt* – совершенным («они опустошили»). В отношении таких форм, как *venit*, *statuit* и др., которые могут стоять как в *praesens indicativi activi*, так и в *perfectum indicativi activi*, можно сказать, что данные примеры грамматической омонимии иллюстрируют как грамматическую, так и семантическую внутриязыковую интерференцию.

Преодоление действия лексико-семантической интерференции заключается в тщательной работе над новой лексикой. Студенту необходимо добросовестно учить наизусть заданный на дом лексический минимум до того, как он приступает к чтению и переводу заданных на дом предложений и текстов. Преподавателю, в свою очередь, следует выделять как минимум пять минут во время опроса домашнего задания для контроля знания лексики. Контроль подразумевает как устный, так и письменный опрос студентов, например, индивидуальную работу на карточках (работа на карточках может включать в себя как традиционное задание «Переведите слово на латинский язык», так и подстановочные упражнения типа «Вставьте в предложение подходящее слово из предложенных» или лексический тест с использованием множественного выбора). Преподаватель может опрашивать лексику как каждого студента по отдельности во время его ответа, так и всех студентов друг за другом перед чтением и переводом домашних текстов, что существенно экономит время. Любой вид опроса подразумевает работу с лексическими параллелями, в процессе которой студент не просто

указывает латинские дериваты в русском и изучаемом иностранном языке, но и пытается семантически объяснить этимологию дериватов (например, слово «амикошонство» образовано от латинского слова *amicus, amici m* («друг»); семантическое родство между данным этимоном и его дериватом обусловлено тем, что амикошонство – это псевдодружеское обращение). Вторым способом преодоления лексико-семантических трудностей является выполнение специальных упражнений. К ним относятся 1) упражнения на лексико-семантический анализ предложения, то есть подбор правильного перевода слов на основе контекста; 2) подстановочные упражнения (например, «Подставьте в предложение подходящее по смыслу существительное в правильном падеже и числе»); 3) упражнения на нахождение соответствий (например, «Сопоставьте латинские слова и их перевод»); 4) трансформационные упражнения (например, «Измените данные предложения так, чтобы значение сослагательного наклонения было связано не с настоящим или будущим, а с прошлым» [8. С. 22-23]); 5) упражнения на множественный выбор; 6) упражнения на исправление ошибок; 7) упражнения на перевод с русского на латинский язык; 8) комплексная работа над связным текстом (например, задания «Определите, верны (*verum*) или не верны (*non verum*) следующие утверждения», «Ответьте на вопросы по тексту», «Определите значение конъюнктива» [8. С. 23-24, 50]).

Таким образом, при аналитическом чтении и переводе латинской прозы студентами языкового вуза имеет место лингвистическая интерференция (фонетическая, грамматическая, лексико-семантическая). Задача преподавателя – умело преодолевать интерференцию как с помощью эффективного структурирования занятий, так и с помощью выполнения разнообразных упражнений в аудитории и дома.

Библиографический список

1. Кацман Н.Л. Методика преподавания латинского языка. М.: Высшая школа, 1979. 142 с.
2. Вайнрайх У. Языковые контакты. Состояние и проблемы исследования. Киев: Вища школа, 1979. 263 с.
3. Хауген Э. Языковой контакт // Новое в лингвистике. Вып. VI. Языковые контакты: Сборник статей. М.: Прогресс, 1972. С. 61-80.

4. Шатилов С.Ф. Некоторые теоретические вопросы методики обучения чтению на иностранном языке в школе и вузе // Обучение чтению на иностранных языках в школе и вузе: Сборник научных работ. Л.: ЛГПИ, 1973. С. 1-10.

5. Алимов В.В. Интерференция в переводе (на материале профессионально ориентированной межкультурной коммуникации и перевода в сфере профессиональной коммуникации): Автореф. дис. ... докт. филол. наук. М., 2004. 40 с.

6. Латинский язык: Учеб. для пед. ин-тов по спец. «Иностр. яз.» / В.Н. Ярхо, Н.Л. Кацман и др.; Под ред. В.Н. Ярхо, В.И. Лободы. М.: Высшая школа, 2002. 384 с.

7. Брагова А.М. Неличные формы латинского глагола: Учебно-метод. пособие для студентов. Нижний Новгород: НГЛУ, 2006. 92 с.

8. Брагова А.М. Латинский конъюнктив: значение, образование и употребление: Учебно-метод. пособие для студентов. Нижний Новгород: НГЛУ, 2010. 90 с.

9. Цырлина З.И., Басова Н.В. Грамматические навыки чтения и пути их формирования // Обучение чтению на иностранных языках в школе и вузе: Сборник научных работ. Л., 1973. С. 11-18.

10. Гринбаум Н.С. Взгляд в античность. *Varia*. СПб.: Нестор-История, 2010. 380 с.

11. Мельчук И.А., Жолковский А.К. К построению действующей модели «смысл – текст» // Машинный перевод и прикладная лингвистика. Вып. II. М., 1969. С. 5-35.

12. Розенцвейг В.Ю. Языковые контакты. Л., 1972. 77 с.

13. Зильберман Л.И., Абрамова Г.И. Сопоставление иностранного и родного языков при обучении чтению научной литературы (на материале англо-русских сопоставлений) // Обучение чтению научного текста на иностранном языке. М., 1975. С. 222-233.

Сведения об авторе

Брагова Арина Михайловна
кандидат исторических наук,
доцент кафедры культурологии, истории и древних языков
НГЛУ им. Н.А. Добролюбова
E-mail: arbra@mail.ru

УДК 74.268.8

ЭЛЕКТРОННЫЙ УЧЕБНИК ПО АНГЛИЙСКОМУ ЯЗЫКУ ДЛЯ МАГИСТРАНТОВ В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННОЙ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ПАРАДИГМЫ

Н. Э. Горохова

*Санкт-Петербургский государственный
инженерно-экономический университет, Санкт-Петербург*

В статье рассматриваются актуальные вопросы создания и использования электронного учебника по английскому языку для магистрантов в системе двухуровневого высшего профессионального образования.

Ключевые слова: учебник, иностранный язык, профессиональное образование.

English E-Textbooks for Students in Master's Degree Programs in the Context of the Modern Educational Paradigm Natalia Gorokhova

The article deals with the current issues of developing and using electronic English textbooks for students in master's degree programs of the modern two-level higher professional education paradigm.

Key words: textbook, foreign language, professional education.

В настоящее время в связи с изменениями в организации учебного процесса в вузе идет поиск путей, которые позволили бы повысить качество обучения и уровень владения иностранным языком. В этой связи одним из главных условий является создание системы приоритетов, ядро которой составляют совершенно новые роли обучаемых и обучающихся. Кроме этого, одной из задач становится формирование комплексного пакета образовательных ресурсов, предполагающих не только учебно-методическое обеспечение в виде традиционных учебных комплектов, но и электронных материалов. Основу данной системы, на наш взгляд, составляет учет потребностей обучения как в широком смысле, имея в виду конечный результат обучения и возможности использования специалистов высшего качества в любой области на глобальном конкурентном рынке труда, так и в более узком понимании – развитие и поддержка профессиональной компетенции выпускников средствами иностранного языка.

Отличительным признаком второй ступени обучения в условиях перехода на многоуровневую систему обучения в вузе является превалирование самостоятельной работы по иностранному языку в семестре над аудиторной: 36 часов аудиторные занятия и 132 часа внеаудиторная (самостоятельная) работа почти по всем направлениям и профилям магистерской подготовки. Возникает необходимость изменения отношения каждого из участников образовательного процесса: преподавателя, с одной стороны, и студента, с другой, к самостоятельной работе в системе обучения профессиональному иностранному языку в рамках новой образовательной парадигмы, разработкой планов третьего поколения, перспективами академической мобильности, инновационным подходом к языковому образованию в отечественных и зарубежных вузах. Новая технология обучения языку предполагает, что студент учится самостоятельно, а преподаватель осуществляет мотивационное управление его учением и погружение в профессионально-ориентированную языковую среду, предоставляя каждому обучаемому лингводидактические пошаговые указания для самостоятельного изучения языка. Такое управление учебной деятельностью служит подготовкой к дальнейшей внеаудиторной работе магистрантов без преподавателя.

За последние годы для повышения качества высшего профессионального образования в условиях модернизации, информатизации делается многое по созданию технологической и материальной базы высшего учебного заведения: открываются мультимедийные аудитории, лингафонные классы, приобретается новейшее компьютерное оборудование и программное обеспечение. В свою очередь техническое оснащение университета актуализирует проблему разработки и активного использования электронного конвента в учебном процессе по дисциплинам, не связанным с изучением информационных технологий и систем. В данном случае мы имеем в виду «Иностранный язык» как базовую дисциплину гуманитарного цикла. Практика показывает, что ведущей задачей для преподавателя становится создание и активное использование информационных и электронных технологий в обучении. Назрела потребность в концептуальном обосновании и создании модели языковой подготовки студентов в контексте их профессионального становления. Перспективным в связи с этим является создание и

применение электронного учебника, который может сыграть особую роль в организации учебной деятельности во внеаудиторное время, а также во время проведения самостоятельной работы под руководством преподавателя.

Определяя роль традиционного учебника в образовательном процессе, В.В. Краевский и И.Я. Лернер пишут, что он включает основной материал и материал, отражающий аппарат для усвоения. При этом они полагают, что учебник должен представлять собой «конечный проект обучения, определяющий основные характеристики сценария урока или темы» [8. С. 306]. В свою очередь электронный учебник, аналогично традиционному, также фиксирует детализированное и развернутое содержание обучения по предмету, а его содержание должно реализовать образовательную, развивающую и воспитательную функции обучения.

По словам Э.Г. Азимова, учебник предопределяет деятельность не только учителя, но и учащегося. Именно этим, согласно исследователю, должен отличаться учебник, использующийся в условиях компьютеризации, от традиционного [1. С. 183]. С нашей точки зрения, правомерно утверждать, как это делают Э.Г. Азимов, В.В. Краевский, И.Я. Лернер [1; 8], что расширение функционального назначения электронного учебника нового поколения означает, прежде всего, необходимость существенного усиления его управляющей функции, а это потребует тщательной разработки всех деталей, тонкостей в структуре и содержании языкового материала. Поэтому, создавая свой электронный учебник, мы исходим из того, чтобы научить магистрантов обходиться без преподавателя. При этом следующий аспект проблемы создания и применения электронного учебника – высокая степень индивидуализации обучения каждого студента.

Э. Г. Азимов, анализируя функции самых первых электронно-вычислительных машин в учебном процессе, указывал, что они играют вспомогательную роль, «поскольку во многом решают те же методологические задачи, что и традиционные технические средства обучения. Об этом свидетельствует широкое распространение термина в методике преподавания иностранных языков «computer-assisted language learning» (поддерживаемое компьютерное обучение)» [1. С. 3]. Эту же мысль подчеркивают Г. Л. Смолян, К. Б. Шошников,

указывая на то, что «компьютеры никогда не заменят учителя, и они станут его помощниками только тогда, когда сам учитель взойдет на новую ступень своего профессионального, педагогического и общего интеллектуального развития» [7. С. 52-53]. Использование компьютера, как верно подчеркивает И. Кечкеш, является не методом, а методическим приемом, применяемым в современной методике, для которой самое важное значение имеет принцип активной коммуникативности. Компьютер, по его словам, поддерживает и активизирует процесс обучения. При этом он полагает, что необходимо учитывать две группы пользователей: обучаемых и преподавателей. Последние должны знать специфику данного средства обучения, которое может облегчить его работу [3. С. 79-84].

С нашей точки зрения существенным дополнением к рассматриваемому вопросу является тот факт, что электронный учебник – это алгоритм, представляющий собой последовательность команд (инструкций) для обучаемых, написанных и направленных на развитие языковой компетенции в контексте профессиональных интересов. Мы согласны с Н.А. Криницким, что в настоящее время понятие «алгоритм» вышло за пределы математики. Исследователь пишет, что «его стали применять в самых различных областях, понимая под ним точно сформулированное правило, назначение которого – быть руководством для достижения необходимого результата» [4. С. 4]. Разрабатывая проблему личностно-деятельностного подхода в обучении, И.А. Зимняя отмечала, что задача преподавателя – определить «номенклатуру учебных действий, их иерархию и организовать выполнение этих действий на основе овладения их ориентировочной основой и алгоритмом» [2. С. 53]. Подтверждая этот вывод, мы выявили важную особенность использования электронного учебника при обучении языку: с его помощью активизируется мыслительная деятельность обучаемых, индивидуализируется темп обучения, происходит самоуправление процессом обучения.

Э.Г. Азимов предлагает при разработке компьютерных программ учитывать функции, которые они могут выполнять в учебном процессе [1. С. 25]:

1) имитация деятельности преподавателя во время учебного занятия (презентация языкового материала по теме);

- 2) моделирование различных ситуаций общения;
- 3) тренажер для формирования определенных умений;
- 4) партнер в диалоге;
- 5) инструмент, с помощью которого обучаемые создают различные тексты.

Очевидно, идея Э.Л. Носенко, что учебник исполняет роль электронного справочника [5. С. 34], является справедливой. В силу того, что мы рассматриваем особенности построения электронного учебника, возникает необходимость охарактеризовать выделяемые нами структурные блоки учебника в зависимости от характера учебной деятельности магистрантов во внеаудиторное время:

- 1) обучающий, в рамках которого студенты получают новый учебный материал;
- 2) демонстрирующий, целью которого является демонстрация на определенном уровне специфики значения и употребления слов, профессиональных терминов, конструкций, предложений;
- 3) репетирующий, направленный на закрепление определенных знаний, навыков и умений в одном из видов речевой деятельности;
- 4) моделирующий, с помощью которого моделируется процесс создания сочетаний, предложений путем наполнения определенных структур новыми лексическими единицами;
- 5) контролирующий, обеспечивающий проверку знаний и умений по изучаемой теме.

Мы считаем, что в одном блоке можно сразу представить различные режимы: от демонстрации языкового материала, тренировки, консультации до контроля его усвоения.

Предлагаемая нами структура электронного учебника, основанная на тезаурусном подходе к отбору содержания обучения и принципе блочно-модульной системы, позволяет, в частности, группировать отобранный языковой материал в рамках нескольких модулей и блоков. Блоки соответствуют аспектам обучения с учетом всех видов речевой деятельности, а модули – темам. В составе модуля представлены аутентичные тематические тексты, способные дать магистранту не только основные понятия в его профессиональной области, но и развивать его мышление, ориентировать на перспективу.

Ключевое значение в методическом обеспечении электронного учебника приобретает блок, предназначенный для расширения читательских умений магистрантов, основу которого составляют литературные и научные источники на языке оригинала. Особое внимание при работе с данным материалом уделяется умениям в работе с текстами. Типы текстов для рецептивного восприятия, предполагают формирование способности воспроизведения текстов, соответствующих темам, ситуациям, а также коммуникативным задачам. При отборе языковых текстов мы, вслед за С.Н. Уласевич [9. С. 23], руководствуемся следующими критериями: во-первых, наличие четкой структуры, как в смысловом, так и формальном отношении. Во-вторых, представленная в тексте информация должна быть обязательно выражена эксплицитно (открыто), так как основная цель при восприятии и дальнейшей работе с текстами – это понимание основного содержания или значимых деталей, представленных в тексте. Более того, восприятие текста предполагает адекватное смысловое решение, включающее ответное речевое и неречевое действие.

Следующий блок, способствующий развитию речевой и социокультурной компетенций, включает методику работы с учебными профессионально-ориентированными аутентичными микротекстами. Структура и содержание цикла самостоятельного занятия с текстовым материалом включают целую серию представленных нами взаимосвязанных этапов, с разнообразными «дриллинговыми» упражнениями. В методике обучения иностранным языкам «drill» относится к тренировочным упражнениям. Используются такие упражнения при усвоении и закреплении языкового материала путем повторения, изменения или трансформации выделенных и отрабатываемых моделей. Известен и второй вариант «meaningful drill», спецификой которого являются тренировочные упражнения, имеющие смысловую значимость для обучаемых. Серия таких упражнений, представленная в электронном учебнике, предусматривает частое повторение отрабатываемых моделей и структур. Причем это не бессознательное повторение, а с учетом смысловой значимости и личностной при достаточно высокой степени мотивации обучаемых. Антиподом таких тренировочных заданий можно считать упражнения, включенные нами в блок на

начальном этапе, выполняя которые студент ничего не отбирает самостоятельно, а лишь механически повторяет предложенные правильные модели «meaningless drill». При выполнении заданий по образцу студент не ошибается, но и не осознает цель их выполнения.

Е.И. Пассову принадлежит мысль, что «в любой деятельности многие автоматизированные действия периодически, по мере надобности, повторяются, репродуцируются, человек в этом случае опирается на известные ему алгоритмы действий. Но всякая деятельность (и речевая в том числе) не может быть алгоритмизирована, иначе пришлось бы согласиться с тем, что человек говорит готовыми фразами. В действительности же всякий раз в зависимости от ситуации общения порождается такое высказывание, которое адекватно коммуникативной задаче решает ее. Заранее это высказывание чаще всего предсказать нельзя. Такая непредсказуемость речевых действий и есть эвристичность говорения» [6. С. 14].

Разрабатывая задания для компьютерных программ при обучении языку, Э.Г. Азимов [1. С. 25-26] отмечал различные основания для типологической классификации учебных программ:

- 1) типы упражнений, которые выполняются с помощью компьютера;
- 2) цели, которые достигаются в процессе компьютерного обучения;
- 3) характер языковых единиц, изучение которых осуществляется.

Применяя общую классификацию, мы выделяем следующие типы языковых упражнений по первому основанию:

- 1) подстановочные, основу которых составляют задания на заполнение пропущенных частей в структуре;
- 2) комбинационные, предполагающие построение предложений из предложенных слов;
- 3) трансформационные – изменение лексической единицы в соответствии с коммуникативным заданием;
- 4) упражнения на сопоставление, которые требуют определения семантических связей между языковыми единицами: словами, грамматическими структурами;

5) задания на поиск ошибок в представленных сочетаниях или предложениях;

6) конструирующие – построение новой фразы с опорой на предложенный образец.

7) на перевод с иностранного языка на русский язык и наоборот.

При втором подходе к отбору языкового материала и формулировке заданий все упражнения можно условно разделить на следующие группы:

1) изучение определенных тем и разделов языка;

2) обучение четырем видам речевой деятельности.

3) контроль знаний, навыков и умений.

Выделяя структурные компоненты при третьем подходе к типологии упражнений, мы следуем рекомендациям Э.Г. Азимова [1. С. 26], который определял различные подгруппы компьютерных обучающих программ, а именно: лексические (толкование, зрительная семантизация, реконструкция слова, определение сочетаемости), грамматические (заполнение формоизменяемых парадигм) и др. Для каждого сформулированного нами задания также характерен определенный тип упражнений. Упражнения на лексику и терминологию включают «дриллы» на использование синонимов, антонимов, дефиниций. Грамматические упражнения предполагают, например, трансформацию одной отрабатываемой языковой структуры в другую.

В заключение отметим, что сегодня существует достаточное количество разнообразных образовательных компьютерных программ и пособий, что, в принципе, должно освободить преподавателя от необходимости создания собственного электронного курса по дисциплине «Иностранный язык». Однако готовые компьютерные программы могут использоваться только для определенных аспектов преподаваемого материала, они не предполагают целостность обучения и профессионального становления выпускника средствами иностранного языка. Реформа образования в контексте современной образовательной парадигмы может состояться только при совершенствовании учебных материалов, предназначенных для обучения студентов – будущих специалистов иностранному языку, как одному из необходимых условий обучения в высшей профессиональной школе.

Библиографический список

1. Азимов Э.Г. Использование компьютера в обучении русскому языку как иностранному. М.: Рус. яз., 1989. 76 с.
2. Зимняя И.А. Личностно-деятельностный подход в обучении русскому языку как иностранному // Русский язык за рубежом. 1985. № 3. С. 48-53.
3. Кечкеш И. Комплексные циклические порождающие программы обучения по русскому языку // Русский язык за рубежом. 1987. № 4. С. 79-84.
4. Криницкий Н.А. Алгоритмы вокруг нас. М., 1984. 224 с.
5. Носенко Э.Л. ЭВМ в обучении иностранным языкам в вузе: Учеб.-метод. пособие. М.: Высш. шк., 1988. 104 с.
6. Пассов Е.И. Коммуникативный метод обучения иноязычному говорению. М.: Просвещение, 1991. 223 с.
7. Смолян Г.Л., Шошников К.Б. Феномен персональной ЭВМ: философско-методологический аспект // Вопросы философии. 1986. № 6. С. 52-53.
8. Теоретические основы содержания общего среднего образования / Под. ред. В.В. Краевского, И.Я. Лернера. М., 1983. 352 с.
9. Уласевич С.Н. Оксфордское качество. Инновационная уровневая образовательная программа по английскому языку для общеобразовательной школы. М.: РЕЛЮД, 2009. 80 с.

Сведения об авторе

Горохова Наталья Эдуардовна
кандидат психологических наук,
доцент кафедры иностранного языка
Санкт-Петербургского государственного
инженерно-экономического университета
E-mail: negorokhova@mail.ru

УДК 378.147:811.111:37.015.3

ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА ПЕДАГОГИЧЕСКОГО ДИАЛОГА В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ ПРОЦЕССЕ ВУЗА

Е. И. Перфильева

*Национальный исследовательский университет «Высшая школа
экономики – Нижний Новгород», Нижний Новгород*

А.В. Ерофеева

*Нижегородский государственный политехнический университет
им. Р.Е. Алексеева, Нижний Новгород*

В последние годы для всех профессиональных педагогов, работающих в высшей школе, становится всё более важным научное обоснование преподавания и исследования. Педагогический диалог как новая объяснительная модель инновационной педагогики не получил достаточного практического применения в вузовской практике. В предлагаемой статье анализируются важные для развития педагогического диалога в образовании методологические и теоретические позиции. Описывается опыт диалогового взаимодействия студентов в процессе изучения иностранного языка.

Ключевые слова: гуманитарная парадигма в образовании, философия диалога, учебный диалог, педагогический диалог, коммуникация, малая группа.

Theory and Practice of Educational Dialogue in University Level Teaching

Evgeniya Perfilyeva, Alla Erofeeva

In recent years all faculty members of colleges and universities have found it increasingly important to have solid scientific substantiation for their teaching and research processes. As of today, educational dialogue as an innovative explanatory model in teaching has found little theoretical support or practical application. This article seeks to remedy the situation by laying the methodological and theoretical foundation for this type of educational dialogue and by describing some practical experience of student dialogue interaction in the foreign language classroom.

Key words: humanitarian paradigm in education, philosophy of dialogue, training dialogue, educational dialogue, communication, small group.

В развитии высшей школы ведущих стран на рубеже XX и XXI веков эксперты выделяют шесть тенденций, три из которых (массовость, коммерциализация, переход к гибким специальностям) вызваны социально-экономическими причинами. Три других (гибкость передачи знаний, развитие новых форм и новых технологий получения знаний) – это результат изменения образовательной парадигмы: трансляция «готовых знаний» меняется на формирование

компетенций, а объяснение как ведущий дидактический метод вытесняется методом учебного диалога [1. С. 89-92]. В системе высшего образования России все указанные тенденции также просматриваются достаточно отчетливо, однако в обновлении образовательной парадигмы имеется ряд особенностей. Например, в ходе обновления образовательного знания и технологий акцент делается на гуманитарное содержание образования и интерактивные технологии, способные изменить характер мышления будущего специалиста в соответствии с современными требованиями к нему. Гуманитарное познание окружающего мира способствует развитию гуманитарного мышления, которое обладает «единственностью и всеобщностью». Всеобщность такого типа мышления проявляется в обращённости к смыслу. Гуманитарное видение проблемы у специалиста любой сферы деятельности определяется его способностью к взаимодействию и диалогу с другими людьми. Диалог в такой ситуации становится универсальным и необходимым средством для разрешения многих личностных и профессиональных противоречий (В.П. Зинченко, Ю.Н. Кулюткин, Г.С. Сухобская).

В образовательной практике высшей школы сложилась осознаваемая многими противоречивая ситуация: с одной стороны, в процессе обучения сохраняются традиции образовательного монолога, а с другой, очевидна ограниченность такой организации образовательного процесса в условиях меняющейся реальности. Анализ практики высшего образования позволяет отметить, что перспективными, с точки зрения новой ситуации в образовании, представляются такие подходы, которые изменяют положение, статус и позицию участников образовательного процесса. К ним относятся: актуализация диалоговых методов обучения, изучение индивидуального стиля познавательной деятельности студента, создание условий для развития активности всех участников образовательного процесса. Научную разработку и освоение диалоговых технологий обучения можно отнести к ключевым вопросам модернизации высшей школы.

Современная образовательная ситуация предлагает педагогу высшей школы диалоговое взаимодействие с обучаемыми и как новую философию образования, и как гуманитарную ценность и

форму педагогического взаимодействия, а также как метод психолого-педагогического исследования.

Цель нашей статьи – обсуждение методологических трудностей построения диалогических отношений в образовании. Построение таких отношений является необходимым, на наш взгляд, условием гуманитаризации образования. И, хотя мы разделяем мнение В.П. Зинченко о рутинизации и превращении идеи гуманитаризации в штамп, обратим внимание на «живое знание» о диалоге в гуманитарных науках [2. С. 37]

Обозначить общие характеристики педагогического диалога и специфику диалогового взаимодействия в процессе обучения иностранному языку в вузе принципиально возможно, по нашему мнению, на основе методологии гуманитарного познания.

Диалог как явление гуманитарного познания представлен уже в традициях ученичества как «воспроизведение в ученике бессмертной личности учителя» (М.Ю. Опенков).

Преобладание монологических способов и приёмов обучения имеет своё историко-педагогическое и культурно-психологическое объяснение и может стать предметом специального изучения. В гуманитарной науке предметом познания выступает говорящий субъект и его слово; следовательно, возникает задача восстановления, передачи и интерпретации чужих слов. Для гуманитарного познания и понимания человека, проявившего себя в культуре, слове, деятельности, особенно важен метод: в силу своей универсальности и принципиальной незавершенности гуманитарное познание не может не быть диалогичным. Гуманитарная линия в образовании получила сегодня достаточную научную обоснованность, однако сферой образовательной практики многое остаётся не воспринимаемым.

Целостное понимание природы диалога складывается в системе гуманитарного знания в точках пересечения лингвистики, риторики, литературоведения, философии, психологии. По мнению В.А. Кутырёва, сегодня в гуманитарных науках наблюдается абсолютизация диалога, «когда многообразие человеческих связей, чувств и восприятий мира отождествляется с их текстовой формой» [3. С. 170]. На наш взгляд, освоение диалоговых технологий обучения современной образовательной практикой затруднено

несогласованностью философских, лингвистических и психологических трактовок феномена диалога.

В Современном философском словаре диалогом называется «особый уровень коммуникативного процесса, на котором происходит слияние личностей участников коммуникации» [4. С. 16]. Философское толкование понятия каждая наука стремится перевести в практическую плоскость в соответствии с проблематикой изучения диалога. Социальная психология, например, понимает диалог как разговор, беседу, попеременный обмен репликами двух или более людей. При этом репликой считается ответ в виде действия, жеста, молчания. В консультативной психологии коммуникативный подход провозглашается основой психологической помощи клиенту. Педагогическая психология рассматривает диалог через призму общения. Как отмечает И.А. Зимняя, диалогическое педагогическое общение является центральным элементом управления процессом обучения. От характера диалогического общения зависит в значительной степени развитие обучаемых. Как следствие диалоговой природы обучения, управление педагогическим процессом в современных условиях требует знания лингвистических, психологических и педагогических характеристик общения. Теоретические основы педагогического взаимодействия (И.А. Зимняя, Я.Л. Коломинский, А.В. Мудрик, Н.Ф. Радионова и др.) достаточно полно и всесторонне раскрыты в исследованиях психологов, к сожалению не получили пока последовательного применения в образовательной практике вуза.

Для понимания специфики диалогических отношений в образовании обратимся к двум значениям понятия «диалог». Термин «диалог» (в переводе с греч. *dialogos*) существует в транскрипции двух переводов: *di(s)* – «два» и *dia* – «между». В первом случае «диалог» означает разговор двух, «трилог» - трех, «полилог» - многих лиц. Для подчеркивания противоположности процесса – однонаправленной коммуникации - широко употребляется термин «монолог». Второй перевод – «между» – обуславливает расширенное толкование понятия «диалог» и предполагает взаимосвязь коммуникаций естественного и искусственного миров, общение с реальными и воображаемыми собеседниками. На наш взгляд, вторая трактовка точнее передаёт природу диалога: «”Диа”, а не “ди”

означает любое число участников, а диалог - слово, которое проходит через весь круг собеседников» [5. С. 116]. В таком значении «диалог» не отдельный приём или фрагмент учебного занятия, а сложное равенство разных картин мира участников образовательного процесса.

В философии XX века концепции диалога создаются в связи с проблемой разрыва (отчуждения) между субъектом и плодами его деятельности. Концепции диалога создавали философы, культурологи (М. Бубер, С.Л. Франк), но наиболее известным автором теории диалога и основателем научной школы, утверждающей диалогическую науку, принято считать литературоведа М.М. Бахтина, для которого любое прикосновение к миру культуры становится диалогом с этим миром. Теоретическими источниками большинства философских концепций диалога стали теория гуманитарного знания, созданная М.М. Бахтиным, и исследования сознания, предпринятые Э. Гуссерлем и его учениками. Взгляд на природу человека, выраженный фразами: «Мы-разговор», «Я-Ты-диалог», развивает коммуникативные подходы к диалогу в связи с проблемами свободы и истины. При этом сопоставляются разные трактовки диалога: онтологическая («со-бытие»), социологическая (взаимодействие), культурологическая (культура диалога, диалогический обертон), экзистенциальная (восхождение духа), герменевтическая (взаимопонимание), психолого-педагогическая (партнерство, сотворчество, сотрудничество, ценностно-смысловое общение).

Отметим общие для гуманитарных наук позиции при обсуждении природы диалога.

1. В диалоге каждое сообщение рассчитано на его интерпретацию собеседником и возвращение в обогащенном, интерпретированном виде для дальнейшей аналогичной обработки другим партнером. Диалоговое общение – это процесс выработки новой информации, общей для общающихся людей и рождающей их общность.

2. Диалог предполагает уникальность каждого партнера и их принципиальное равенство друг другу при различии и оригинальности их точек зрения; ориентацию каждого на понимание и на активную интерпретацию его точки зрения партнером; ожидание ответа и его предвосхищение в собственном высказывании; взаимную

дополнительность позиций участников общения, соотнесение которых является целью диалога. Вот почему диалог может быть формой связи субъектов, выражая все те черты, которые отличают субъекта от объекта.

3. Ярче всего структура диалога моделируется музыкой, когда она использует не форму обмена монологами-ариями, а форму дуэта, трио, квартета, представляющую собой предельный случай диалогичности целостно неделимого взаимодействия составляющих его партий, до такой степени зависимых друг от друга, что они вообще не имеют самостоятельного существования, образуя одновременное, а не чередующееся звучание.

4. Диалогические отношения, независимо от области их реализации (образование, творчество, медицина и др.) построены на опыте собственных переживаний участников и их взаимодействии.

Таким образом, междисциплинарный принцип изучения гуманитарного знания, предложенный М.М. Бахтиным, объединяет культурно-психологические исследования природы диалога, связанные с именами В. Дильтея, А.А. Потебни, Л.Б. Щербы, Р. Якобсона и др. Он выступает методологическим средством для интеграции представлений о диалоге.

Уточним специфику изучения и понимания диалога в различных отраслях гуманитарного знания. Диалог в психологии представлен в психологических теориях гуманитарного типа и практико-ориентированных психологических концепциях, где в основном понимается как речевая коммуникация, общение (разговор, обсуждение, беседа, диспут, дискуссия, спор и т.д.), чем подчеркивается его когнитивная составляющая. Эти направления изучения диалога опираются, как на основу, на классическую отечественную психологию общения, разработанную в трудах Б.Г. Ананьева и его последователей: В.Н. Мясищева, а затем А.А. Леонтьева, А.А. Бодалева, В.Н. Панферова и др.

Авторы коллективной монографии «Общение и познание» развивают на межнаучной основе идеи единства познания и общения. В работе представлены результаты экспериментальных исследований особенностей взаимопонимания в диалоге и обсуждаются два вида взаимодействия в диалоге: отношенческое и проблемное. «В совокупности результаты проведённых исследований показали, что в

диалоге реализуются два плана взаимодействия собеседников: проблемный, предполагающий обсуждение и решение некой проблемы, и отношенческий, регулирующий взаимоотношения собеседников» [6. С. 388]. Подобная организация присуща диалогам, реализующимся в самых различных коммуникативных ситуациях.

В психологических теориях гуманитарного типа диалог не описывается как независимый объект, а прослеживаются взаимоотношения исследователя с этим объектом (смена монологической позиции на диалогическую, атрибуты «умного понимания» и др.). Например, С.Л. Братченко, изучая межличностный диалог, утверждает, что «равноправие как взаимное признание свободы друг друга» [7. С. 211-212] является важнейшим атрибутом межличностного взаимодействия и предлагает использовать принципиально новую идею «коммуникативных прав личности» для раскрытия содержания понятия «свобода и равноправие в диалоге». Рассмотрим систему этих прав. Во-первых, это группа прав, объединённая понятием «свобода личности»:

- право на достоинство и уважение;
- право на индивидуальность;
- право на свою систему ценностей.

Во-вторых, это права на свободу мысли:

- на свободную, ничем не регламентированную мысль;
- на независимость суждений;
- на сомнения или несогласия

И, наконец, в-третьих, это группа коммуникативных прав технологического характера, обеспечивающих свободу диалога:

- на вопрос к собеседнику;
- на изменение, развитие своей позиции;
- на выражение чувств и переживаний в общении.

Диалогичность общения при нарушении этих прав нарушается. В предлагаемом психологическом подходе важен сам диалоговый принцип равноправия собеседников, а не только перечень прав, который может быть дополнен.

Диалог в образовательном знании и педагогических исследованиях не имеет пока общего научного обоснования. Сопоставление только некоторой части подходов к изучению природы диалога показывает, что построение диалога в образовании

сопряжено, прежде всего, с методологическими трудностями: отсутствием общепринятой трактовки термина «диалог», незавершенностью общей теории диалога и, в связи с этим, ориентацией образования на разные культурные ценности диалога. В результате диалог трактуется на основе разных категорий: а) как особый тип педагогических отношений, строящихся на принципах доверия и сотрудничества; б) как специфическая форма общения, которая предполагает информационную связь между педагогом и учащимися; в) как особая форма педагогического взаимодействия, направленная на решение педагогических задач; г) как педагогическое творчество, преодолевающее стандартные педагогические действия и шаблоны (О.В. Бочкарёва). Очевидно, что категории «отношение», «общение», «взаимодействие», «творчество», имея различные психологические значения, не могут составить целостной концепции педагогического диалога.

Авторы нередко пытаются преодолеть методологические трудности исследования диалога в образовании с помощью выделения различных типов, видов и классов диалога (М.Г. Кучинский, О.В. Бочкарёва, А.В. Беляева). В психолого-педагогической литературе обсуждаются следующие типовые разновидности диалога: межличностный диалог, групповой диалог и внутриличностный: диалог как поток смысла внутри человека. В последнее время в педагогической и психологической литературе получили распространение такие понятия, как «развивающий диалог», «понимающее общение», «педагогический диалог», «диалогическое взаимодействие», «образовательный диалог», «дидактический диалог». Эти понятия стали востребованными в связи с созданием новых гуманистических концепций в школьном и высшем образовании. Разнообразие определений понятия «диалог» является на наш взгляд, не столько проявлением педагогического разномыслия о диалоге, сколько проекцией потребности как можно ближе подойти к сущности этого понятия.

Сущность любого диалога гуманистична, ибо диалог предполагает уникальность субъектов и их принципиальное равенство, а также ориентацию каждого субъекта на восприятие, понимание и активную интерпретацию его точки зрения другими субъектами. Гуманистическая направленность объединяет названные

понятия, а уточняет и разводит их ориентация на философские или психологические представления о назначении диалога в образовании.

Так понятие «учебный диалог», широко представленное ранее в методике предмета, получило в концепциях личностно ориентированного обучения расширенное психологическое толкование. Сегодня им всё чаще обозначают не конкретный методический приём урока, а метод построения диалоговых отношений в процессе обучения. Например, Ю.В. Сенько, включая диалогичность в характеристику стиля нового педагогического мышления, предлагает заменить объяснение как ведущий дидактический метод методом учебного диалога [8. С. 22]. Понятие «педагогический диалог» в большей степени отвечает такому назначению. Педагогический диалог – межсубъектный обмен знаниями, переживаниями, способами деятельности и смыслами – по своему содержанию межличностное взаимодействие, целью которого является изменение позиций и стиля деятельности его участников.

Психологическая и личностная неготовность партнёров педагогического общения к диалогу – главная трудность реформ современного образования. Диалогический тип деятельности учителя как определенная психологическая технология практически не описан в современной педагогической литературе. Л.А. Шустова, исследуя возможности педагогического диалога в практике работы с подростками, приходит к таким неутешительным выводам: «Очевидно, не случайно, изучая педагогический диалог, мы сталкиваемся с тем, что он далёк от критериев подлинного диалога. Ведущим в общении ученика и учителя является монолог учителя, который организует урок» [6. С. 355].

В свою очередь М.В. Каминская, отвечая на вопрос, что обеспечит развитие учителя, приходит к выводу, что «психологическим фактором профессионального развития учителя в процессе освоения им деятельности в системе развивающего образования является смена профессионализма с монологического на диалогический». М.В. Каминская осознает, что должен произойти культурный сдвиг стратегий и средств профессионального действия для реализации учителем личных профессиональных решений: «... деятельность по типу *посредничества (диалога)* не имеет своей

концептуальной модели и теоретического понимания, несмотря на то, что ее культурно-исторические корни в античности» [9. С. 44].

Концепция «образовательного диалога», которая появилось в ряде диссертационных исследований последнего десятилетия (Л.Л. Балакина, О.В. Бочкарёва, Н.Г. Ускова), как раз и была призвана, по мнению её сторонников, обеспечить «культурный сдвиг» в средствах педагогического воздействия современного педагога. Однако, такая дидактическая трактовка диалога не отражает его психологической сущности, поэтому понятие «диалог» может быть заменено другими формами взаимодействия, например, «интерактивная технология» и др.

Незавершенность педагогической теории диалога определила содержание и направления дискуссий о сущности и роли диалога в образовании в 2000-е годы, когда философские концепции диалога и диалогические теории коммуникации послужили основанием для критики традиционного обучения и его главного противоречия – несовпадения целей ученика и учителя (В.С. Библер, М.С. Каган, М.В. Каминская, С.Ю. Курганов, И.С. Якиманская).

Особый интерес представляет высказанная в ходе дискуссии принципиальная позиция философа М.С. Кагана: «Понятие “диалог” используется в двух смыслах – общежитейски-бытовом и научно-философском. В первом он означает: собеседование двух лиц; во втором – информационное взаимодействие людей как субъектов, независимо от речевых или иных семиотических средств, целью которого является повышение степени их духовной общности или достижение этой общности. Во втором случае обращение к диалогу становится серьезной педагогической проблемой» [10].

Диалог в первом смысле присутствует в каждом обучении в исторически сложившейся форме учебного диалога. Учебный диалог получил повсеместное признание в дидактике обучения, благодаря своей формальной оправданности. Если знание является новым только для тех, кого обучают, а ученики получают ответы на вопросы, которые они не задавали, то условность учебного диалога вполне оправдана.

Проблематичность обращения к диалогу с целью достижения духовной общности философ также видит в неготовности педагогов к взаимодействию такого уровня: «Понятно, что вовлечение в диалог –

задача несравненно более сложная по сравнению с монологическими информированием или подчинением другого как объекта твоих действий, и требующая особых душевных способностей, даже таланта, подобного в каких-то чертах таланту художника; поэтому педагогические университеты должны принимать не всех желающих, хорошо ответивших на вступительных экзаменах, а только тех, кто на основе специального тестирования – как при поступлении в художественный вуз – проявляет качества, необходимые Учителю – способность к диалогу с детьми, то есть такую модификацию таланта общения, которая основана на любви к ребенку и уважении к ребенку как к формирующейся свободной и творческой личности» [10]. Это первая педагогическая проблема современного образования. Как считает М.С. Каган, есть и другая, которая состоит в господстве дидактики естественнонаучного знания и переносе её на преподавание гуманитарных дисциплин, что определило преобладание технологии построения учебного диалога над диалоговым общением учителя и ученика.

Ученик и учитель в традиционном обучении, обмениваясь репликами учебного диалога, не являются субъектами диалога, так как их цели и ценности разделены. Учебный или сократический диалог ведёт учащихся к цели заранее известной учителю. В этой определённости и заданности заключены его результативность и его ограничения, так как, развиваясь как внешний диалог, учебный диалог не способен стать «внутренним диалогом», о принципиальной незавершённости которого говорил М. Бахтин [11].

Говоря о педагогическом, учебном сотрудничестве и взаимодействии в вузе, следует иметь в виду изменение трех традиционных для общеобразовательной школы направлений диалога: взаимодействие педагога с учащимися, взаимодействие учащихся друг с другом в совместной учебной деятельности и взаимодействие педагогов в системе межпредметных связей. Несомненно, в конкретном образовательном процессе вуза все три направления диалогового взаимодействия воспроизводятся, но в новом для них качестве.

Вузовский образовательный процесс отличается личностными смыслами сотрудничества, самостоятельной и распределённой совместной деятельности, что создаёт условия для принципиального

равенства позиций его участников. Идея «коммуникативных прав личности»: права на индивидуальность, на независимость суждений, на сомнения или несогласия наибольшие возможности для развития получает в психолого-педагогических условиях малой группы.

При реализации авторитарных и монологических подходов к изучению иностранного языка, где преобладает метод «механического запоминания» и заучивания текстов, взаимодействие внутри группы не было так важно. В педагогических условиях коммуникативного подхода, где работа в парах и группах является ведущей, важны поддержка и разнообразие форм сотрудничества учащихся друг с другом. Наш опыт работы в малых группах показывает, студенты не всегда готовы сотрудничать друг с другом при такой форме организации обучения. Готовность к сотрудничеству и межличностному взаимодействию определяется субъективными факторами (эмоциональная нестабильность, слабая мотивация, например) и объективными: отсутствие умений и навыков диалогового взаимодействия.

На первых занятиях студентам с разным уровнем готовности к обучению очень трудно взаимодействовать в учебных диалогах, что препятствует развитию диалоговых форм организации обучения. В такой ситуации преподавателю необходимо обеспечить технологическое соблюдение коммуникативных прав каждого студента, независимо от его подготовленности. С этой целью нами предлагается использование языковых структур, которые выражают эмоции, а также работа в малых группах.

Работа в группах способствует реализации и соблюдению коммуникативных прав членов группы, обеспечивающих свободу диалога:

- на вопрос к собеседнику;
- на изменение, развитие своей позиции;
- на выражение чувств и переживаний в общении.

Составы групп важно последовательно менять, используя приёмы обучения на разных уровнях трудности и дифференцированных заданий, которые разработаны таким образом, чтобы каждый член группы мог участвовать в учебном диалоге. Выполнение совместных заданий помогает развивать способность взаимодействовать с окружающими людьми, помогает решать

проблемы межличностного и делового общения, вырабатывать жизненно важные навыки. В групповом процессе студенты могут экспериментировать с разными стилями общения, усваивать и отрабатывать новые умения и навыки взаимодействия, ощущая при этом психологический комфорт и защищенность.

При отборе содержания диалогического общения на занятиях и выборе формы организации занятия мы стараемся реализовать оба плана взаимодействия студентов друг с другом и преподавателем: проблемный, предполагающий обсуждение и решение некой проблемы, и отношенческий, регулирующий взаимоотношения в группе.

В ранней юности у многих учащихся исследователи отмечают тенденцию подчеркнуть собственную индивидуальность, непохожесть на других [12. С. 372], поэтому интерес к человеку с его свойствами и возможностями, достоинствами и недостатками и проблемы самоидентификации, вопросы «кто я», «какой я» и др. приобретают личностный смыслы в процессе общения. В связи с этим на уроке иностранного языка живейшую реакцию вызывает обсуждение нравственных проблем и мира человеческих отношений, чувств, в особенности те моменты, когда необходимо составить позицию «я и другие люди» .

Для вхождения в «отношенческий» диалог на занятиях можно использовать такие упражнения, как комплимент-похвала и обмен чувствами, переживаниями. Например: «Обменяйтесь мнениями со своими друзьями. Скажите, что у них хорошо получается. Используйте модель “I think, he (she) is good at ...” (Я думаю он (она) хорошо умеет), “I think, he (she) can do ... very well” (Я думаю он (она) может делать что-либо очень хорошо). Здесь же можно использовать прилагательные, описывающие деловые качества, стиль работы, умственные способности, поведение (clever, quick-minded, cute, active, passive, hard-working, energetic, enthusiastic, talkative – умный, сообразительный, активный, пассивный, трудолюбивый, энергичный, полный энтузиазма, разговорчивый)».

«Поделитесь своими чувствами, которые вы испытываете по отношению к своему другу или к своим родителям. Используйте выражения “I feel like...” (Я чувствую...), “I am happy” (Я счастлив) / “I am glad” (Я рад) / “It’s nice to work with her (him) / that she (he) is my

friend...” (Здорово работать с ней (или с ним), так как она (он) мой друг”. Можно продолжить фразу объяснением “because she (he) is so ...” (потому что она, (он) такая...)).

Речевые высказывания, в которых строятся различного рода пожелания, помогают проникнуться жизнью товарищей, воспитывать сочувствие, сопереживание. По содержанию это может быть пожелание к празднику, пожелание по случаю: “I wish you a Happy New Year” (Желаю счастливого Нового года), “I wish you will get better” (Желаю, чтобы ты поправился быстрее), “I wish you success at your exams” (Желаю успехов на экзаменах).

Личное отношение к собеседникам можно наблюдать в ситуациях, когда мы даем совет. Например: «Посоветуй своему другу, как лучше провести выходные. Начни фразу так: “I want you to have a good time at weekend” (Я хочу, чтобы ты отдохнул хорошо в выходные), “so I’d like to suggest / advice / recommend / tell...” (Я хотел бы посоветовать / порекомендовать / сказать...). Такие фразы могут относиться не только к процессу работы и общения студенческой группы, но и к любым событиям жизни студентов. Это упражнение позволяет отработать употребление инфинитивной конструкции. Например, “I am happy to get a good mark”, “I am glad to meet my friend after holidays”, “It’s so nice to have a picnic on Sunday”, “It’s wonderful to learn such interesting things about this country”.

На уроке иностранного языка естественно обсуждать «живые» проблемы учащихся (взаимоотношения с родителями, события политической, культурной вузовской и городской жизни). При выборе темы необходимо учитывать и возможность разных подходов к ее освещению, наличие спорных положений. Задание-стимул должно способствовать включению диалогического потенциала у студентов, первоначально неспособных к диалогу, к открытию существования иной позиции, иных правил общения. Для достижения этой цели важна ненасильственная технология взаимодействия в малой группе. Задания строятся на добровольной коммуникации («Обменяйтесь сведениями о школах, где вы раньше учились»), на модальном согласии («Обсудите фильм, который вам обоим понравился»), на разномодальной позиции («Убедите друг друга в преимуществах того вида спорта, которым занимается каждый из вас»).

Подведём итоги. Как уже отмечалось, в теории и практике образования трактовка понятия «диалог» достаточно противоречива, вследствие влияния разных ориентаций: философской, лингвистической или психологической. Разрешение этого противоречия возможно на основе культурологического подхода к проблеме диалога в образовании. Диалог в современном образовании – содержание и форма познания человеком мира; характер межличностных отношений и одновременно способ изменения представлений о себе и другом человеке; знание о мире «внутри себя», предполагающее возможность существования различных точек зрения.

Гуманитарно-ориентированное образование призвано реализовать ценности свободы преподавания и учения. Философские концепции диалога вносят в образование цели и ценности «освобождения человека в человеке». Психологические смыслы диалога в образовании – это смыслы психологической культуры личности и самого процесса обучения. Ориентация образования на психологическую культуру позволяет преодолеть разобщённость представлений о диалоге и предлагает дополнительную «одновременно несовместимых и несводимых друг к другу способов и путей познания» (Р. Оппенгеймер) диалога в образовании.

Сложность построения диалогических отношений в образовательном процессе в том, что отношения в диалоге рассматриваются, как правило, в отрыве от практики. Поэтому в современных исследованиях преобладает установка на диалог как на объект речевой коммуникации, но не как на объект научной концепции, что проявляется в фрагментарности диалогических исследований и отсутствии общепринятой трактовки термина «диалог» в педагогических исследованиях.

Библиографический список

1. Волков А., Ливанов Д., Фурсенко А. Высшее образование: повестка 2008-2016 // Эксперт. 2007. №32/3. С. 89-94.
2. Зинченко В.П. Психологическая педагогика: Материалы к курсу лекций. Часть 1. Живое знание. Самара, 1998. 216 с.
3. Кутырёв В.А. Естественное и искусственное: борьба миров. Нижний Новгород: Издательство «Нижний Новгород», 1994. 170 с.

4. Современный философский словарь / Под общей ред. В.Е. Кемерова. 3-е изд., испр. и доп. М.: Академический Проект, 2004.
5. Гусинский Н.Э., Турчанинова Ю.И. Введение в философию образования. М.: Логос, 2003. 116 с.
6. Общение и познание / Под ред. В.А. Барабанщикова и Е.С. Самойленко. М.: Институт психологии РАН, 2007. 388 с.
7. Братченко С.Л. Межличностный диалог и его основные атрибуты // Психология с человеческим лицом: гуманистическая перспектива в постсоветской психологии / Под ред. Д.А. Леонтьева, В.Г. Щур. М.: Смысл, 1997. С. 201-222.
8. Сенько Ю.В. Гуманитарные основы педагогического образования: Курс лекций. М.: Издательский центр «Академия», 2000. 122 с.
9. Каминская М.В. Профессиональное развитие учителя в процессе освоения им деятельности в системе развивающего образования: Автореф. дис. ... докт. психол. наук. М., 2004. С. 44-45.
10. Каган М.С. О педагогическом аспекте теории диалога // Диалог в образовании: Сборник материалов конференции. Серия "Symposium", выпуск 22. СПб.: Санкт-Петербургское философское общество, 2002.
11. Бахтин М.М. Проблемы творчества Достоевского. Проблемы поэтики Достоевского. Киев: NEXТ, 1994. 208 с.
12. Сапогова Е.Е. Психология развития человека: Учебное пособие. М.: Аспект Пресс, 2011. С. 371-372.

Сведения об авторах

Перфильева Евгения Ивановна
кандидат педагогических наук,
доцент кафедры организационной психологии
Национального исследовательского университета
«Высшая школа экономики – Нижний Новгород»
E-mail: egenica@rambler.ru

Ерофеева Алла Васильевна
старший преподаватель кафедры иностранных языков
Нижегородского государственного политехнического
университета им. Р.Е. Алексеева
E-mail: a_erofeeva@mail.ru

УДК 378.147:811.111

КОММУНИКАТИВНЫЙ СТИЛЬ И СТРАТЕГИИ ЕГО ФОРМИРОВАНИЯ ПРИ ОБУЧЕНИИ АНГЛИЙСКОМУ ЯЗЫКУ СТУДЕНТОВ НЕЯЗЫКОВЫХ СПЕЦИАЛЬНОСТЕЙ

Н.А. Скурихин

*Нижегородский государственный лингвистический университет
им. Н. А. Добролюбова, Нижний Новгород*

Статья посвящена проблеме формирования коммуникативного стиля в обучении английскому языку студентов неязыковых специальностей на примере функциональной разновидности делового общения Socializing (техника ведения беседы). Коммуникативный стиль рассматривается как культурно обусловленный способ вербального поведения языковой личности в ситуациях общения.

Ключевые слова: коммуникативный стиль, коммуникативное поведение, межкультурная коммуникация, стратегия, языковая личность.

Strategies for Building Effective Communication Styles in Teaching English to Non-Language Students Nikolay Skurikhin

The article looks at strategies for building effective communication styles in teaching Business English to non-language major students through the functional aspect of socializing. Communication style is defined as culturally determined verbal behaviour of a language personality in communicative situations.

Key words: communication style, communicative behaviour, intercultural communication, strategy, language personality.

Приобщение к культуре изучаемого языка является необходимым условием установления профессиональных и личностных контактов студентов вузов с ее представителями. Познание иноязычной речевой культуры неразрывно связано с освоением коммуникативного стиля. В статье предпринимается попытка осмыслить понятие коммуникативного стиля и определить базисные стратегии его формирования в обучении студентов неязыкового вуза на примере функциональной разновидности делового общения Socialising (техника ведения беседы).

Овладение данным феноменом помогает преодолеть непонимание в межкультурной коммуникации путем принятия социокультурной и коммуникативно-поведенческой специфики представителя иносоциума; принятия и передачи информации

профессионально-делового характера на иностранном языке; адекватного порождения и интерпретации языкового воплощения коммуникативных стратегий реализации интенций делового общения [1. С. 99].

Это позволяет рассматривать коммуникативный стиль как компонент межкультурной коммуникативной компетенции. Ее суть заключается в способности и умении строить коммуникацию исключительно по правилам, принятым в изучаемой культуре. При разработке путей совершенствования данной компетенции ученые во многом опираются на теоретические положения и практические результаты, полученные в смежных областях знания: психологии, психолингвистике, теории и практике межкультурной коммуникации (И.В. Воеводина, В.В. Сафонова, П.В. Сысоев, В.П. Фурманова и др.).

Представляется логичным рассмотреть понятие коммуникативного стиля с позиций этих наук в следующих положениях.

Стиль есть универсальная прототипическая категория того или иного аспекта человеческой деятельности. Подтверждением данного тезиса является то, что основой прототипичности служит наличие общей идеи. Так, в психологии и психолингвистике стиль – своеобразный способ [2] или прием [3] для осуществления деятельности. Наряду с этим понятием существует и другое – «когнитивный стиль», которое описывает интеллектуальную, познавательную, а также языковую деятельность (повествование, описание, аргументацию). Категория «стиль» в лингвистике отличается многоуровневостью и рассматривается в качестве речевого поведения человека, коммуникативной речевой стратегии, способа воздействия, манипулирования, языкового употребления [4. С. 172].

В каждой из этих наук в основу термина положен определенный признак. В данном случае – деятельностный характер стиля. Хотя стиль в психологии и стиль лингвистике являются разными категориями, не тождественными по содержанию, они могут совмещаться и пересекаться, дополнять друг друга (например, в языковых, речевых, мыслительных, коммуникативно-поведенческих процессах).

Качественно новое наполнение категории «стиль» можно обнаружить в термине «коммуникативный стиль», где видение

данного феномена представлено как культурно-специфическое.

Коммуникативный стиль – это составляющая лингвокультуры со специфическим набором универсалий, реализующихся в национально маркированном коммуникативном поведении носителей языка [5; 6]. Широко используемые знания из науки о коммуникативном поведении дают возможность связать коммуникативный стиль с культурно-маркированным репертуаром. Он основывается на вербально-психологических характеристиках, отражающихся в языке, мышлении и деятельности. Так, сопоставляя русский и английский коммуникативные стили, ученые выделяют: интенсивность / расслабленность, фактическую / аналитическую направленность, прямоту / косвенность в межличностном общении, пессимистичность / оптимистичность, многословность / лаконичность, ориентацию на результат / процесс, гармонизирующий / деловой тон [7. С. 268]. Такие параметры приводят к пониманию особенностей общения в иноязычной лингвокультуре, знание которых способствует успешной как повседневной, так и профессиональной коммуникации, а именно: в установлении и развитии контактов.

Коммуникативный стиль определяется базисными аспектами языковой личности: ценностным, познавательным, поведенческим. Основанием этого тезиса является то, что ценности и знания становятся релевантными только тогда, когда они связаны с поведением, поскольку при помощи их человек выстраивает коммуникативный стиль, а языковая личность предстает как их носитель [8. С. 19].

Для адекватного общения необходимо следовать ценностным ориентирам, которые обеспечивают коммуникативную деятельность человека (например, позитивное мышление (positive thinking) в общепринятом коммуникативном поведении и деловом общении). Особую значимость приобретают знания (культурно-прагматические, этнопсихологические и т. п.), способствующие пониманию и прогнозированию поведения собеседника в различных ситуациях и сферах (во время участия в деловых встречах, переговорах, дискуссиях).

Из рассмотренных положений следует: *коммуникативный стиль – это культурно обусловленный способ вербального поведения языковой личности в ситуациях общения.* Такое понимание

коммуникативного стиля позволяет определить стратегии, положенные в основу его формирования: когнитивные, коммуникативно-прагматические, контрастивные.

Когнитивные стратегии направлены на сознательное усвоение различных видов знаний делового иносоциума (языковых, интеракциональных, фоновых, культурно-прагматических). Это проявляется:

- в выделении определенных признаков коммуникативных стилей русской и британской лингвокультур, например, специфика пространственной организации общения, культурно обусловленные расхождения на уровне контекстности и содержательной стороны общения;

- в сопоставлении, установлении корреляции между параметрами коммуникативного поведения и стиля, например, в поддержании контакта, формальности/неформальности, вежливости, обсуждении разногласий, оценочности и т.д.

Коммуникативно-прагматические стратегии предполагают определение, распознавание намерений коммуникантов, выбор и использование необходимых средств для выражения собственного намерения в соответствии с ситуацией и особенностями коммуникативного стиля. Такие стратегии находят выражение в реализации собственного коммуникативного намерения, определении социокультурного фона ситуации, выстраивании речевой стратегии дискурса, использовании адекватных языковых культурно-маркированных средств в деловом общении.

Контрастивные стратегии подразумевают сравнение элементов коммуникативного стиля родной и изучаемой лингвокультуры (например, манеры общения в деловых кругах, языковых средств; интонационных образцов, типичных речевых формул; правил вежливости; общей организации дискурса; эмфатических норм).

Реализация описанных стратегий осуществляется при выполнении следующих заданий.

1. Анализе коммуникативно-поведенческих универсалий, значимых в повседневном и деловом общении в родной и изучаемой лингвокультуре.

How important are the following characteristics in your workplace or for business in Russia and Britain: humour, socialising outside work, small

talk, showing emotions, formality between levels in the hierarchy?

Explain the characteristics of business behaviour. Put your ideas in the table (Таблица 1) using symbols (+, -) as in the example.

Таблица 1. Characteristics of business behaviour

Features	Russia	Britain
formality between levels in the hierarchy	+/-	+
small talk	-	+

2. Развитию умений варьировать лингвостилистические средства в соответствии с регистром общения, статусно-ролевыми характеристиками партнера, ситуативными контекстом, поведенческими правилами.

Look at the phrases and decide how strongly the speaker is expressing his/her likelihood (Certainty, Probability, Possibility, Improbability, Impossibility):

- I am absolutely sure that sales will increase.
- It is very probable that sales will increase.
- Sales might increase.
- It is highly unlikely that sales will increase.
- I am sure that sales won't increase.

3. Активизации лингвистических средств.

Choose the topic for the mini-meeting from the list:

- ▲ doing business on the Internet;
- ▲ business and the environment;
- ▲ does advertisement create false needs?

Practise the techniques of interruption using the following scheme:
Pre-empt → Interrupt → Come back → Comment → Come back → Take the floor → Prevent.

4. Сопоставительном анализе лингвокультурных явлений в коммуникативном поведении.

Read the conversation. Find the sentences that function as suggestions, disagreement and refusal. Give the suitable equivalents for them in Russian.

- I was wondering if we could meet again on the 24 th.
- That's not suitable. I want the 31st.
- As a matter of fact I'm afraid that might be a bit difficult as I have to contact one or two colleagues who I do know are out of the country at

the moment so that wouldn't be very convenient. Perhaps we would give ourselves an extra week. It is quite important that I have a word with them. Wouldn't the following Thursday, the 31st, be better?

Такие задания ориентируют на адекватное восприятие иноязычной культуры и взаимопонимание партнеров по речевому общению.

Таким образом, формирование коммуникативного стиля целесообразно строить через стратегии (операции и комплексные действия), поскольку они являются формой реализации категории «стиль». Его освоение должно идти через коммуникативное поведение, а весь процесс обучения необходимо моделировать и осуществлять на основе устойчивых стилевых параметров в изучаемых лингвокультурах. Включение основополагающих аспектов коммуникативного стиля (ценности, знания, поведение) в контекст преподавания нацеливает на выработку аутентичного коммуникативного стиля обучающихся. Учет специфики коммуникативного стиля в процессе изучения делового общения будет способствовать успешному межкультурному взаимодействию с носителями языка.

Библиографический список

1. Астафурова Т.Н. Стратегии коммуникативного поведения в профессионально-значимых ситуациях межкультурного общения: лингвистический и дидактический аспекты: Дис. ... докт. пед. наук. М., 1997. 324 с.
2. Психологический словарь // Электронный ресурс Интернет: http://www.psychologist.ru/dictionary_of_terms/index.htm?id=2439.
3. Боронин А.А. Понятие стиль в психолингвистическом освещении // Вопросы психолингвистики. 2010. № 11. С. 59-64.
4. Павловская О.Е. Стиль как прототипическая категория гуманитарных наук: системно-терминологический аспект: Дис. ... докт. филол. наук. Краснодар, 2007. 330 с.
5. Ларина Т.В. Категория вежливости и стиль коммуникации: Сопоставление английских и русских лингвокультурных традиций. М., 2009. 512 с.
6. Куликова Л.В. Коммуникативный стиль в межкультурном общении: Монография. М.: Флинта: Наука, 2009. 288 с.

7. Прохоров Ю.Е., Стернин И.А. Русские: коммуникативное поведение. 4-е изд. М.: Флинта, 2011. 328 с.

8. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград: Перемена, 2002. 447 с.

Сведения об авторе

Скурихин Николай Андреевич
аспирант кафедры лингводидактики и
методики преподавания иностранных языков
НГЛУ им. Н. А. Добролюбова
E-mail: skurikhin-nick@yandex.ru

УДК 378.147.88:811:004

**ФОРМИРОВАНИЕ ЛЕКСИКО-ГРАММАТИЧЕСКИХ
НАВЫКОВ ИНОЯЗЫЧНОЙ РЕЧИ С ПРИМЕНЕНИЕМ
ИНФОРМАЦИОННО-КОММУНИКАЦИОННЫХ
ТЕХНОЛОГИЙ
(программа бакалавриата)**

С.А. Фатуева

*Нижегородский государственный лингвистический университет
им. Н. А. Добролюбова, Нижний Новгород*

Переход России на двухуровневую систему образования вызвал усиление роли самостоятельной работы студентов по иностранному языку. Вопросы планирования, использования организационных форм и методов контроля данного вида лингвистической деятельности применительно к современной образовательной ситуации остаются малоисследованными. В статье предлагается новая форма организации самостоятельной работы студентов лингвистического вуза по формированию лексико-грамматических навыков иноязычной речи с применением информационно-коммуникационных технологий (ИКТ).

Ключевые слова: самостоятельная работа, лексико-грамматические навыки, информационные технологии, компьютерная поддержка.

**Building Vocabulary and Grammar Skills in Independent
Computer-Based Language Learning
Svetlana Fatuyeva**

Transition to a two-level higher education system in Russia has placed a new importance on independent language learning, even though there has been comparatively little research in methods of planning, managing and monitoring this type of learning in the modern educational environment. The article proposes a new ICT-based form of independent language learning.

Key words: independent learning, vocabulary and grammar skills, information technologies, computer assistance.

С переходом нашей страны на двухуровневую систему образования самостоятельная деятельность студентов по овладению иностранным языком становится важнейшим компонентом учебного процесса. Однако сокращение аудиторной нагрузки не всегда сопровождается реальным усилением роли самостоятельной работы и повышением эффективности данного вида деятельности студентов, что неблагоприятно сказывается на организации процесса обучения

языку в целом. С одной стороны, для эффективной организации аудиторного времени преподавателю необходимо провести колоссальную подготовительную работу, уметь определять направление не только собственной деятельности, но и деятельности студентов, прогнозировать их речевое поведение, обеспечивать вовлеченность всех студентов в иноязычное общение. Из этого следует, что контроль процесса обучения во всех его проявлениях возлагается полностью на преподавателя. Обеспечение такой степени контроля процесса обучения представляется маловозможным в условиях дефицита аудиторного времени. С другой стороны, увеличение доли самостоятельной работы не сопровождается на практике рациональным планированием этого вида деятельности. Самостоятельная работа студентов не всегда регламентирована, часто носит нерегулярный характер, отсутствует четкая система контроля и оценки данного вида деятельности студентов.

Безадресность заданий для самостоятельной работы, отсутствие мотивационных факторов ее выполнения и отсутствие контроля позволяют сделать вывод о недостаточной эффективности существующего подхода к организации данного вида деятельности и обосновывают необходимость поиска современной формы самостоятельной работы студентов при обучении языку.

Основной принцип организации самостоятельной работы студентов должен заключаться не в оптимизации ее отдельных видов, а в реализации этого вида деятельности в качестве целостной системы, которая будет построена на основе разумного соотношения самостоятельной и аудиторной работы. С учетом дефицита аудиторного времени представляется рациональным перенести некоторые виды деятельности *по овладению языком* на самостоятельное обучение, что на современном этапе подразумевает компьютерную поддержку. Вопрос о том, какие виды деятельности должны быть вынесены на самостоятельное выполнение – один из ключевых. Произведя соответствующее «разделение труда» и поручив педагогу обобщенное управление процессом обучения, а детальное управление работой ученика передав управляющему устройству, можно существенно сократить потоки информации, обрабатываемые непосредственно педагогом и, тем самым, поднять уровень управления учебным процессом [1. С. 26].

В соответствии с классификацией уровней самостоятельной работы, предложенной Н.Ф. Коряковцевой, рационально выделить в качестве отдельного вида самостоятельной деятельности студентов работу над языковыми средствами (языковым материалом) на основе применения ИКТ и тем самым освободить аудиторное время для выполнения коммуникативных заданий [2].

Что касается выбора конкретных информационных технологий в качестве виртуального ассистента преподавателя при организации нового вида деятельности, отметим, что на современном этапе развития компьютерной обучающей языковой среды «существует потребность не в разработке нового программного продукта, а в тщательном подборе уже существующих средств компьютерной лингводидактики» [3. С. 17]. Оценивая эффективность имеющегося программного обеспечения учебного процесса, многие исследователи видят перспективы коренного изменения ситуации в ориентации на так называемые открытые (свободные) обучающие программы, которые можно изменять, адаптируя к потребностям пользователя, к дидактическим задачам обучения. Компьютерные программы особенно хорошо подходят для самостоятельной работы по закреплению материала, изученного на занятии, при подготовке к аудиторному занятию. Они обеспечивают формирование и совершенствование языковых навыков на основе как жесткого, опосредованного программой, управления, так и гибкого управления со стороны преподавателя.

Представляется, что самостоятельная работа по формированию лексико-грамматических навыков должна строиться вокруг электронной обучающей программы (своеобразного виртуального ассистента преподавателя (ВАП)), включающей этап презентации нового языкового материала, этап отработки лексико-грамматических навыков и этап контроля их сформированности. Сформированные лексико-грамматические навыки выступают в качестве основы для развития речевых умений, их дальнейшего совершенствования в рамках аудиторных занятий. Анализ дидактического потенциала ИКТ позволил сформулировать основные методические требования к построению электронной обучающей программы, нацеленной на формирование лексико-грамматических навыков. Обучающая программа должна:

1. Соответствовать целям и отражать содержание обучения иностранному языку.

2. Содержать систему упражнений, ориентированную на презентацию нового языкового материала, на отработку лексико-грамматических навыков и на контроль уровня их сформированности.

Необходимым условием перехода с уровня кратковременной на уровень долговременной памяти является усиленная тренировка на основе упражнений в закреплении материала. Первостепенной задачей преподавателя является рациональная организация повторения материала. Каждое грамматическое явление и каждая лексическая единица должны прорабатываться несколько раз, меняться должны только способы отработки.

3. Позволять обучающемуся начинать, приостанавливать, возобновлять учебный процесс в любое удобное время и осваивать учебный материал в доступном ему темпе.

4. Легко трансформироваться под влиянием изменяющихся внешних условий, позволяя заменять образовательные модули на более современные, дополняя систему.

5. Иметь тематическую направленность, т.е. изучаемые лексические единицы и грамматические структуры должны относиться к одной теме и быть семантически связанны друг с другом.

6. Содержать достаточное количество упражнений разной степени сложности, направленных на формирование разных видов лексических и грамматических навыков.

7. Способствовать определению уровня сформированности лексико-грамматических навыков, содержать в своей структуре модуль исправления ошибок студентами.

Требования к организации самостоятельной работы с ВАП

Самостоятельная работа студентов по формированию лексико-грамматических навыков на основе электронного обучающего комплекса должна строиться с соблюдением определенных требований.

1. Создание информационной образовательной среды

Способность студентов к осуществлению самостоятельной деятельности развивается при условии организации самостоятельной работы как целостной системы на основе продуманной и методически

организованной информационно-образовательной среды, под которой понимается «среда моделирования иноязычного общения; источник иноязычных аутентичных учебных материалов разного уровня сложности, предоставляющий доступ к иноязычным информационным ресурсам; среда и обновление профессионально значимых продуктов учебной деятельности в виде банков информации, таких как словари, энциклопедии, тексты и пр.» [1. С. 22]. Компоненты образовательной инфосреды, к которым мы относим печатные и электронные материалы, компьютер, обучающую программу, используемые и разрабатываемые в неразрывной взаимосвязи и взаимовлиянии, отвечают следующим требованиям: 1) единство, 2) структурированность, 3) согласованность, 4) полнота (без избыточности), 5) доступность [1. С. 33].

Интегрирование компьютерных средств обучения в самостоятельную работу позволяет посредством варьирования программ и ресурсов использовать эффективные средства обучения и приемы работы в соответствии с интересами самого обучаемого, уровнем его подготовки и временем, выделенным для работы. Важное качество новой информационной образовательной среды – возможность максимально индивидуализировать обучение.

2. Повышение уровня самостоятельности обучающихся

В условиях современной образовательной ситуации центр тяжести в обучении перемещается с преподавания на учение. Большинство студентов не готовы к перестройке собственной учебной профессиональной деятельности в новых условиях обучения. Им необходима помощь в становлении навыков самоорганизации и самоконтроля. Воспитание самоконтроля как проявление активности студентов в учении направлено на реализацию осознанной цели. Самоконтроль является одним из условий повышения успешности обучения.

3. Обеспечение преемственности обучения

При условии установления четких преемственных связей в процессе изучения иностранного языка возникает возможность повышения эффективности процесса формирования умения организовать самостоятельную деятельность. Готовность к переходу к выполнению действий следующего этапа формируется в процессе количественных преемственных накоплений в одноуровневой

плоскости. В процессе изучения иностранного языка такая преемственность на одном уровне реализуется в накоплении языковых единиц, а переход осуществляется в речевых ситуациях при проверке их действительности и коммуникативной значимости и, что наиболее важно, в организации условий количественных накоплений языковых единиц и создания жизненных речевых ситуаций. Таким образом, сформированные в ходе самостоятельной работы навыки должны послужить основой формирования и совершенствования речевых умений.

4. *Индивидуализация самостоятельной работы студентов*, которая включает увеличение удельного веса интенсивной работы с более подготовленными студентами, регулярность консультаций с обучаемыми, исчерпывающее и своевременное информирование о тематическом содержании самостоятельной работы, сроках выполнения, потребности во вспомогательных средствах, формах, способах контроля и оценке итоговых результатов с обязательным сравнением с ожидаемыми.

5. *Посильность самостоятельной работы*

Важно, чтобы студент владел технологией данного вида деятельности, понимал, как выполнить то или иное задание.

6. *Наличие обратной связи*

Контроль в самостоятельной работе студентов должен быть не самоцелью для преподавателя, а, прежде всего, мотивирующим фактором образовательной деятельности обучающегося. Информация, получаемая в результате обратной связи, способствует регуляции и корректировке деятельности, стимулирует действие. Однако возможен и эффект «антистимула». Механизм обратной связи способствует оптимизации самостоятельной работы студентов, позволяет повысить мотивацию обучающихся и создать наиболее комфортную атмосферу для продуктивной самостоятельной познавательной работы.

7. *Систематичность самостоятельной работы*

Работа по формированию лексико-грамматических навыков должна носить регулярный, циклический характер.

Таким образом, новая форма самостоятельной деятельности, организованная на базе электронной обучающей программы и в соответствии с вышеуказанными требованиями, ставит своей целью

формирование лексико-грамматических навыков студентов. Интеграция в образовательный процесс электронного ассистента, способного взять на себя функции преподавателя по формированию этих навыков, позволяет, на наш взгляд, обеспечить большую коммуникативную направленность аудиторных занятий и решить проблему соотношения аудиторной и самостоятельной форм работы в существующей модели иноязычного образования.

Библиографический список

1. Зимина О.В. Дидактические аспекты информатизации высшего образования // Высшее образование в России. 2005. №1. С.17-101.
2. Коряковцева Н.Ф. Современная методика организации самостоятельной работы изучающих иностранный язык. М.: АРКТИ, 2002. 176 с.
3. Бовтенко М.А. Информационно-коммуникационные технологии в преподавании иностранного языка: создание электронных учебных материалов: Учебное пособие. Новосибирск: НГТУ, 2005. 111 с.

Сведения об авторе

Фатуева Светлана Анатольевна
аспирант кафедры лингводидактики и
методики преподавания иностранных языков
НГЛУ им. Н.А. Добролюбова
E-mail: innamoramento2005@yandex.ru

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ФИЛОСОФИИ, ИСТОРИИ И СОЦИАЛЬНОЙ КОММУНИКАЦИИ

УДК 1(091)(430)

ПРОБЛЕМА РЕФЕРЕНТА ПРОТЕСТАНТСКОГО ГЕРМЕНЕВТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА: МЕТОД «ГУМАНИСТИЧЕСКОЙ» ТЕОЛОГИИ

А.В. Ворохобов

Нижегородская духовная семинария, Нижний Новгород

В статье реконструируется и анализируется метод гуманистической теологии для обоснования референта речи об Абсолюте. Имея в рамках протестантизма долгую историю, гуманистический метод ориентируется на теорию общих экзистенциальных принципов. Анализ показывает, что предпосылки такого метода стали проблематичными для плюралистически мыслящего современного западного человека.

Ключевые слова: теологический референт, протестантизм, гуманистическая теология, Абсолют, вера, дух.

The Problem of the Referent in Protestant Hermeneutical Discourse: The Method of “Humanistic” Theology

Aleksandr Vorokhobov

The article reconstructs and analyzes the method used by humanistic theology to justify referent statements about the Absolute. With a long history within Protestantism, the humanistic method focuses on the theory of general existential principles. The analysis demonstrates that the premise of this method has become problematic for the pluralistic thinking of most modern Westerners.

Key words: theological referent, Protestantism, humanistic theology, Absolute, faith, spirit.

В настоящее время дух «постпросветительского модерна» господствует в области гуманитарных наук в виде феномена лингвистического поворота и многочисленных выводимых из него подходов (таких как культурный поворот, иконический поворот, визуальный поворот и т.д.). Все они базируются на предпосылке, что мышление и вместе с тем любая форма философского и повседневного конструирования мира, настолько предопределяются предшествующими им языковыми структурами, что могут быть

зафиксированы и систематизированы в лингвистических категориях. Если с учетом данной установки задаться вопросом о референте теологических высказываний об Абсолюте, такое вопрошание будет иметь такую же значимость, какую в эпоху классической метафизики имел вопрос о трансцендентной основе мира, или, соответственно, в онтологии, следующей М. Хайдеггеру, вопрос о «бытии». Такого рода вопрошание направлено на само основание, делающее возможными философско-теологические гносеологические системы. Такое основание не может быть высказано в пределах категорий, производных этих систем познания. В границах лингвистических конструкций, будучи вопросом о до / внелингвистической потусторонности языка, определение такого референта становится трансцендированием самих этих конструкций.

Целью данной статьи является описание и критическое рассмотрение гуманистического метода доказательства референта теологического дискурса.

Сторонники рассматриваемого метода исходят из необходимости веры для *conditio humana*. То есть предпринимается попытка достижения необходимой приемлемости тезисов такого подхода через внедрение религиозной веры во всеобщие человеческие условия. При всех различиях теории, которые могут быть включены в данную категорию под общим названием «гуманистическая теология», исходят из предпосылки, что человек предрасположен к религиозной вере, которая, если следовать словам Э. Ренана, является «неотъемлемой частью человеческой природы» [1. С. 269].

В рамках гуманистической интеллектуальной модели протестантская теология решительно отказывается от классических схоластических спекуляций о сущности Абсолюта «в себе». Вместо этого она неизменно стремится оставаться в «пределах практического разума», очерченных И. Кантом, ограничиваясь рассмотрением религиозного субъекта и его ощущений. С помощью такой феноменологической постановки вопроса этот подход противопоставляется наивному «абсолютному» рационализму, при этом логические затруднения в вопросе о Боге, с которыми сталкивается рационализм, избегаются. Теология получает в образе «религиозного человека» объект, который ориентируется на

эмпирическое восприятие и логическое понимание и совершенно лишен любых ментальных идеологических предпосылок. Ставшее сомнительным преобладание спекуляции в протестантской теологии представляется, с точки зрения такого подхода, преодоленным.

Первым по времени, и самым известным мыслителем гуманистической теологии может считаться Ф. Шлейермахер. В работе «Краткое изложение теологического обучения» (1811) он предпринял попытку рассмотрения всех теологических дисциплин в качестве составных частей единой прикладной науки, последовательно ориентирующейся на практическое использование в церковной жизни [2]. В «Теологической энциклопедии» Ф. Шлейермахера теология впервые определяется как наука о культуре, направленная на развитие религиозного измерения в духовно-интеллектуальной сфере. Поэтому теология среди других наук считается «наукой о позитивном и историческом христианстве» и служит, прежде всего, для систематического исторического изложения религиозного христианского самосознания [3. С. 1-2]. Теологическим центром мышления Ф. Шлейермахера является понятие «дух», которое, хотя и принадлежало изначально к основному содержанию христианской доктрины, но в эпоху рационализма было практически забыто. Во время расцвета немецкого идеализма понятие «дух» было реабилитировано и в протестантском теологическом дискурсе, что развило и обогатило его содержание. В своем новом очищенном значении данное понятие должно было помочь заменить лежащие в основе протестантских философско-теологических построений запутанные произвольные исторические образования, введя вместо них объединяющий принцип «мирового духа», сделав его доступным для познания, а выстраиваемую с помощью него философскую систему превратить в универсальное мировоззрение. Так, к примеру, действовал знаменитый в свое время немецкий философ и лингвист Фридрих Аст, который в своей программной статье «Герменевтика» (1808), значительно повлиявшей на теории позднего Ф. Шлейермахера, писал: «Целью философского конструирования является очищение духа от временного, случайного и субъективного, а также придание ему изначальности и многосторонности, которые столь необходимы для высочайшего и чистейшего человека... Через это человек снова

становится единым со своим изначальным чистым духом, переступая за пределы ограниченности своего времени, образования и места» [4. С. 112]. Эпистемологической моделью, которая должна была сделать такое мышление возможным, то есть должна была преодолеть наличное расщепление духа, сделать его снова единым и тем самым гармонизировать прошлое и настоящее, был герменевтический круг. Методические предпосылки этой модели Ф. Аст объединяет таким образом, что, согласно его перспективе, «единичное можно понять лишь через общее, и наоборот, общее только через единичное. Воззрение или понятие должны предшествовать познанию единичного, но все же только посредством единичного должны образовываться воззрение и понятие... Круг здесь разрешен лишь тогда, когда в качестве подлинной жизни признается изначальное единство особого и всеобщего, единичного и целого. Ведь в каждом отдельном элементе уже заложен дух целого, а дальнейшее развитие единичного приводит к более проясненной идее целого» [4. С. 119].

Основывающееся на концепции всеобщего человеческого духа представление о религиозности, как не зависимой от времени антропологической константе, не ограничивается теологией XIX века. Так, например, П. Тиллих в своем знаменитом «Систематическом богословии» описывает вопрос об Абсолюте исключительно в рамках вопроса человека о самом себе. Для того чтобы преодолеть тоску, отчужденность индивидов друг от друга и от Божественного «бытия в себе», следует обратиться к Богу, который «есть ответ на вопрос, скрывающийся в конечности человека; Бог – вот имя тому, что ультимативно заботит человека. Это не значит, что, во-первых, есть Существо, называемое Богом, и затем требование, чтобы человек имел его в качестве ультимативной заботы. Это означает то, что все, заботящее человека ультимативно является для него Богом, и, наоборот, это значит, что заботить человека ультимативно может только то, что является для него Богом» [5. С. 226]. Такой подход активно развивается в западной теологии и в настоящее время в рамках экзегезы, ориентирующейся на глубинную психологию. Речь, к примеру, может идти о творчестве немецкого мыслителя Е. Древермана, о его концепции, ориентирующейся на теорию архетипов К.Г. Юнга.

При всем многообразии действующих в данном направлении методов, общим для них всех является то, что человеческое существование они уподобляют замку, единственно подходящим ключом к которому является вера в Бога. Теологическая речь о Боге получает свой референт, когда она доказывает, что ее ответы подходят для экзистентных вопросов, открывая человеку закрытую дверь от него самого. Религиозная вера вообще, христианская в особенности, выполняет определенную задачу, служа человеческой самореализации. Вера, хотя и обусловлена экзистентным вопрошанием, с функциональной точки зрения, становится ответом на вопрос о смысле экзистенции человека. Направленность веры на конкретную цель подчиняет ее контролю, ей же самой выставляемому, когда истинность какого-либо специфического изображения Бога должна доказываться через его действительность, а научность через соответствие «общепринятым» психологическим принципам. Таким образом может быть достигнуто согласие между теорией и жизненной практикой, когда первоначальный религиозный опыт заново переосмысливается и адаптируется теологией, а сама она занимает легитимное место в кругу гуманитарных наук.

Но при таком подходе проблема референта теологической речи об Абсолюте не оказывается окончательно и бесспорно решенной. Западный человек, преимущественно мыслящий в индивидуалистических категориях, едва ли на практике готов к тому, чтобы без критики и в полной мере воспринять не направленный на многообразие гомогенизированный взгляд идеалистической философии. Универсализм гуманистических концепций при своем логическом развитии оказывается теоретическим упрощением, могущим принять фактический плюрализм человеческих ценностей и форм жизни лишь в качестве нежелательного мешающего фактора. Концепция мирового духа не сглаживает всех внутренних противоречий и не снимет напряженности, а просто отказывается замечать их в своем универсальном синтезе. М. Хоркхаймер и Т. Адорно в своей знаменитой «Диалектике Просвещения», где Просвещение не только конкретная историческая эпоха, но и установка сознания, направленная на окончательное «высвечивание» мира светом разума, характеризовали ее так: «То, что не поглощается числами, в конечном итоге единицей, становится для Просвещения

видимостью, иллюзией; современным позитивизмом оно изгоняется в поэзию. Единство остается главенствующим лозунгом от Парменида до Рассела. Главным остается истребление богов и качеств» [6. С. 22]. Установка на единство духа и единство природы в качестве его коррелята всегда пренебрегает полнотой качеств, нивелируя или полностью уничтожая некоторые из них. В результате дух становится абстрактной идентичностью, а природа хаотичным материалом, пригодным лишь для классификации. Именно поэтому преобладающее сейчас на Западе плюралистическое сознание противится принятию гуманистической теологии, «истребляющей богов и качества».

Поэтому не удивительно, что в ответ на такие тоталитарные объединительные принципы последовала серьезная критика, приобретшая особую остроту во второй трети XX века. Защитники «постмодернистской» интеллектуальной перспективы усматривали в просвещенческой модели стремление к гегемонии над «другими» и «чужими», выражающееся в непрерывных попытках принуждения мысли к обобщению частного, натурализации исторического и эссенциализированию контингентного. Одним из самых известных критиков описанной идеалистической формы западного гуманизма был М. Фуко, считавший его главной проблемой то, что он делает определенную форму этики образцом и принципом свободы. Вопреки догматизированному монистическому мышлению М. Фуко предлагает культивировать открытость к ментальной установке, потому что существует много не поддающихся классифицированию тайн, множество вариантов свободы и еще множество всего, что будет открыто в будущем. «Речь идет о том, – пишет М. Фуко, – чтобы проанализировать историю в такой прерывности, которую не может в дальнейшем разрушить никакая телеология, установить ее в таком рассеивании, которое не может ограничить никакой предварительно заданный горизонт, оставить ей возможность разворачиваться в такой анонимности, которой никакое трансцендентальное установление не сможет навязать форму субъекта, открыть такую темпоральность, которая не допустит никакого возвращения к истокам» [7. С. 199].

Трудности адаптации теологических моделей к восприятию современного человека настоятельно требуют разработки новых

механизмов и поиска актуальных научных форм. Именно поэтому в настоящее время в западноевропейских странах общественно релевантным стал поиск, направленный на разработку плюралистических моделей для культурологического и теологического дискурсов. Приоритетным стремлением современной западной цивилизации становится культурный инклюзивистский плюрализм, считающий, что любая интерпретация мира и человека имеют право на существование в качестве равноправных: «Попытки глобализации вырвать человека из контекста “своего” и поставить над оппозицией “свое” – “чужое” должны привести к консолидации людей на основе иных принципов» [8. С. 77]. На поиск и развитие универсальных консолидирующих духовных принципов направлены усилия гуманистически ориентированных протестантских теологов. Но основная константа построений гуманистической теологии – а именно эксцентрически позиционированный, нравственно автономный, богоподобный «человек в себе» – в настоящее время стала остро дискуссионной, впрочем, как и западная концепция личности как таковая.

Библиографический список

1. Ренан Э. Очерки по истории религии // Классики мирового религиоведения. М.: Канон, 1996. С. 268-286.
2. Schleiermacher F.D.E. Kurze Darstellung des theologischen Studiums zum Behuf einleitender Vorlesungen. 2. umarbeitete Ausg. Berlin: Gedruckt und verlegt bei G. Reimer, 1830.
3. Schleiermacher F.D.E. Theologische Enzyklopädie (1831/32). Berlin - New York: Gruyter, 1987.
4. Ast F. Hermeneutik // Gadamer H.G, Boehm G. Seminar: Philosophische Hermeneutik. Zweite Auflage. Frankfurt am Main: Suhrkamp, 1979. S. 111-130.
5. Тиллих П. Систематическое богословие. Том I, II. Части I, II и III. СПб.: Алетейя, 1998.
6. Хоркхаймер М., Адорно Т. Диалектика Просвещения. Философские фрагменты. М., СПб.: Медиум Ювента, 1997.
7. Фуко М. Археология знания / Пер. с фр. / Общ. ред. Б. Левченко. Киев: Ника-Центр, 1996.

8. Плисов Е.В. Литургический текст в контексте глобализации: интегративные процессы в немецкой богослужебной практике // Вестник Нижегородского государственного университета им. Н.А. Добролюбова. Выпуск 15. Нижний Новгород: ФГБОУ ВПО НГЛУ, 2011. С. 76-86.

Сведения об авторе

Ворохобов Александр Владимирович
кандидат философских наук,
заведующий кафедрой богословия и философии
Нижегородской духовной семинарии
E-mail: vorokhobov@yandex.ru

УДК 327.83:001.82

ОЦЕНКА ПОЛИТИЧЕСКОЙ СОСТОЯТЕЛЬНОСТИ НЕПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ КАК МЕТОДОЛОГИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА*

П.А. Ерофеева

*Нижегородский государственный лингвистический университет
им. Н.А. Добролюбова, Нижний Новгород*

Современные неправительственные организации представляют интерес как участники международной политики. Сложно, однако, оценить их состоятельность в этом качестве – способность к независимому транснациональному действию и влиянию на принятие внешнеполитических решений. Статья предлагает критический обзор основных теоретико-методологических подходов к этой проблеме.

Ключевые слова: неправительственные организации (НПО), гражданское общество, политическая эффективность, методология.

Methodological Issues in Evaluating Political Capability of NGOs

Polina Erofeeva

As NGOs are emerging into prominent actors in international politics, the issue of measuring their political capability and efficiency draws particular interest. The paper offers a critical overview of core theoretical approaches to evaluating NGOs as politically accountable actors of global civil society.

Key words: non-governmental organizations, civil society, political accountability, methodology.

Как объект научного познания неправительственные организации продолжают набирать междисциплинарную популярность. Рост их числа во второй половине XX века, структурные, функциональные и статусные особенности современных НПО представляют интерес для экономистов и социологов, а также в политической науке и теории международных отношений.

* Статья выполнена в рамках НИР «Роль правозащитных организаций в принятии внешнеполитических решений и формировании внешнеполитического бюджета: сравнительный анализ Германии и США», проект АВЦП «Развитие научного потенциала высшей школы» (Программа «Иммануил Кант») и проекту «Политика США на Ближнем Востоке: участие бизнес- и некоммерческого лобби в процессе принятия внешнеполитических и оборонных решений и формировании внешнеполитического бюджета США» при финансовой поддержке ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009-2013 гг.

Политология актуализирует роль НПО в политическом процессе, их способность влиять на властные решения в качестве институциональных групп интересов, их нормативные притязания и идеологические установки. Нет, однако, ясности в оценке влияния НПО как участников международной политики: в отсутствие методологической стройности сложно зафиксировать действительный вклад НПО, отделить его от тех либеральных чаяний, которые связывают с ними как субъектами гражданского общества, агентами «современного проекта эмансипации» [1. Р. 27]. Статья детализирует основные теоретико-методологические подходы к оценке политического влияния неправительственных организаций.

Контекст

В международно-политических исследованиях неправительственные организации дебютировали в 1970-е гг., когда принципиальная государствоцентричность неореалистического подхода теряла привлекательность среди учёных, наблюдавших драму внешней политики США. Нефтяной кризис, травма войны во Вьетнаме, спад экономики и наметившийся торговый дисбаланс с Японией провоцировали дискуссию о закате анархической системы, становлении режима «комплексной взаимозависимости» и переломе внешнеполитических приоритетов: традиционные вопросы «высокой» политики – военная безопасность и ядерное противостояние – утрачивают актуальность на фоне финансовых и торговых вызовов, иногда прежде причисляемых к политике «низкой». Тем не менее, для флагманов нового видения Р. Къехана и Дж. Ная НПО не представляли самостоятельной исследовательской ценности, а получили внимание на фоне общего стремления ученых к изучению «контактов, взаимодействий и коалиций, пересекающих национальные границы и неконтролируемых центральными внешнеполитическими органами государств» [2. Р. xi].

Распространение информационных технологий и завершение холодной войны повлекли рост и реструктуризацию транснациональных связей, что, в свою очередь, переформировало политологический интерес к НПО в 1990-е гг. в рамках теории глобального гражданского общества. Сложившаяся в изучении «сферы идей, ценностей, институтов, организаций, [...] расположенных на стыке структур семьи, государства и рынка и

функционирующих вне границ национальных обществ, политий и экономик» [3. Р. 17], эта новая исследовательская программа с одной стороны, сдвинула фокус от просто неправительственных организаций к международным НПО, а с другой, раскрепостила само понимание международного и национального. Несмотря на изначальный интерес к транснациональному измерению гражданской самоорганизации, некой области, «в которой индивиды вступают в отношения и развивают элементы своей идентичности вне роли гражданина конкретного государства» [4. Р. 261], в 2000-х гг. наметился негативный консенсус относительно этой аналитической конструкции: разделение гражданского общества на два уровня – национальный, «домашний» и международный – есть операция упрощения, по емкому замечанию, Дж. Кеана, «как если бы «глобальное» было каким-то приставочным, бездомным, экстра-территориальным феноменом» [5. Р. 23]. Критическое приобщение к этой логике позволяет отказаться от несущественного в контексте проблемы политической состоятельности НПО разделения: и национальные НПО, и международные их коалиции существуют в условиях глобальной системы суверенитетов, и этот объединяющий фактор задает характер их политической реализации.

Еще один малый методологический эффект возросшего в политологии интереса к институциональным субъектам гражданского общества – это пролиферация названий для такого рода объединений. Понятие «НПО» (nongovernmental organization – NGO) чаще используется в литературе по международным отношениям и развитию, а также более распространено в Европе, тогда как в США и Японии широко принят термин «некоммерческая организация – НКО» (nonprofit/not-for-profit organization – NPO), его же используют в экономической и социологической литературе. Кроме того, в британских источниках распространены наименования «добровольческая ассоциация» (voluntary association) или «благотворительное общество» (charity), напоминающие о филантропической традиции. По наблюдению М. Калдор, «более радикальные авторы» настаивают на термине «организация гражданского общества» (Civil Society Organization), поскольку он определяет феномен самобытно, подчеркивая общественную природу таких объединений, но не проводя параллелей с государством или

корпорацией [6]. Тем не менее, в статье используется термин «неправительственная организация»: он отражает дисциплинарную традицию и при этом подразумевается как эквивалент всем представленным выше синонимам.

Эффективность как благотворность

Интерес теоретиков глобального гражданского общества к НПО первоначально воплотился в форме простого подсчёта таких организаций и описания их деятельности. Количественный и дескриптивный анализ проводился с учетом показателей социального и политического прогресса и интерпретировал состоятельность НПО как благотворность, то есть положительный, социально значимый эффект от самого их существования. Так, Дж. Боли и Дж. Томас высказывают догадку о том, что НПО являются проводниками мировой политики, обозначенной учеными как «универсалистский уровень организационной формации, функционирующей в качестве конститутивной и направляющей среды для государств и других социальных единиц» [7. Р. 3-4]. В подтверждение своего тезиса авторы анализируют статистику по учреждению и распаду международных НПО в период с 1875 по 1989 г. и сопоставляют ее с традиционными показателями развития: ВВП, среднедушевой доход, прирост экономики и т.д. Такой анализ позволяет выявить зависимость между приростом глобального благосостояния и интенсификацией процесса создания международных НПО, прослеживающуюся, в том числе, при сопоставлении данных только по наименее развитым странам. Параллельно Дж. Боли и Дж. Томас демонстрируют устойчивость международных НПО к межгосударственным институциональным инициативам: учитывая данные по межправительственным организациям, ученые находят, что международные НПО и МПО успешно сосуществуют в большинстве секторов, хотя, в случае сравнительной несостоятельности НПО, вмешательство государств должно вести к монополизации сектора и ликвидации НПО.

В свою очередь, М. Калдор, сопоставляя динамику «плотности» НПО в 1981-2001 гг. с такими параметрами как «степень глобализации», измеримой как предел интеграции в международные человеческие, торговые и финансовые потоки, и «степень многосторонности», понятой как совокупный объем подписанных и

ратифицированных международных соглашений, членство в организациях и т.д., обнаруживает строгую корреляцию между тремя параметрами, интерпретируя ее как «добродетельный круг», в котором рождение одного фактора гарантирует развитие другого [1].

Впрочем, было отмечено несовершенство количественного подхода. Дж. Кеан иронически называет результат подобных исследований «цифровой теорией мировой политики», в соответствии с которой метод простого сложения неправительственных акторов и институтов якобы демонстрирует их влияние [5. Р. 95]. Более того, количественный анализ зачастую выявляет несамостоятельность НПО, их прикладную роль в качестве проводников империализма. Например, Дж. Боли и Дж. Томас, замечая, что международные НПО универсалистского характера появлялись в большем количестве в конце XIX – первой половине XX вв. и только во второй половине XX в. тенденция изменилась в пользу региональных НПО, признают историзм «мировой политики»: ее структуры развиваются в ходе процесса универсализации национального государства и унификации мира за счет включения периферийных регионов в европейскую систему суверенитетов и международную капиталистическую экономику [7. Р. 42]. В анализе же М. Калдор высокие показатели по всем трем параметрам демонстрируют развитые страны Европы и Северной Америки, которые по этой причине называют не только «глобализованными» / «многосторонними» / «пост-национальными» государствами, но и зоной «нового империализма» [8].

Состоятельность в представительстве

Другой способ оценить эффективность НПО – это понять, кого они представляют, то есть *для кого* они эффективны, особенно в контексте институтов представительской демократии. Например, М. Хардт и А. Негри противопоставляют НПО формальным демократическим институтам, актуализируя их как структуры сопротивления и подчеркивая, что человечество гораздо лучше представляют организации, относительно независимые от государства и капитала: нормы мирового гражданского пространства сформированы желанием избавиться от партикуляристских ценностей, используемых для подавления, разделения и отчуждения «множества»; народы объединяются для борьбы против рабства

принадлежности к нации, идентичности, суверенитету, освобождаясь от цепей представительства, в которых народ представляет «множество», нация представляет народ, а государство – нацию, каждая из которых означает все больший уровень абстракции и контроля, в то время как НПО тождественны народным организациям, поскольку интерес народа различим в противопоставлении интересу государства [9. Р. 134, 311-314, 361-362].

Большинство теоретиков НПО, однако, не разделяют неомарксистский космизм и с позиций умеренного либерализма детализируют проблему соотношения гражданских и государственных структур. М. Калдор, наблюдая повсеместную усталость от формальных демократических процедур и институтов (выраженную, например, в падении явки на выборах), отмечает потенциал НПО к широкому социальному представительству, однако видит гражданское общество как дополнительный компонент демократии, ни в коем случае не противопоставленный формальным институтам политической репрезентации [10]. Дж. Кеан заключает, что состоятельность НПО определяется в наличии «социального капитала» [5. Р. 197] – категории, предложенной К. Оффом для обозначения «синдрома когнитивной и моральной склонности граждан делегировать ответственность незнакомым согражданам, чтобы те могли практиковать ассоциирование и проявлять внимание к общественным отношениям и проблемам» [11. Р. 232]. Социальный капитал в этом смысле сближает НПО и правительство, поскольку и в том, и другом случае речь идет о «незнакомых согражданах», которым делегирована забота об общественном благе.

Зависимость между социальным капиталом, репрезентативностью и политической состоятельностью диктует необходимость определить, в чем заключается социальный капитал НПО и чем он отличен от правительственного. На этом этапе совершается неочевидный в своей обыденности, но важный методологический шаг: НПО рассматриваются как единицы гражданского общества, понимаемого с учетом кантианской традиции и в коммуникативной трактовке Ю. Хабермаса. Разделяя классическое представление И. Канта о правовом обществе как пространстве, где господствует вечный мир, поскольку странники,

прибегая к естественному праву *посещения*, могут временно пребывать в нем, исследователи НПО интерпретируют гражданское общество как пространство *постоянного* пребывания для разных воззрений и ценностей [5. Р. 196-198] – измерение просвещенной терпимости и плюрализма, наследуя идею Ю. Хабермаса о социальном общении.

Рассматривая «структурную трансформацию общественного пространства» [12] в Западной Европе XVIII–XIX вв., Ю. Хабермас находит, что культура «публичного» общения, возникшая в начале XVIII века вследствие утверждения гражданских прав, распространения свободной прессы и появления площадок для добровольной дискуссии между равными (салонов, литературных журналов), привела, среди прочего, к развитию идеи общего блага, вокруг которой выкристаллизовалось нормативное понятие общественного мнения. С укреплением авторитета социальной речи общественное мнение укоренилось как оценка политики государства на предмет соответствия общему благу, сформулированному в свободной коммуникации равных граждан.

Для оценки влиятельности неправительственных ассоциаций полезно предложенное Ю. Хабермасом различение общественного как идеи и как идеологии, то есть «социально необходимой иллюзии» (прим. 1). Буржуазное гражданское общество на этапе своего становления во многом предстало такой иллюзией, поскольку выдавало за общесоциальное благо идеи и нормы, утвердившиеся в ограниченном круге обеспеченных и просвещённых. Из этого, однако, не следует, что общественное стало институтом подавления, поскольку круг участвующих в общественной дискуссии не было ограничен *в принципе*: любой обладающий достатком и образованием мог принять в ней участие – однако он сложился как закрытый *на практике* – в условиях социально-экономического неравенства. К современным НПО интеллектуальный опыт Ю. Хабермаса имеет непосредственное отношение: с одной стороны, НПО *в принципе* «институционализируют проблемно-ориентированные дискурсы общественного блага» [13. Р. 367], но *на практике* их представительство сводится к двум конкретным меньшинствам – доноров и бенефициаров. С высокой вероятностью представления двух этих условно полярных групп об эффективности НПО, в том

числе политической, различаются. Для осмысления этого противоречия теоретики НПО используют понятие внутренней (функциональной) и внешней (стратегической) ответственности [14], которое в свете рассматриваемой проблемы можно также трактовать как функционально-управленческую эффективность и эффективность стратегическую.

Функциональная эффективность vs. стратегическая эффективность

Функциональная эффективность может быть понята как эффективность практик управления, расходования средств, а стратегическая эффективность рассматривается как «степень, в которой НПО остаётся верной своим целям и миссии» [6]. Функциональную эффективность оценить сравнительно легко, о чем свидетельствует, например, американский опыт. На основе данных «формы 990», которую ежегодно предоставляют в службу внутренних сборов США НПО разных типов, независимые экспертные центры составляют рейтинги организаций, соизмеряя расходы на основную деятельность и административное обеспечение, учитывая тип членства и способ принятия управленческих решений, наличие политики конфиденциальности доноров и многое другое. Кроме того, сама форма 990 находится в открытом доступе и может быть самостоятельно изучена исчерпывающим образом, поскольку очень детально и включает в себя вопросы не только об активах, доходах и расходах, но также о внутренних процедурах, проектах прямого и косвенного лоббирования, конфликтах интересов между членами НПО и т.д. Для доноров, традиционно заинтересованных в такой информации, функциональная эффективность конвертируется в социальный капитал НПО, который, в свою очередь, расширяет ее представительность (финансирование идет из большего числа источников) и укрепляет способность к политическому влиянию: при наличии социального капитала к позиции НПО прислушиваются, а при наличии бюджета у НПО есть возможность тратить больше средств на прямое лоббирование и медиа-кампании.

Стратегическую эффективность измерить и оценить сложнее. В работах теоретиков глобального гражданского общества для ее оценки сложился специфический понятийный аппарат. Так, М. Калдор, обращаясь к проблеме моральной ответственности

субъектов гражданского общества, выделяет классические НПО и так называемые «социальные организации» [6]. Социальные организации – это такие НПО, которые представляют определенную социальную группу, сформированы и финансируются представителями этой социальной группы и рационализируют свое бытие в социальных, а не культурных или религиозных терминах (прим. 2). Типичные представители этой категории – профессиональные ассоциации, локальные объединения женщин или молодёжи, группы инвалидов, беженцев, безработных или представителей коренного населения. Такие организации редко получают стороннее финансирование и целиком полагаются на ресурсы своих членов. Следовательно, стратегическая эффективность / моральная ответственность в таких НПО смыкается с функциональной эффективностью / ответственностью.

То, что в англоязычной традиции мыслится классической НПО, – это ценностно-ориентированная организация, созданная в целях оказания гуманитарной помощи и услуг для «уязвимых общин» или определённой социальной категории граждан, отличной от той, к которой принадлежат сами члены НПО, как правило, составляющие профессиональный трудовой коллектив. Несмотря на протрясающее функциональное разнообразие таких НПО, необходимо различать два принципиальных типа их деятельности. Та часть работ, которую можно объединить под грифом «оказание услуг» (service provision), включает помощь в ликвидации последствий стихийных бедствий и гуманитарных катастроф, первичное здравоохранение, неформальное образование, правовые услуги и помощь в улучшении жилищных условий, предоставление микро-кредитов, а также тренинг для волонтеров новых НПО на местах. Другую, автономную форму активности НПО представляет правозащитная деятельность (advocacy), воспринятая как специфический тип лоббирования, включающий, в частности, и медиа-давление, и консультирование.

Такое различие видов деятельности НПО позволяет очертить границы проблемы политической эффективности. Оценка того, насколько с точки зрения бенефициаров организация эффективна в сфере оказания услуг – вопрос скорее социально-экономического анализа. А состоятельность правозащитных инициатив НПО в контексте их целей и миссии и есть их политическая состоятельность.

Действительно, значительная часть эмпирических изысканий теоретиков глобального гражданского общества посвящена описанию правозащитных кампаний, практик лоббирования. Однако соотношение результатов таких case studies и нормативных притязаний теории уязвимо для критики: неудачный опыт лоббирования иногда замалчивается (например, как в случае с Киотским протоколом, который США не подписали, несмотря на давление активистов [15. Р. 45-46]), в то время как положительный конструируется как показательный, единственно возможный (как в случае с подписанием США Оттавской конвенции о запрете противопехотных мин [16]). Проблема теории – соблазн игнорировать государство и бизнес, конструировать глобальное гражданское общество без учета того обстоятельства, что правозащитная деятельность НПО представляет собой ту или иную форму воздействия на правительства и/или корпорации, поэтому в перспективе интересно оценить политическую эффективность НПО средствами классической политической науки – в контексте групповой теории политики или теории рационального выбора, то есть с точки зрения субъекта принятия решений, или с учетом институционального фактора, категории «политических подсистем».

Заключение

Политология аккумулировала значительное количество теоретических подходов к осмыслению проблемы политической состоятельности НПО. Методы и категории, используемые для оценки влиятельности гражданских объединений, подвергаются критике и обновлению, и их совокупное достоинство в современном виде – предельная конкретизация предмета исследования, обращение к проблеме репрезентативности НПО, их функциональной и моральной ответственности, потенциально драматичного балансирования между донорами и бенефициарами. Однако отсутствие доминантной теоретико-методологической рамки и видимый горизонт новых методик оставляет проблему оценки политической состоятельности НПО открытой.

Примечания

1. Термин Т. Адорно. Приводится по: Habermas J. *Structural Transformation of Public Sphere: An Inquiry into a Category of Bourgeois Society*. Cambridge, Mass: MIT Press, 1991.
2. Похожую классификацию предлагает Ю. Стульников. См.: Стульников Ю. «Цивилизованный» лоббизм как фактор взаимодействия власти и институтов гражданского общества // *Власть*. 2008. № 8. С. 30-34.

Библиографический список

1. Kaldor M. *Global Civil Society: An Answer to War*. Cambridge: Polity, 2003. 189 p.
2. Nye J., Keohane R.O. *Transnational Relations and World Politics*. Cambridge, Mass: Harvard University Press, 1972. 428 p.
3. Anheier H., Glasius M., Kaldor M. (eds.) *Global Civil Society 2001*. Oxford: Oxford University Press, 2001. 348 p.
4. Wapner P. *The Normative Promise of Nonstate Actors: A Theoretical Account of Global Civil Society* / Wapner P., Ruiz L. E. *Principled World Politics. The Challenge of Normative International Relations*. MD: Lanham, 2000. 399 p.
5. Keane J. *Global Civil Society?* Cambridge: Cambridge University Press, 2003. 220 p.
6. Kaldor M. *Civil Society and Accountability* // *Journal of Human Development*. 2003. Vol. 4. #1. P. 5-27.
7. Boli J., Thomas G. M. *Constructing World Culture: International Nongovernmental Organizations Since 1875*. Stanford, CA: Stanford University Press, 1999. 363 p.
8. Cooper R. *The Post-Modern State* // Leonard M. (ed) *Reordering the World*. L.: The Foreign Policy Center, 2002. 129 p.
9. Hardt M., Negri A. *Empire*. Cambridge, Mass: Harvard University Press, 2001. 478 p.
10. Kaldor M. *Transnational Civil Society* // Dunne T., Wheeler N.J. (eds) *Human Rights in Global Politics*. Cambridge: Cambridge University Press, 1999. 337 p.
11. Offe C. *Civil Society and Social Order: Demarcating and Combining Market, State, and Community* // Hollingsworth J.R., Mueller K.H., Hollingsworth E.J. (eds) *Advancing Socio-Economics: An Institutional Perspective*. Lanham, MD: Rowman & Littlefield, 2005. P. 213-234

12. Habermas J. Structural Transformation of Public Sphere: An Inquiry into a Category of Bourgeois Society. Cambridge, Mass: MIT Press, 1991. 301 p.

13. Habermas J. Between Facts and Norms. Contributions to a Discourse Theory of Law and Democracy. Cambridge, Mass: MIT Press, 1998. 675 p.

14. Edwards M., Hulme D. Beyond the Magic Bullet: NGO Performance and Accountability in the Post-Cold War World. L.: Earthscan, 1995. 259 p.

15. Chandler D. Constructing Global Civil Society: Morality and Power in International Relations. Hampshire: Palgrave Macmillan, 2004. 238 p.

16. Scott M.J.O. Danger – Landmines! NGO-Government Collaboration in the Ottawa Process // Edwards M., Gaventa J. (eds) Global Citizen Action. L.: Earthscan, 2001. 336 p.

Сведения об авторе

Ерофеева Полина Андреевна
аспирант кафедры международных отношений и
политологии НГЛУ им. Н.А. Добролюбова
E-mail: polina.erofeeva@list.ru

УДК 94(38):355.535

ПРОБЛЕМЫ ПОЛУЧЕНИЯ И РАСПРОСТРАНЕНИЯ ИНФОРМАЦИИ В ХОДЕ ВОЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ В КЛАССИЧЕСКОЙ ГРЕЦИИ

В.Н. Топтунов

*Нижегородский государственный лингвистический университет
им. Н.А. Добролюбова, Нижний Новгород*

В статье рассмотрены проблемы получения и распространения информации в ходе военных действий в классической Греции, а также способы получения тех или иных стратегических сведений и характер различных источников этих сведений. Большинство из источников и способов получения сведений военного характера используются и поныне, однако некоторые из них претерпели значительные изменения или и вовсе перестали использоваться. Автор рассматривает различные виды военных сведений и способы их получения в классической Греции.

Ключевые слова: классическая Греция, информация, военное искусство, армия, полис.

Obtaining and Disseminating Information in Wartime in Ancient Greece Vadim Toptunov

The article addresses problems connected with obtaining and disseminating information in wartime in ancient Greece as well as ways of getting different types of strategic information and the nature of various sources. Even though most of the sources and methods of obtaining military information are still in use today, some of them have changed dramatically or have fallen into disuse. The author discusses various types of military information and different practices of obtaining such information in ancient Greece.

Key words: ancient Greece, information, art of war, the army, polis.

Распространение информации в классической Греции – вопрос весьма актуальный для современного антиковедения, однако, к сожалению, малоизученный. Отечественные исследователи незаслуженно обошли вниманием эту тему. Вместе с тем американские антиковеды Ф.С. Рассел, Ч.Г. Старр, А. Геролиматос и др. в своих работах дали подробный анализ данной темы, однако ряд проблем на данный момент являются дискуссионными.

Ввиду фрагментарности источников и дискуссионности отдельных проблем, необходимо более детально изучить способы распространения и получения информации во время военных действий, а также рассмотреть пути, по которым информация

передавалась в столь экстремальных условиях. На наш взгляд, понимание процессов информационной циркуляции в античности, поможет в дальнейших исследованиях данной эпохи.

В своем исследовании мы опираемся не только на труды зарубежных ученых, но и на источники, которые давно введены в историческую практику. Несмотря на фрагментарность данных источников, мы все же можем получить ряд сведений для проведения данного исследования. Весьма важно понять, как информация распространялась в греческих полисах и между ними. Современным исследователям приходится опираться главным образом на тексты древнегреческих авторов, таких как Фукидид, Аристофан, Демосфен и др. Часто в текстах источников информация выступает как уже известная современникам, в то время как исследователям необходимо пытаться реконструировать способы ее получения, благодаря прямым и косвенным данным.

Для исследователей имеет особый интерес то, как распространялась информация во время ведения военных действий задолго до изобретения средств радиотелефонной передачи. Трудности возникают в связи с самим актом передачи информации, так как она носила, как правило, устный, реже письменный, характер. Стоит отметить, что до нас практически не дошли какие-либо достойные упоминания вещественные доказательства военной коммуникации, как то донесения тайных агентов или охранительных пикетов, поэтому в задачу исследователя входит изучение всех возможных способов распространения и получения информации во время ведения военных действий в классической Греции, а также выявление проблем, связанных с данными процессами.

Как известно, в классический период своей истории, как и в более ранние периоды, Древняя Греция состояла из большого числа городов-государств, которые то образовывали союзы, то враждовали друг с другом. Естественно, что каждому из них была необходима информация о соседних полисах, дабы иметь представление об их возможностях на случай войны [1. Р. 3]. По сведениям Фукидида (Thuc. I.68, I.80), спартанцы, например, часто недооценивали полис-противника Афины, предполагая, что у афинян равные со спартанцами силы и они находятся на расстоянии дневного перехода. На самом деле, когда возникала необходимость в более

основательной информации о военном состоянии афинского полиса, появлялась потребность в разведке [1. Р. 3].

Мы не можем сказать наверняка, как проходила разведка, однако, есть данные источников, в разной степени близкие к исследуемой эпохе. Особенный интерес для нас представляют такие источники, как трактат Энея Тактика «О перенесении осады», где описан такой способ передачи информации, как «книжный шифр»^[2], произведения Ксенофонта, а также трагедия «Рес» (автор неизвестен), действие которой происходит во время осады Трои, хотя само произведение может быть датировано IV в. до н.э., о чем говорит Ф.С. Расселл [3. Р. 2]. Некоторую информацию о разведке тех времен можно почерпнуть также из «Политики» Аристотеля. В своем произведении Аристотель упоминает о практике использования тайных агентов (Aristotle. Polit. 1330a-1331b) [3. Р. 5]

Очевидно, что информация различного характера в военное время нужна ничуть не меньше, а порой даже больше, чем в мирное время. Так как во время войны число открытых источников сведений резко сокращается, то с давних времен военачальникам приходилось прибегать к различного рода ухищрениям. Часто в Древней Греции военную информацию доставляли различными способами, например, с помощью отдельных разведчиков, охранительных дозоров и т. д. Также активно использовали информацию, поступающую от пленных и дезертиров. Такая информация, разумеется, нуждалась в оценке и тщательной проверке. Также для получения информации использовались предсказатели. Среди тех, кто добывал секретную информацию, были не только собственно шпионы, но и провокаторы, а также предатели.

По мнению Ч.Г. Старра и А. Геролиматоса, древнегреческих военачальников мало интересовала информация о техническом оснащении вражеской армии [4. Р. 15], так как в те времена вооружение у армий было примерно одного типа и вида [1. Р. 5]. Однако у Фукидида мы находим опровержение данной точки зрения (Thuc. 7.62.3, 7.65.1). Учитывая эти данные, необходимо внести некоторые уточнения в выводы упомянутых исследователей. Хотя развивалась техника и технология военного дела в Древнем мире достаточно медленно, не стоит полагать, что техническая информация об оснащении армии противника не имела никакого значения для

военачальников. При планировании предстоящего боя греческие полководцы старались узнать как можно больше о враге, дабы быть полностью подготовленными и победить.

Ксенофонт отмечал чрезвычайную пользу разведки не только для успешного исхода военных действий, но и для полиса в целом. Он считал, что военачальник обязан с большой долей достоверности выяснить, сильнее или слабее враждебный полис, не только прежде чем начинать войну, но и для того, чтобы быть готовым к обороне (Xen. Mem. 3.6.8-9.). Идею пользы разведки для полиса поддерживают такие авторы, как Исократ и Плутарх (Isocrates IX Evag. 41, 42; Plutarch Mor. 187d). Историк Фукидид, например, в своей «Истории» наибольшее внимание акцентирует на «провалах разведки» и их психологических последствиях, а не на ее успехах (Thuc. 3.83.4). До сих пор, несмотря на то, что военное искусство и искусство разведки благодаря научно-техническому прогрессу шагнули далеко вперед, победы разведки не имеют такого влияния на умонастроение контингента солдат, как ее провалы. Секрет состоит в том, что как правило, об успехах разведки узнают спустя значительное количество времени, в то время как о провале – немедленно, что часто и влияет на ситуацию на поле сражения.

Прежде чем говорить о разведке в Древней Греции, стоит определить рамки того, что могло интересовать командование войск того или иного полиса во время военных действий. К разведывательной информации, которая в первую очередь интересовала греческих военачальников, относились «планы врага» (τα τών πολεμίῳν) [З. Р. 7], а именно стратегическая и тактическая информация. Для получения данной информации использовалось много различных приемов и ходов. Например, при использовании дозоров и лазутчиков можно было получить только приблизительную информацию о месторасположении и примерной численности вражеского войска, так как дозор по объективным причинам не имел возможности приблизиться к интересующему его объекту настолько, чтобы узнать необходимое.

Для получения информации использовались не только солдаты, охранявшие военный лагерь и предпринимавшие время от времени разведывательные вылазки, но и отдельные шпионы, действовавшие в стане врага. Стоит особенно отметить, что, по мнению Энея Тактика,

к разведчику должны были быть применены особые критерии: особенно острый ум, высокая надежность и правдивость [2].

Также заметим, что во время боевых действий нередко были случаи использования малых боевых групп для проникновения в лагерь противника в ночное время для проведения разведки, а также захвата лиц, обладающих необходимой информацией [3. Р. 7]. Что касается боевых действий вне суши, то для разведки на море использовались лодки или малые военные суда для того, чтобы узнать расположения судов противника или для проверки информации, полученной иными путями. Античными историками (Хен. Hell., III, 4, 1) зафиксированы случаи, когда предположительно купцы, граждане того или иного полиса, заметив передвижение флота другого полиса, который мог потенциально угрожать их полису, возвращались на родину, чтобы сообщить данные сведения [1. Р. 23]. Несмотря на то что в данном случае в качестве информаторов выступают именно купцы, по мнению В.М. Строецкого, купец в силу рода занятий не мог пренебречь торговой выгодой из одного лишь патриотизма, что ставит под сомнение принадлежность данного лица к купцам и переводит его в когорту возможных тайных агентов, исполнявших купеческие функции лишь для прикрытия своей основной деятельности [5. С. 167].

В отличие от использования охранительных пикетов и отдельных групп лазутчиков, которые не могли предоставить максимально детальную информацию о планах врага, захват пленного мог дать военачальникам гораздо больше подлинных сведений. Стоит отметить тот факт, что со времен Древней Греции до наших дней ценность и степень детализации информации, полученной от пленного солдата вражеской армии, возрастает с его рангом: солдат мог знать только то, что видел сам или слышал в военном лагере, в то время как командир высшего ранга был посвящен во все военные планы, а также знал реальное положение вещей в войске, что могло сыграть на руку захватившим его [3. Р. 44]. Ксенофонт в своем произведении «Анабасис» пишет следующее: «Так сообщали Киру перебежчики от неприятеля (со стороны великого царя) до битвы, и те враги, которые были взяты в плен после битвы, подтверждали это» (Хен. Anab. 1.7.13). Заметим, что в Древней Греции отсутствовали определенные конвенции об обращении с пленными, в наличии были

только негласные правила. Захваченному, добровольно сдавшемуся или дезертиру, угрожало многое: смерть, рабство и др. Вышеназванные обстоятельства заставляли пленников давать захватившим их воинам информацию о своей армии в надежде на то, что их оставят в живых. Согласно Ксенофону, иные стимулы, вроде щедрых посулов, редко помогали в добыче информации от пленников. Сведения, полученные от солдат вражеских армий, тщательно проверялись, дабы избежать военной неудачи. Нередки были случаи дезинформирования противника через подставных пленников и дезертиров. Для верификации полученных данных использовались не только разведчики, которые отправлялись на место, указанное пленным для проверки ситуации, но и допрос пленников по отдельности, с последующей сверкой их показаний. Данный способ используется и поныне. Однако несмотря на все попытки получить исключительно достоверную информацию, нередко были случаи допроса группы пленников одновременно (примеры можно почерпнуть у Ксенофонта в произведении «Анабасис»), что давало пленным возможность дезинформирования захватчиков (Хен. Анаб. 1.7.13). Также в качестве информаторов, кроме пленников и дезертиров, часто использовались и местные жители, которые не только прекрасно знали местность, но и, благодаря своему месту жительства, могли обладать информацией о передвижениях и ресурсах армии противника (Хен. Анаб. 1.7.13). Однако, по нашему мнению, информация, получаемая от местных жителей, могла быть не всегда достоверной, так как обычно войны и сражения не велись на территории третьего нейтрального полиса и одна из сторон неизбежно являлась вражеской, что могло заставить жителей дезинформировать военных.

В связи с началом социально-экономического кризиса в конце классической эпохи возникает наемничество [6. С. 218]. Наемники служили в армиях других полисов, получая жалование и добычу. Так как ничто, кроме меркантильных интересов, не держало солдат в той или иной армии, то логично предположить, что они часто меняли своих хозяев, что предполагает путешествия из полиса в полис и, в свою очередь, сбор и передачу той или иной информации, собранной в странствиях.

Помимо способов получения разведывательной информации от вражеских источников, стоит также рассмотреть вопрос о доставке ее в лагерь. Ссылаясь на Ксенофонта, можем сказать, что разведчики поддерживали связь с командирами через нарочных (Xen. Anab. 5.1.9). Время от времени посты охраны ставились таким образом, чтобы между ними можно было провести четкий коммуникативный акт. Например, Александр Македонский ставил посты своих воинов в линию так, чтобы они находились в зоне прямой видимости и слышимости друг от друга и могли передавать сообщения [3. Р. 23]. Также существовал иной способ передачи, который по своему принципу напоминает телеграф: посты, поставленные в линию в зоне видимости друг друга, имели особые знаки, подтверждавшие наличие данного поста. В случае если данный знак исчезал из видимости иных постов, поднималась тревога и уже через некоторое время в военном лагере знали о приближении врага [3. Р. 23].

Анализируя способы получения информации во время военных действий, необходимо рассмотреть такой типичный для древности, в том числе и античной, источник, как божественные знаки. Известно, что перед всеми относительно важными событиями в жизни полисов Греции жители или отдельные их представители, например военачальники, обращались к прорицателям и оракулам за тем, чтобы получить информацию божественного характера об исходе того или иного процесса [7. Р. 404]. Сейчас весьма трудно представить, что подобная информация рассматривалась наравне с абсолютно достоверными разведанными, однако учитывая тот факт, что древние греки, как и все древние народы, весьма уважительно относились к мнению богов, получаемому через предсказания, вероятно предположить, что в большинстве случаев они прислушивались к прорицаниям. Как правило, в качестве прорицателей во время войны использовали не оракулов, а гадателей, которые использовали в своих манипуляциях более привычные для воинов способы получения сведений [3. Р. 39]. В спартанском войске, например, были штатные должности прорицателей, и они часто использовались по назначению во время ведения войны.

Таким образом, можем заключить, что несмотря на то что количество источников официальной информации из других полисов во время ведения военных действий заметно сокращалось,

военачальники редко испытывали недостаток в сведениях о противнике, так как имели свои источники и способы их получения, как то: лазутчики, пикеты, предатели, шпионы, дезертиры, местные жители, гадалки и т.д. Несмотря также на некоторые проблемы, которые могло внести в военную коммуникацию состояние войны, коммуникация, тем не менее, редко прерывалась благодаря многообразию способов доставки информации. Многие из данных способов получения и распространения информации сохранились и успешно используются до сих пор, а некоторые лишь усовершенствовались и принципом своего действия дали импульс для новых изобретений, не только военного, но и мирного характера.

Библиографический список

1. Starr Ch. G. Political Intelligence in Classical Greece. Leiden, 1974.
2. Эней Тактик. О перенесении осад / Пер., ст. и прим. В.Ф. Беляева // Вестник древней истории. 1965. № 1-2 // Электронный ресурс Интернет: <http://www.xlegio.ru/sources/aeneas-tacticus/>
3. Russell F.S. Information Gathering in Classical Greece. The University of Michigan, 1999.
4. Gerolimatos A. Espionage and Treason: a study of proxenia in political and military intelligence gathering in Classical Greece. Amsterdam, 1986.
5. Строецкий В.М. Роль торговли и торговцев в получении и распространении информации между полисами Греции // Мнемон. СПб.: СПбГУ, 2005.
6. Маринович Л.П. Греческое наемничество IV в. до н.э. и кризис полиса. М., 1975.
7. Powell A. Athens and Sparta: Greek Political and Social History 478 B.C. London, 2001.

Сведения об авторе

Топтунов Вадим Николаевич
 аспирант кафедры культурологии, истории и древних языков
 НГЛУ им. Н.А. Добролюбова
 E-mail: umnijtony@mail.ru

ХРОНИКА

Добролюбовские чтения в НГЛУ

7-8 февраля 2012 года состоялась Международная научная конференция XXXVI «Добролюбовские чтения» - «Перспективы возрождения и модернизации – от Н.А. Добролюбова до наших дней». Конференция была организована совместно с Нижегородским государственным литературно-мемориальным музеем Н.А. Добролюбова. Это научное мероприятие привлекло внимание ученых различных направлений науки, поскольку было посвящено проблематике модернизации. Н.А. Добролюбов также жил в эпоху, когда Россия стремительно изменялась, модернизировалась. Будучи человеком активной гражданской позиции, он живо интересовался актуальными для страны и общества проблемами и событиями, активно занимался просветительской деятельностью, научными исследованиями. В своих публицистических сочинениях он обосновывал необходимость преобразований в России, показывал пример равнодушного отношения к проблемам современности.

Открытие конференции состоялось в Нижегородской государственной областной научной библиотеке им. В.И. Ленина, где прозвучали приветственные обращения заместителя министра культуры Нижегородской области А.А. Забегаловой, ректора НГЛУ им. Н.А. Добролюбова профессора Б.А. Жигалева, председателя Попечительского совета музея Н.А. Добролюбова, президента НГЛУ им. Н.А. Добролюбова профессора Г.П. Рябова, а также профессора кафедры ЮНЕСКО ННГАСУ Т.П. Виноградовой.

На пленарном заседании прозвучали интересные доклады Л.Ю. Моториной, директора Государственного литературно-мемориального музея Н.А. Добролюбова, доцента Национального университета «Киево-Могилянская академия» (Украина) С.И. Головащенко. Результаты своих научных изысканий в области психологических аспектов бытия личности в разных культурах в условиях модернизации представил профессор университета Рочестер (Нью-Йорк, США) Мартин Линч. Доклад кандидата философских наук, протоиерея Сергея Лепина (Республика Беларусь) был посвящен раскрытию понятия «духовность» в современном общественном сознании и научном дискурсе. Доклады гостей конференции вызвали оживленное обсуждение и целый ряд заинтересованных вопросов, задав тон яркой научной дискуссии последующих дней.

7 февраля в Музее Н.А. Добролюбова работали секции «Духовный мир Н.А. Добролюбова в контексте “модернизации” России и нижегородское культурологическое гнездо в пространстве меняющегося мира», «Сохранение традиций народного искусства и развитие дизайна, художественной и музейной педагогики в век модернизации России и глобализации мира», «Эстетика Н.А. Добролюбова и свобода творчества как фактор развития искусства», «Российская цивилизация и этноконфессиональное взаимодействие: объективная реальность и уровень осмысления в оценках Добролюбова и историков XIX-XXI вв.», «Влияние античной культуры и истории на понимание вечных ценностей в современном мире и на состояние современной цивилизации и культуры и отражение этой проблемы в творчестве Н.А. Добролюбова». Отрадно, что в работе секций приняло участие много молодых ученых, аспирантов и студентов, активно занимающихся научной работой и живо интересующихся актуальными научными изысканиями.

8 февраля в Музее Добролюбова плодотворно поработали секции «Литература как сфера художественной реализации русской духовной аутентичности. Добролюбовская концепция национального как тип культурно-исторического поведения» и «Сохранение традиций народного искусства и развитие дизайна, художественной и музейной педагогики в век модернизации России и глобализации мира». В НГЛУ прошли заседания секции «Проблема выбора духовно-нравственных ценностей и путей развития России в философии от Н.А. Добролюбова до наших дней». Содержание докладов каждой секции отличалось междисциплинарным характером, а также многообразием научной проблематики.

8 февраля на Круглом столе были подведены итоги работы, заслушаны отчеты и пожелания научных руководителей конференции и руководителей секций. С особым удовлетворением участники Круглого стола отметили междисциплинарный характер конференции и высказали пожелание сохранить его и в будущем, а также обсудили возможность присоединения новых секций и направлений к работе «Добролюбовских чтений». Участниками Круглого стола была утверждена научная концепция следующей конференции, предложенная профессором Г.П. Рябовым и направленная на отражение темы образования и воспитания в широком спектре гуманитарных наук от эпохи Н.А. Добролюбова до наших дней.

М.П. Самойлова

ВЕСТНИК
Нижегородского государственного лингвистического
университета им. Н.А. Добролюбова

Выпуск 17

Редакторы: Л.П. Шахрова
А.О. Кузнецова
А.С. Паршаков

Лицензия ПД № 18-0062 от 20.12.2000 г.

Подписано в печать 27.03.2012

Формат 60x90 1/16

Печ. л. 16,7

Тираж 500 экз.

Цена договорная

Заказ

Типография ФГБОУ ВПО «НГЛУ»
603155, Нижний Новгород, ул. Минина, 31а